

НАКАНУНЪ.

(Изъ воспоминаній).

I.

Въ видѣ вступленія.—Мои дѣтскіе литературные опыты.—Календарь.—Наказанный издатель.—Перепѣвъ «Хуторка» и новое взысканіе.—Передвижная учебническая библіотека.—Мое знакомство съ М. М. Куклинымъ.—Поэтъ, творящій въ банѣ.—Я подражаю разнымъ поэтамъ.—Бурсацкіе походы.—Поэтъ-священникъ и поэма «Долгоносые». — Осиповъ.—Метаморфоза.—«Мыслящій пролетаріатъ». — Ф. А. Арсеньевъ.—Лахминъ и «умныя книжки». — Старое и новое. — Молоко, либеральничанье и покаяніе.—Убѣжденія крѣпнуть.—Н. Ѳедоровичъ и его романъ «Бѣсовское наважденіе». — Рукописные журналы и наши сходки.—Мои неудачи въ «Сынѣ Отечества». — Авторъ «Историческихъ писемъ» и какъ либералы празднуютъ трусу.—Ремесленное училище и воспоминанія о Н. В. Шелгуновѣ.—Одинцовъ.—Я дѣлаюсь корреспондентомъ и сотрудникомъ «Русской Лѣтописи», «Искры» и «Недѣли». — Николаевъ.—Автобіографическая замѣтка.—«Вологодскія Губернскія Вѣдомости» и антикъ-редакторъ.—Н. В. Купріянова.—Я думаю ѣхать въ Петербургъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ воспоминанія?

Если хотите—да! Но правильнѣе: отрывокъ изъ воспоминаній о томъ времени, когда я подготавливался къ настоящей литературной дѣятельности. Это было именно «наканунъ», хотя я уже, всетаки, нѣкоторымъ образомъ вступилъ въ число литераторовъ въ концѣ «кануна».

Конечно, я не потому рѣшаюсь говорить объ этомъ времени, что считаю себя достойнымъ особеннаго вниманія со стороны читателя. Я не страдаю такимъ самомиѣніемъ, хотя и не включаю самоуниженія въ число добродѣтелей, обязательныхъ для писателя. Но если не я, то не лишены интереса тѣ условія, при которыхъ

я развивался и началъ работать, равно какъ и нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ мои воспоминанія.

Я началъ писать очень рано.

Еще будучи во второмъ классѣ гимназіи я издалъ рукописный календарь, пародируя извѣстный академическій календарь, присоединивъ къ нему отдѣлъ стихотвореній. У меня долгое время хранился экземпляръ этого календаря, въ которомъ я помѣстилъ стихи «Вѣтеръ». Съ переездами и скитаніями по Россіи я потерялъ этотъ календарь, съ которымъ произошло маленькое приключеніе еще и въ гимназіи. Я принесъ календарь въ классъ показать товарищамъ. Инспекторъ И. Л. Игнатьевъ увидѣлъ его у меня.

— Что это такое?

— Календарь, — краснѣя, промолвилъ я.

— Какой календарь? Дай-ка сюда. Вѣрно, глупѣйшія пѣсни...

Календарь взять и разсмотрѣвъ.

— Глупости! — изрекло начальство: — что еще за сочинительство!

И бѣдный издатель календаря былъ поставленъ на колѣни на весь день. Начальство даже обѣщало убавить въ поведеніи, но не сбавило, смиростивившись. Календарь, однако, былъ взятъ и отнесенъ въ учительскую. Каюсь, я утащилъ его, пробравшись въ «учительскую» тихонько, во время урока. А «начальство» и забыло о календарѣ.

Вторымъ моимъ произведеніемъ, не увидавшимъ печатнаго станка, было подражаніе Кольцовскому «Хуторку». У насъ въ гимназіи былъ учителемъ нѣмецкаго языка нѣкто Р., являвшійся на уроки зачастую пьянымъ. Онъ ежедневно въ клубъ сражался въ карты. Моя пародія такъ и начиналась:

На горѣ, за рѣкой,
Клубъ чиновный стоитъ.
Въ клубъ томъ за столомъ
Нѣмецъ пьяный сидитъ.

Я былъ тогда въ третьемъ классѣ. Стихи мои пошли по рукамъ, распѣвались, и одинъ изъ списковъ попался гувернеру. Это вызвало «слѣдствіе», авторъ былъ узнавъ и повесѣ кару.

Въ этомъ же году въ гимназіи между учениками основалась тайная передвижная библіотека, возникшая вслѣдствіе желанія читать не только тѣ книжки, которыя выдавались изъ ученической библіотеки. При этомъ надо замѣтить, что ученики, получившіе хотя одну двойку въ недѣлю, лишались права на чтеніе. Мысль открытія передвижной библіотеки принадлежала ученику четвертаго класса, П—ову. Мы всѣ откликнулись и охотно сдѣлали добровольные взносы: кто двадцать копеекъ, кто гривенникъ, иные и по рублю. И что это былъ за винигреть — каталогъ нашей библіотеки! Тутъ былъ и Пушкинъ и «Кіевская вѣдьма, или Ночь

на Дѣвпрѣ», «Морозъ—красный носъ» Некрасова и «Атаманъ Буря», и знаменитая «Магометанка, умирающая на гробѣ мужа». Любимыми книгами были: «Юрій Милославскій» и «Таинственный монахъ». Изъ-за этихъ книгъ мы въ буквальный смыслъ дрались, и разъ въ этой дракѣ чувствительно пострадалъ романъ Р. Зотова.

Существованіе библіотеки было открыто начальствомъ совершенно случайно. Разъ одинъ изъ абонентовъ во время урока естественной исторіи читалъ романъ «Онъ и она», принадлежащій перу Воскресенскаго. Учитель поймалъ и взялъ книгу.

— Откуда она у васъ?—спросилъ учитель.

— Изъ нашей библіотеки.

— Изъ ученической?—удивился педагогъ.

— Нѣтъ... изъ нашей... вотъ у него,—указалъ оробѣвшій подписчикъ на товарища, который былъ агентомъ читальни въ нашемъ классѣ.

Опять «слѣдствіе», въ ящикѣ стола библіотекаря найдено еще нѣсколько книгъ, и всѣ конфискованы (попали въ домашнюю библіотеку педагога).

Я въ это время усердно читалъ Кольцова, Никитина и Пушкина. Познакомившись съ воспитанникомъ вологодской семинаріи, М. М. Куклинымъ (теперь учитель и авторъ нѣсколькихъ учебниковъ и очень хорошихъ рассказовъ для дѣтей), писавшимъ стихи, я также началъ прилежно упражняться въ стихописаніи, подражая Пушкину, Никитину и самому М. Куклину. Я написалъ свою поэму «Цыгане», посѣтивъ для этой цѣли таборъ, расположенный вблизи Вологды; написалъ «Кавказскаго плѣнника». Я такъ усердно писалъ стихи, что забросилъ совсѣмъ уроки, разстроилъ здоровье подвижнымъ сидѣніемъ по ночамъ и остался на второй годъ въ томъ же классѣ.

Я позволю себѣ еще нѣсколько остановиться на М. М. Куклинѣ и знакомствѣ съ нимъ.

Онъ творилъ лѣтомъ, весною и осенью, въ мансардѣ, на чердакѣ, а зимою забирался въ баню, гдѣ писалъ огромныя сочиненія на разныя головоломныя темы по герменевтикѣ и другимъ предметамъ семинарскаго курса. Мы съ нимъ забирались на банный полдѣкъ, или на печку въ кухнѣ, и здѣсь онъ знакомилъ меня съ литературой, читалъ мнѣ Лермонтова, отцовъ церкви, развивалъ свои взгляды на жизнь. Наши бесѣды часто прерывались появленіемъ жены брата М. М., которая заставляла одного «поэта» качать выбку, а другаго прогоняла домой. Бывали случаи, что я нянчился съ дѣтьми, а М. М. шелъ писать сочиненія. Въ началѣ іюня М. М. уѣзжалъ на родину, въ Никольскій уѣздъ. Отправка десятка лодокъ бурсаковъ сопровождалась шумнымъ праздникомъ. За нѣсколько дней до отплытія ѣздили на лодкахъ за городъ для смоленія этихъ лодокъ. Устроивался пиръ, который часто кончался

«маленькой войной» съ солдатами таможи, такъ какъ бурсаки обыкновенно расхищали казенныя дрова для пожоговъ. Эти походы дали мнѣ матеріалъ для поэмы «Бурсацкіе походы». Я только что начитался Гоголя и изобразилъ семинаристовъ въ видѣ запорожцевъ. М. М. былъ представленъ Бульбой. Благодаря М. М. Куклину, который былъ старше меня лѣтъ на десять или двѣнадцать, я познакомился съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Дельвигомъ, Полежаевымъ, Писемскимъ и началъ недурно писать сочиненія. Потомъ М. М. репетировалъ меня по латинскому языку, но тутъ зачастую учитель становился втупикъ наравнѣ съ ученикомъ. У Куклина же я нашелъ поэму мѣстнаго стихотворца В. Сир—ина. В. Сир—инъ кончилъ семинарію и сдѣлался священникомъ. Но онъ не былъ призванъ къ этой роли, его тянуло въ даль, его охватила жажда путешествовать. Но какъ же достичь того, чтобы посмотреть дальнія страны, когда и должность, и средства матеріальныя являлись помѣхой. Тогда поэтъ-священникъ подалъ прошеніе въ стихахъ на имя одного высокопоставленнаго лица, отъ котораго могло зависѣть опредѣленіе В. С. въ священники флота. В. С. писалъ прекраснымъ стихомъ, и блески юмора, а нерѣдко и аттическая соль, дѣлали его стихи еще болѣе интересными. Они, какъ слышно, понравились сановнику, но онъ нашелъ, что не въ рясахъ удобно такъ писать. Однако, В. С. получилъ небольшое пособіе. Вскорѣ онъ разстригся и поступилъ на частную службу. Его поэма «Долгоносые», полная ѣдкой сатиры, написанная сжатымъ, колоритнымъ языкомъ, хотя и не чуждая памфлета, изобилующая фотографіями, производила въ 1860-хъ годахъ сенсацию въ Вологдѣ, особенно среди молодежи. «Задѣтые» ругали автора на чемъ свѣтъ стоитъ. Сколокъ съ Дантова «Ада», но отмѣченная оригинальностью, поэма В. С. несомнѣнно свидѣтельствовала о здоровомъ талантѣ автора. Но дитя переходной эпохи, капризомъ судьбы попавъ не на свое мѣсто, онъ погибъ, поддавшись тому пороку, который стубилъ не мало даровитыхъ русскихъ людей. Изъ печатныхъ стихотвореній В. С—ина можно указать всего два-три, которыя только не дурны. Поэму «Долгоносые» отлично умѣлъ читать М. И. Левитскій, учитель духовнаго училища, молодой человѣкъ, также съ задатками литературнаго дарованія. Его рассказъ «Женитьба семинариста» мѣстами напоминалъ Гоголевскую манеру и его юморъ. Левитскій умеръ 27-ми лѣтъ отъ скоротечной чахотки; всѣ его рукописи куда-то исчезли. Я не знаю, было ли еще что нибудь цѣнное, но положительно жалъ, что пропалъ рассказъ «Женитьба семинариста». Будучи напечатаннымъ, онъ навѣрное обратилъ бы на себя вниманіе.

Находясь въ пятомъ классѣ, я познакомился и сблизился съ В. Осиповымъ, кончавшимъ гимназію. «Послѣдователь» Писарева и Добролюбова, онъ имѣлъ на меня большое вліяніе. Я бросилъ стихи и принялся читать серьезныя книги. Прежде всего Осиповъ далъ

мнѣ Тургеневскихъ «Отцовъ и дѣтей» и статью Писарева объ этомъ романѣ. Я все «проглотилъ».

— Пожалуйста, — сказалъ Осиповъ: — брось эту чепуху: Пушкина, Лермонтова, а читай Некрасова, а еще лучше прочти Бокля, Льюиса и Молешота. Впрочемъ, можетъ быть, тебѣ нравятся болѣе «отцы»?

Я съ увлеченіемъ воскликнулъ, что я на сторонѣ «дѣтей».

— Пусть же Базаровъ и вообще мыслящій реалистъ будетъ тебѣ идеаломъ, — сказалъ Осиповъ.

Пушкинъ заброшенъ. «Желѣзная дорога» Некрасова выучена наизусть. «Мы—мыслящіе реалисты», — эта фраза сдѣлалась моей любимой фразой. Я записался въ публичную бібліотеку Ф. А. Арсеньева (автора прекрасной книги: «Охотничьи рассказы» и многихъ серьезныхъ изслѣдованій по этнографіи сѣвернаго края), который въ то время служилъ секретаремъ вологодскаго статистическаго комитета. Человѣкъ очень образованный, талантливый и либеральный, онъ оказывалъ не мало услугъ молодежи, давая ей возможность читать на льготныхъ условіяхъ и безъ залога. Библіотекаремъ служилъ нѣкто Лахминъ—самоучка, разившійся на чтеніи и обладавшій феноменальной памятью. Бывало, спросишь о самой ничтожной замѣткѣ: онъ называетъ журналъ, годъ, №. Самъ ярый послѣдователь Писарева и поклонникъ «Русскаго Слова», К. А. Лахминъ ворчалъ, если молодые люди брали «чепуху», и рекомендовалъ «хорошія книжки».

Когда я подписался, онъ сурово спросилъ меня:

— Что возьмете?

— Позвольте мнѣ «Физиологію обыденной жизни» Льюиса, — сказалъ я.

Ее читали. Я спросилъ Бокля. Онъ оказался свободнымъ.

— Это хорошо, что вы берете дѣльныя книги, — сказалъ Лахминъ и сразу почувствовалъ ко мнѣ расположеніе.

Оно выражалось дальше тѣмъ, что я получалъ раньше другихъ новыя книжки «хорошихъ» журналовъ и «дѣльныя книги». По рекомендаціи Лахмина я прочелъ Чернышевскаго, Милля и «Критическіе этюды» Бибикова. По рекомендаціи же Лахмина я прочелъ «Бѣсовское наважденіе» Н. Ѳедоровича. Эта повѣсть изъ вологодской жизни яркими красками, мѣтко очерчивала «либеральное движеніе» и осмѣивала съ одной стороны заскоружлыхъ консерваторовъ, а съ другой и «мельхиоровыхъ» прогрессистовъ. Кажется, не было въ Вологдѣ ни одного грамотнаго человѣка, который не читалъ бы этой повѣсти. Въ бібліотекѣ превратились, наконецъ, въ какую-то труху экземпляры повѣсти, вырѣзанной изъ «Русскаго Слова». Я читалъ повѣсть уже тогда, когда «буря въ стаканѣ воды» поутихла. Но въ годъ появленія повѣсти въ журналѣ она составила «событіе». Авторъ перенесъ не мало непріятностей. Н. Ѳедо-

ровичъ—псевдонимъ Н. Θ. Бунакова, который скоро оставилъ со-всѣмъ беллетристическую дѣятельность и посвятилъ всѣ силы педагогикѣ, создавъ себѣ крупное и почетное имя. Помимо «Бѣсовскаго наважденія» Н. Θ. написаны: «Женскія немощи» въ «Русскомъ Словѣ» и нѣсколько рассказовъ въ «Эпохѣ», «Вѣкѣ», «Свѣточѣ» и «Библиотекѣ для Чтенія». Всѣ они отмѣчены печатью несомнѣннаго дарованія и показываютъ въ авторѣ серьезное изученіе быта и способность писать изящно и колоритно.

Съ Осиповымъ сближеніе росло, и, по мѣрѣ сближенія съ нимъ, я удалялся отъ М. М. Куклина, который находилъ преждевременнымъ для меня чтеніе Добролюбова и Милля.

— Вѣдь ты же ничего не понимаешь, все равно,—говорилъ онъ.

Я сердился, обижался и старался доказать, что «все отлично» понимаю.

— А Пушкина хорошо не знаешь!

— И не надо. Это—дребедень. Это по зубамъ «отцамъ», а мы, молодое поколѣніе, должны... и т. д., и т. д.

Однако, это не мѣшало мнѣ увлекаться порою поэзіей творца «Полтавы», но я «ловилъ» себя на такомъ «грѣхѣ» и оставлялъ чтеніе.

Какъ-то великимъ постомъ я зашелъ къ Осипову. Онъ пилъ чай съ молокомъ и ѣлъ колбасу.

— Хочешь чаю?—предложилъ онъ.

— Налей.

— Съ молокомъ, или, можетъ быть, ты посты соблюдаешь?

— Да... нѣтъ... все равно...

Я дѣйствительно постился, потому что я былъ воспитанъ въ очень религіозномъ духѣ, и наша семья постилась строго, даже по средамъ и пятницамъ. Мнѣ было и неловко какъ-то нарушить постъ и въ то же время стыдно Осипова. Последнее чувство, однако, побѣдило, и я сталъ пить чай съ молокомъ. Но, какъ теперь помню, придя домой, я долго молился и каялся. А тамъ опять «нарушилъ постъ», и кончилось все тѣмъ, что я призналъ «постъ — вообще чепухой».

Семинаристы начали издавать рукописный журналъ.

Узнавъ про это, гимназисты рѣшили также издавать журналъ.

Сначала предполагалось издавать его съ разрѣшенія гимназическаго начальства и просить одного изъ учителей редактировать журналъ. Цѣль формулирована ясно: саморазвитіе, разборъ произведеній литературы и знакомство съ ними, пріученіе излагать мысли въ хорошей литературной формѣ.

Но эта мысль не встрѣтила поддержки и сочувствія со стороны педагоговъ, а одинъ изъ нихъ сказалъ прямо:

— Дурь! Учебники надо учить, а не изучать литературу! Саморазвитіе! Болваны!

Тогда было рѣшено издавать журналъ тайно, какъ это дѣлали и семинаристы, боясь «своихъ отцовъ».

Я примкнулъ къ кружку и къ журналу въ качествѣ сотрудника. Меня очень заняла таинственность, съ которой велось дѣло и съ которой мы собирались по субботамъ у того или другаго изъ членовъ кружка. Это были—наши сходки, на которыя мы собирались, словно заговорщики, обманывая родныхъ, и въ простотѣ души мнили себя тою «молодою силою», которая все современемъ измѣнитъ: и взгляды и понятія общества. На сходкахъ мы вообще читали, разсуждали, вырабатывая программу жизни. Главенствовали: Осиповъ и Л—овъ, бывшіе воспитанники гимназіи. На этихъ же собраніяхъ мы прочитывали статьи, поступавшія для журнала, который назывался «Тѣсный Кружокъ». Много было смѣшного, дѣтскаго, даже прямо нелѣпаго въ нашихъ разсужденіяхъ и писаніяхъ, но зато было что-то и свѣтлое, хорошее, что спасало насъ отъ кутежей и предосудительныхъ развлеченій, которымъ предавались многіе изъ товарищей, не принимавшихъ участія въ нашемъ дѣлѣ и звавшихъ насъ насмѣшливо «монахами Писаревского толка». Несомнѣнно одно, что «эти монахи» были дѣйствительно чисты сердцемъ, настроены возвышенно и не гонялись за проститутками, какъ другіе пятнадцати и шестнадцати-лѣтніе «кирсановцы», какъ мы звали ихъ.

Я сильно увлекся журналомъ, писалъ въ немъ критическія статьи, разносилъ Пушкина, Державина и восхвалялъ Омулевскаго, романы Н. Бажина и доказывалъ, что надо жить такъ, какъ ригористъ Рахметовъ. Кромѣ этого, я писалъ для журнала рассказы, компіляціи и стихи, но уже идейные, гражданскаго характера. Особенно всѣмъ понравилось мое стихотвореніе о женщинѣ, кончавшееся такъ:

Да, ты не самка, не раба,
Твоя позорная судьба
Теперь на вѣки миновала,
Ты гражданкой свободной стала!

Также фуроръ производило стихотвореніе «Наборъ», оканчивавшееся слѣдующими строками:

И попалъ я на барина жирнаго,
Съ такимъ видомъ сидѣлъ на скамьѣ,
Словно вся сила царства обширнаго
Заклучалася въ этой свиньѣ.

Всѣ знали, что баринъ этотъ нѣкто Н., заядлый крѣпостникъ и ретроградъ, когда-то желѣзными горячими клещами щипавшій лакеевъ, тогда какъ его жена всаживала по головку булавки въ тѣло горничныхъ.

Скоро между двумя журналами возникла полемика. Я написалъ рядъ статей, озаглавивъ ихъ «Полемическія красоты семинарской

камчатки». Сознаюсь, «невольники герменевтики» (моя шпилька) по части полемики побѣдили «золотушнаго барченка» (шпилька противниковъ по моему адресу).

Когда первые основатели «Гѣснаго Кругжа» покинули провинцію и уѣхали въ столицы для поступленія въ высшія заведенія, я сталъ во главѣ журнала, переименовавъ его въ «Нашу Мысль», и въ качествѣ издателя-редактора началъ на половину наполнять его своими произведеніями. Тогда я впервые написалъ повѣсть «На новыхъ началахъ» во вкусѣ повѣстей «Русскаго Слова». Эта повѣсть имѣла успѣхъ среди молодежи и придала мнѣ энергіи. Между тѣмъ въ кружкѣ начался расколъ и, кромѣ того, въ городѣ стали циркулировать нелѣпые слухи о нашемъ журналѣ. Мы имѣли основаніе ожидать для себя большихъ непріятностей.

Изданіе «Нашей Мысли», получившей въ городѣ довольно широкое распространеніе, поневолѣ прекратилось. Между тѣмъ, я написалъ новую повѣсть «Она хочетъ учиться». Гдѣ помѣститъ ее?

— Пошли ее въ какойнибудь маленькій журналъ,—посоветовалъ мнѣ пріятель.

Я выбралъ скромный «Сынъ Отечества». Но я не получилъ никакого отвѣта, не смотря на то, что послалъ на рубль марокъ, проса возврата рукописи.

Въ это время я написалъ три стихотворенія и послалъ ихъ извѣстному автору «Историческихъ писемъ», который жилъ въ Кадниковѣ, уѣздномъ городѣ Вологодской губерніи. Я не былъ знакомъ съ публицистомъ-философомъ, постояннымъ сотрудникомъ Некрасовскихъ «Отечественныхъ Записокъ», но слышалъ, что онъ человѣкъ любезный и хорошо относится къ молодежи.

Онъ отвѣтилъ скоро; письмо было длинное, любезное. Его содержаніе можно резюмировать такъ: «по идеѣ стихи хороши, но техника слаба, и печататься, вообще, еще рано. Но дарованіе есть, и надо продолжать работать. Что напишите, пошлите мнѣ, я посмотрю и скажу правду. Больше читайте».

Я принялся за чтеніе и продолжалъ усердно изводить бумагу. Этому не мѣшали ни разъѣзды, ни обязанности домашняго учителя. Но ученый писатель скоро покинулъ Россію. Уже дѣло прошлое, и я думаю, можно рассказать одинъ курьезный фактъ, относящійся къ неожиданному исчезновенію философа. Этотъ отъѣздъ надѣлалъ сильный переполохъ въ уѣздѣ и даже въ самой Вологдѣ. У насъ жилъ «нахлѣбникомъ» одинъ юноша, кончавшій гимназію, по фамиліи В. Онъ былъ большой «радикалъ», мечталъ о великой дѣятельности и старался казаться безстрашнымъ бойцомъ за «свѣтлые идеалы». Когда совершился фактъ, надѣлавшій переполоху, В. страшно испугался.

— Ты ему писалъ, я у него разъ былъ... конечно!

И цѣлыя двѣ недѣли, пока все не утихло, В., ложась спать, клалъ возлѣ себя латинскій словарь и библію.

— Если нагрязнуть, — говорилъ онъ: — увидать, что я не того: классикъ и религиозный человѣкъ.

Мы долго смѣялись надъ нимъ по этому поводу.

Заговоривъ объ авторѣ «Историческихъ писемъ», упомяну за одно о покойномъ Н. В. Шелгуновѣ, жившемъ въ Вологдѣ. Какъ постоянный сотрудникъ «Русскаго Слова», а затѣмъ «Дѣла», онъ пользовался громадной популярностью среди молодого поколѣнія. Его статьи всегда читались и на нашихъ «субботникахъ» и вызывали горячіе споры. Мнѣ Н. В. казался такимъ яркимъ врагомъ поэзіи, что я не рѣшился обратиться къ нему за совѣтомъ, хотя всѣ хорошо отзывались о немъ.

Случай столкнулъ меня съ нимъ. Въ Вологдѣ одно время существовало ремесленное училище, куда приходили учиться послѣ классовъ гимназисты и ученики другихъ школъ. Училище принимало и частные заказы. Я работалъ въ переплетномъ отдѣленіи. Разъ, фальцуя книгу, я вдругъ услышалъ страшный крикъ въ столярномъ классѣ. Движимый любопытствомъ, я пошелъ посмотреть, въ чемъ дѣло. Посреди комнаты стоялъ Николай Васильевичъ и распекалъ мастера.

— Это нечестно, — кричалъ онъ: — вы, все равно, что украли деньги, если такъ скверно выполнили заказъ. Работа никуда не годится.

Онъ говорилъ все рѣзче и рѣзче, страшно волнуясь. Мастеръ только что-то невнятно мычалъ.

Наконецъ Н. В. стихъ, бросилъ пять рублей на верстакъ и промолвилъ:

— Возьмите ваши деньги.

Онъ подчеркнулъ слово ваши и пошелъ къ выходу.

Мастеръ взялъ кредитку, пренебрежительно улыбаясь.

Когда Шелгуновъ вышелъ за двери, столяръ промолвилъ вполголоса:

— Ишь, раскричался, точно и не вѣсть кто. Сочинитель! Поднадзорный!

Это меня взорвало. Я заступился за Шелгунова и накинулся на мастера, начавъ его укорять.

Я еще не кончилъ, какъ входная дверь отворилась, и въ комнату вошелъ снова Шелгуновъ.

Онъ подошелъ къ столяру и, мягко улыбаясь, протянулъ ему руку:

— Не сердитесь, если я обидѣлъ васъ, простите; я погорячился!

Столяръ былъ озадаченъ, смутился и, не подавая руки, конфузливо произнесъ:

— Помилуйте, Николай Васильевичъ... что же... я точно виновать... поторопился и испакостилъ вещь. Но я... поправлю... на слѣдующей же недѣлѣ я сдѣлаю новую, ей-Богу-съ!

— Ну, и отлично! Дайте же вашу руку!—сказаль Шелгуновъ. Столяръ несмѣло подалъ свою. Николай Васильевичъ пожалъ ее.

— А вотъ и деньги-съ,—началь мастеръ.

— Какія деньги? Оставьте ихъ у себя... сочтемся.

Когда Шелгуновъ ушелъ, столяръ молчалъ нѣсколько мгновений, смотря въ сторону.

— Ну, и баринъ!—промолвилъ онъ тихо.

— Что? Хорошій вѣдь?—воскликнулъ я восторженно.

— Душа—баринъ!

— А вы еще...

— Да зло взяло... ну, и сказалъ... а вамъ что надо?—вдругъ сердито обратился онъ ко мнѣ.—Вы изъ переплетнаго?

— Да.

— Такъ и нечего вамъ здѣсь дѣлать... мѣшаете.

— Но никого нѣтъ.

— Все единственно. Уходите!

Столяръ поправилъ свою ошибку и съ этого времени не иначе отзывался о Н. В., какъ о «золотомъ баринѣ».

Вторично я столкнулся съ Шелгуновымъ въ библиотекѣ. Онъ пришелъ за книгой, которую мнѣ только что выдали.

— Ахъ, какъ жалъ! Мнѣ надо очень ее... на день всего!

Я сейчасъ же предложилъ ему книгу.

Онъ былъ очень благодаренъ. Мы вмѣстѣ вышли изъ библиотеки. Дорогою онъ разспрашивалъ о гимназій, о товарищахъ, совѣтовалъ серьезно учиться, не читать безсистемно и, узнавъ, что я работаю въ переплетной, посовѣтовалъ перейти въ столярное отдѣленіе.

— Это полезнѣе,—сказаль онъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Для характеристики доброты покойнаго публициста замѣчу, что онъ не разъ помогаль бѣднымъ ученикамъ, содержаль цѣлую бѣдную семью и буквально спасъ одну дѣвушку отъ паденія, давши ей возможность пережить двухъ-мѣсячную безработицу. Онъ такъ щедро платиль за переписку (семьдесятъ пять копеекъ съ листа), что отъ желающихъ не было отбоя.

Скоро Шелгунова перевели въ Калугу.

Осенью 1870 года, я познакомился съ Одинцовымъ, служившимъ въ земствѣ. Это былъ человѣкъ очень образованный, либераль въ хорошемъ смыслѣ слова. Онъ корреспондироваль въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» Корша, что поднимало его въ глазахъ молодежи, любившей «С.-Петербургскія Вѣдомости» («Голосъ» тогда совсѣмъ не пользовался сочувствіемъ). Одинцовъ въ первую же встрѣчу сказалъ мнѣ:

— Стихи и повѣсти пишите, если есть влеченіе, но не посылайте ихъ. Но вы и теперь можете быть полезнымъ родинѣ.

Будьте корреспондентомъ. Честный корреспондентъ—полезная сила. Стойте на стражѣ общественныхъ интересовъ, служите одной правдѣ, безтрепетно бичуйте все, что заслуживаетъ этого, обличайте людей наживы, эксплуататоровъ, будите спящихъ... вы молоды, горячи, владѣете перомъ, вы можете быть хорошимъ корреспондентомъ. А тамъ будетъ видно. Но пока будьте пѣтухомъ, поющимъ на зарѣ, мѣшающимъ спать болоту.

Эти слова произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Роль «пѣтуха, будящаго болото», мнѣ показалась заманчивой. И я написалъ первую корреспонденцію, избравши темой педагогическіе курсы и ремесленное училище. Корреспонденція вышла обстоятельная. Я послалъ ее въ «Русскую Лѣтопись», издаваемую въ Москвѣ гг. Перучевымъ и Щепкинымъ, и подписался подъ статьей «А. Бишелевскій». Я не требовалъ гонорара, а лишь просилъ высылать газету.

Около мѣсяца не было отвѣта. Но вотъ пришло письмо отъ одного изъ редакторовъ. Корреспонденція принята. Просить писать. Обѣщано платить. Еще недѣля—приходитъ номеръ съ моею корреспонденціею. Подъ ней стояло А. Бишелевскій, но я читалъ: А. Кругловъ, и мнѣ казалось, что всѣмъ извѣстно, кто такой Бишелевскій. Это меня радовало и пугало. Пугало потому, что корреспонденція была рѣзкая и зло осмѣивала педагогическіе курсы. Но радость пересилила испугъ, и я гордо объявилъ знакомымъ, что Бишелевскій—это я. Одинцову статья понравилась. Я послалъ вторую корреспонденцію экономического характера. Ее тоже помѣстили, но денегъ и не думали мнѣ посылать. Да это меня и не тревожило. Я писалъ не ради денегъ. Во мнѣ была сильная жажда борьбы путемъ печатнаго слова.

Зимой же 1870 года, я написалъ сатирическій разсказъ «Роккое слово», гдѣ фабула не выдумана; я описалъ фактъ. По совѣту Одинцова, я послалъ разсказъ въ «Искру», возобновленную В. С. Курочкинымъ.

— Назначьте гонораръ,—сказалъ Одинцовъ.

Но я не назначилъ, а предоставилъ его на усмотрѣніе редакціи. Торговаться съ Курочкинымъ—да это я считалъ преступленіемъ!

Я съ замираніемъ сердца сдалъ пакетъ на почту.

Пріемщикъ прочиталъ адресъ и промолвилъ съ улыбкою:

— Обличаете насъ!

— Нѣтъ, это не то,—смущенно сказалъ я.

— Знаемъ-съ. Ахъ, вы—сочинитель!

Я покраснѣлъ до корней волосъ, словно меня назвали воромъ, или негодяемъ. Но когда я вышелъ изъ конторы, мнѣ сдѣлалось досадно: зачѣмъ я не оборвалъ чиновника.

Мнѣ пришлось опять ждать около мѣсяца. Я уже рѣшилъ, что разсказа не приняли, и не будетъ отвѣта, какъ вдругъ пришло письмо изъ редакціи «Искры» — такъ значилось на конвертѣ.

Это, какъ теперь помню, было въ праздникъ. Письмо мнѣ подала нянька. Я позволю себѣ сказать два слова о ней. Такихъ нянь теперь уже мало. Типъ прежней няни вымираетъ, если не вымеръ. Это — не наемникъ, мѣняющій мѣста каждый мѣсяцъ, готовый продать «хозяевъ» за грошъ. Прежняя няня была членомъ семьи, второй матерью. Она, какъ своихъ дѣтей, любила выводишей; они больны, и она страдаетъ вмѣстѣ съ ихъ матерью. Дѣти вырастутъ, и она продолжаетъ жить ихъ горемъ, ихъ радостью. Они держатъ экзаменъ — она беспокоится. Ихъ интересы — ея интересы. Такова была и моя няня, вынянчившая не только меня, но и моихъ сестеръ. Моей старшей сестрѣ теперь уже за пятьдесятъ лѣтъ, няня жива. Ей — подѣ 80. Я ее всегда любилъ, пожалуй, не меньше матери. Она знала много сказокъ, былинь, которыя и рассказывала мнѣ въ длинные зимніе вечера. У нея былъ въ молодости недурной голосъ, который современемъ пострадалъ отъ болѣзни, но она, всетаки, очень хорошо пѣла русскія пѣсни. За сердце брало и плакать хотѣлось. Послѣ 19-го февраля 1861 года няня осталась жить у насъ уже въ качествѣ родной. Одна барыня сманивала ее за границу, и она чуть было не уѣхала, плѣняясь большимъ жалованьемъ. «Годика три поживу хоть», — говорила она. Но ей стало жаль меня, и она не уѣхала.

Къ моимъ «писаніямъ» она относилась недружелюбно. Она была недовольна, что я поздно ложусь и все за столомъ корплю.

— Лучше бы гулялъ, а то все за книжкой, ишь зеленый какой. И бумагу изводишь, а какой прокъ?

— Буду потомъ деньги получать, — возражалъ я.

— Жди... кто это тебѣ дастъ за твое маранье? Не должность какая. Не казенныя бумаги...

Здѣсь, кстати сказать, что хотя по социальному положенію я и принадлежалъ къ дворянству, но укладъ нашей семейной жизни носилъ почти мѣщанскій характеръ. Мой родной дѣдъ, бывшій вице-губернаторомъ и начавшій службу при Екатеринѣ II съ канцеляриста, свое образованіе ограничилъ обученіемъ у дьячка; другой дѣдъ — русскій Лекокъ — дослужился тоже до крупнаго чина, едва умѣя подписывать фамилію. Оба они не только ничего не читали, но не любили чтенія и не любили, когда читали окружающіе. Газету мой родной дѣдъ называлъ «глупостью» и просматривалъ только офиціальныя отдѣлы «Губернскихъ Вѣдомостей» и то рѣдко. Онъ даже и духовныхъ книгъ не любилъ, на что падки всѣ мѣщане и купцы. Моя мать, равно какъ и остальные ея сестры, получила очень ограниченное образованіе. Но она любила чтеніе; любовь къ книгѣ въ ней пробудилъ мой отецъ,

который былъ человѣкомъ очень развитымъ и любилъ шумную общественную жизнь. Онъ хотѣлъ видѣть въ женѣ болѣе или мѣнѣе свѣтскую и начитанную женщину. Но его смерть такъ повлияла на мать (она даже помѣшалась на время), что она вся отдалась религіи и читала преимущественно только книги духовнаго содержанія. Она видѣла въ танцахъ грѣхъ, музыки не любила (сама не играла), театръ для нея не существовалъ. У меня былъ въ дѣтствѣ недурной голосъ, но она не позволила мнѣ поступить въ школьный хоръ. Я хотѣлъ учиться музыкѣ, но этому воспротивились всѣ родные: «для чего, молъ, мальчику музыка? Трата денегъ пустая. Кончить, будетъ служить—и отлично. Музыка только отвлечетъ отъ ученія». Обѣ мои сестры, получившія тоже только домашнее образованіе, считались въ городѣ лучшими танцовками. Но меня онѣ не хотѣли учить, говоря: «успѣешь потомъ». А когда я достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, я отказался отъ «пляски» изъ-за принципа. Къ моимъ писаніямъ родные относились индифферентно, скорѣе недружелюбно, не видя въ этомъ пользы. Мать желала одного: чтобы я пошелъ, какъ и отецъ, по «ученой» части, то-есть служилъ бы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ такой средѣ, конечно, всякіе задатки таланта должны были глхнуть, и только случайность помогла мнѣ спасти мое скромное дарованіе. А между тѣмъ нашъ родъ, такъ сказать, не обдѣленъ даровитыми людьми. Мой отецъ писалъ стихи, ученныя статьи и былъ выдающимся губернскимъ математикомъ. Одна тетка писала также стихи и, нигдѣ не учась музыкѣ, по слуху, на рояли разыгрывала цѣлыя пьесы. Другая—очень недурной живописецъ-самоучка. Третья (умершая, какъ и первая) писала даже повѣсти, хотя ихъ и не печатала. Поползновеніе на поэтическое творчество было и у младшей моей сестры, которая рассказывала мнѣ, ребенку, множество сказокъ собственнаго сочиненія. Одну изъ нихъ, «Гундебку», во вкусѣ Гофмана, я помню нѣсколько и теперь.

Возвращаясь къ письму изъ «Искры».

Писалъ мнѣ не Василій Степановичъ Курочкинъ, а нѣкто Леонтьевъ, бывшій отвѣтственнымъ редакторомъ. Онъ увѣдомлялъ, что рассказъ «Роковое слово» принять и очень понравился редакціи, которая назначаетъ мнѣ гонораръ—четыре копейки со строчки. На этомъ условіи можете,—писалъ Леонтьевъ,—работать и впредь. «Искру» будутъ посылать *gratis*, если будетъ дано еще что нибудь въ этомъ году.

Я былъ счастливъ и подѣлился своимъ счастіемъ съ няней, которая слѣдила все время за мной, пока я читалъ письмо.

— И не врешь?—сказала она:—не смѣешься надъ старухой?

— Видишь, пишутъ.

— Да вѣдь я не прочту, скажи что угодно.

— Спроси сестру, я ей дамъ прочесть¹⁾.

— Ну, ладно, ладно. Тогда ты больше пиши. Покрайности подсобіе будетъ матери, и себя одѣнешь. А, всетаки, служить лучше: чины, да и дѣло серьезное, а это что: маранье только.

Но съ этого дня она стала снисходительнѣе смотрѣть на мои писанія.

«Роковое слово» было помѣщено въ первомъ номерѣ «Искры» за 1871 годъ. Разсказъ произвелъ сенсацію въ городѣ и хотя былъ подписанъ «Глуховскій Обыватель», но всѣ узнали меня. Впрочемъ, я и не скрывался. Товарищи меня признали за настоящаго литератора. Особенно понравился разсказъ моему пріятелю — земскому фельдшеру А. Н. Николаеву, о которомъ я не могу не упомянуть здѣсь, такъ какъ онъ являлся выдающимся человѣкомъ въ своей средѣ. Человѣкъ высокаго ума, большой энергіи, начитанный, стремившійся къ служенію на общее благо, онъ рѣзко выдавался среди товарищей и пользовался большою популярностью въ народѣ. Онъ зналъ больше земскаго врача г. П. и лечилъ лучше его. Онъ выписывалъ много журналовъ, газетъ, книгъ, и я чуть не черезъ день пѣшкомъ ходилъ къ нему, хотя онъ жилъ въ шести верстахъ отъ города, въ селѣ Прилуки. Мы вмѣстѣ читали, спорили, оба горячились и, если я оставался ночевать, то засыпали не раньше пяти-шести часовъ утра. Его потомъ перевели въ село Новленское за пятьдесятъ верстъ отъ Вологды, благодаря злобѣ врача П. Но энергія не оставляла Николаева, и онъ продолжалъ борьбу съ врачомъ, узкимъ эгоистомъ и невѣждой, и съ управой, державшей руку врача. Потомъ Николаевъ куда-то уѣхалъ, и съ переѣздомъ моимъ въ С.-Петербургъ я уже потерялъ его изъ виду. Я обязанъ ему однимъ: онъ подаль мнѣ мысль поѣздить по деревнямъ и поприсмотреть къ положенію школьнаго дѣла и быту учителей и учительницъ. Впослѣдствіи я и сдѣлалъ это.

Однако, я забѣгаю впередъ.

Я послалъ нѣсколько мелкихъ вещей въ «Искру», все было напечатано, но денегъ редакція и не думала высылать. Она такъ и не выслала ихъ. Я писалъ послѣ прекращенія журнала, но отвѣта не получилъ. Встрѣтившись въ 1874 году съ В. С. Курочкинымъ въ С.-Петербургѣ, на дачѣ въ Царголовѣ, и разговаривавшись съ нимъ объ «Искрѣ», я разсказалъ и о письмѣ Леонтьева, и о томъ, что онъ обѣщалъ, но денегъ не выслалъ. В. С. только махнулъ рукою.

— Не вамъ одному,—сказалъ онъ и предложилъ мнѣ получить теперь съ него.

Я, конечно, отказался.

¹⁾ Одна сестра моя была замужемъ и въ то время жила вѣд Вологды.

У одного пріятеля я увидѣлъ «Недѣлю». Она мнѣ понравилась, и я послалъ въ нее нѣсколько корреспонденцій. Онѣ были помѣщены. Тогда я написалъ бытовой очеркъ «Вологодскія кружевницы». Вологда славится кружевами, и нѣтъ дома, гдѣ бы не плели кружевъ. Одна изъ моихъ сестеръ тоже плела. Я хорошо изучилъ быть кружевницъ, посѣтивъ болѣе ста работницъ, употребля на изученіе ихъ быта около полугода. Въ «Дѣлѣ» была ранѣе помѣщена о вологодскихъ кружевницахъ статья Шелгунова, котораго ввела въ заблужденіе одна интеллигентная кружевница (а онъ писалъ только на основаніи ея разсказовъ). Статья почтеннаго публициста была полна ошибокъ и невѣрностей. Чтобы возстановить истину, я и написалъ свою статью. Она появилась въ «Недѣлѣ», въ 1872 году, въ № 7. Но до отсылки въ «Недѣлю» я хотѣлъ отдать статью въ «Вологодскія Губернскія Вѣдомости». Нахожу далеко не лишнимъ познакомить читателя съ этой газетой, съ однимъ изъ ея редакторовъ и передать подробно мое объясненіе съ нимъ.

Когда-то «Вологодскія Губернскія Вѣдомости» велись очень недурно. Было и у нихъ свое золотое время. Въ нихъ много работали такія лица, какъ: Ф. А. Арсеньевъ, изслѣдователь сѣвернаго края, печатавшій свои статьи во многихъ столичныхъ изданіяхъ (между прочимъ, и въ «Древней и Новой Россіи») и составившій нѣсколько серьезныхъ книгъ по этнографіи; Ө. Н. Бергъ, теперешній издатель «Русскаго Вѣстника», Н. Ө. Бунаковъ, извѣстный педагогъ, въ молодости, какъ я уже сказалъ выше, писавшій повѣсти подъ именемъ Н. Өedorовича, Волковъ (беллетристъ и поэтъ), Поповъ—авторъ прекрасной книги: «Зыряне и Зырянскій край», И. Кокшаровъ, даровитый этнографъ. Въ это «золотое время» «Вологодскія Губернскія Вѣдомости» походили на нынѣшнія «Харьковскія Вѣдомости» и были очень распространены въ публикѣ. Волковъ, напримѣръ, писалъ прекрасные фельетоны изъ мѣстной жизни и давалъ бойкіе, живые театральные этюды. Это время совпало съ общимъ пробужденіемъ русскаго общества. Съ 1862 года «Вѣдомости» начинаютъ падать, и къ тому времени, когда я задумалъ въ нихъ помѣстить свой очеркъ, онѣ уже представляли изъ себя пустыню. Но я потому-то и понесъ туда статью, что мой пріятель Крыловъ (онъ блестяще кончилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на факультетѣ восточныхъ языковъ и уже готовился занять кафедру профессора, какъ вдругъ увлекся одной барышней, женился, бросилъ подготовку и сдѣлался учителемъ въ какой-то гимназіи; онъ умеръ недавно въ чахоткѣ) совѣтывалъ мнѣ оживить «Вѣдомости». Въ дѣтской наивности я послушался Крылова и другихъ пріятелей (вообразившихъ, что я уже такой писатель, что могу повліять на редакцію и поставить дѣло на новую почву) и отправился къ редактору «Вологодскихъ Гу-

бернскихъ Вѣдомостей», столько же имѣвшему права на кресло редактора, какъ я теперь на кресло профессора китайскаго языка. Совсѣмъ неразвитой, недалекій, даже малограмотный, чиновникъ до мозга костей, г. Н. былъ притчей во языцѣхъ. Особенную извѣстность онъ получилъ послѣ того, какъ смѣшалъ слова: ветеринаръ и ветеранъ, назвавъ въ одной статьѣ мѣстнаго генерала (по случаю юбилея) ветеринаромъ военнаго дѣла. Послѣ этого онъ такъ боялся иностранныхъ словъ, что выкидывалъ ихъ совсѣмъ изъ статей.

— Съ ними влетишь какъ разъ,—говорилъ онъ.

Расскажу еще одинъ курьезъ изъ его практики.

Какой-то учитель послалъ ему статью, гдѣ, описывая посидѣлки, шутливо сказалъ, что его положеніе было хуже губернаторскаго. Н. зачеркнулъ послѣднюю фразу и написалъ свою: «положеніе было хуже гувернерскаго».

— Послушайте,—говорили ему:—да вѣдь это бессмыслица!

— Пустяки, зато не задѣтъ сановникъ, и я спокоенъ. Бессмыслица—это пустяки!

И вотъ я отправился къ этому редактору.

— А вы кто будете?—спросилъ онъ меня.

— Но я же вамъ сказалъ свою фамилію,—отвѣтилъ я.

— А чинъ?

— Я нигдѣ не служу.

— Напрасно! Разъ вы можете писать всякія глупости, потому что всѣ эти сочиненія—все же вздоръ—съ не болѣе, такъ отчего же вамъ не служить?

Я промолчалъ.

— Зайдите за отвѣтомъ черезъ недѣлку.

Я зашелъ.

— Не напечатаю.

— Почему?

— Не отрадные факты—съ.

— Но они вѣрные.

— Это пустяки. Дѣло не въ истинѣ, а въ спокойствіи. А такіе безотрадные факты могутъ не понравиться его превосходительству. И притомъ вы упоминаете имя г. Шелгунова. Положимъ, вы его опровергаете, но, во-первыхъ, онъ все же отраднѣе смотреть, чѣмъ вы—съ, а, во-вторыхъ, г. Шелгуновъ состоялъ подъ надзоромъ,—какъ же его можно упоминать!

— Но вѣдь онъ же не Каракозовъ!—воскликнулъ я:—и я говорю о немъ, какъ о писателѣ. Онъ печатается въ «Дѣлѣ», а «Дѣло»—журналъ цензурный.

— Это пустяки! Мало ли что въ столицѣ бываетъ... тамъ иначе смотреть. Да и слогъ вашъ неудобенъ.

— Слогъ?—покраснѣлъ я.

— Да-съ... Онъ бойкій, живой, а въ казенномъ изданіи это неприлично. У насъ полагается писать степенно.

Я разсердился и, вмѣсто того, чтобы покорить редактора и забрать его въ руки (какъ предполагалось), я сказалъ ему дерзость, взялъ статью и ушелъ. Въ этотъ же день я ее отправилъ въ «Недѣлю» вмѣстѣ съ разсказомъ «Загубленная жизнь». Обѣ вещи появились одна за другою (№№ 7 и 8 «Недѣли», 1872 г.). Посылая статьи, я не просилъ гонорара, а лишь выразилъ желаніе получить «Недѣлю», но редакція «Недѣли» была столь обязательна и пуритански добросовѣстна, что немедленно выслала, кромѣ газеты, и гонораръ, заплативъ мнѣ по семи копеекъ за строчку.

Это былъ мой первый гонораръ.

Теперь уже няня окончательно признала, что въ моемъ писанъѣ есть прокъ.

Я былъ на верху блаженства. Еще бы: я сотрудникъ видной газеты, любимой молодежью, и эта газета платитъ мнѣ, да еще семь копеекъ за строчку! Это былъ настоящій праздникъ для меня. Праздникъ не потому, что я получилъ вообще деньги, а потому, что это были мои первыя деньги за литературные труды, потому что эти деньги какъ бы служили со стороны компетентныхъ лицъ признаніемъ цѣнности моего труда.

Встрѣтила меня одна знакомая дама, у которой обыкновенно собиралась молодежь, и, поздравляя съ «пріобщеніемъ къ литературному цеху», замѣтила мнѣ вдругъ:

— Вамъ здѣсь оставаться нечего. Среда засосетъ. Поѣзжайте въ Петербургъ. Я напишу Ф., онъ васъ устроитъ.

Ф. «на томъ же положеніи», какъ и Шелгуновъ, одно время жилъ въ Вологдѣ, откуда онъ переѣхалъ на станцію Любань. Добрѣе человѣка едва ли можно встрѣтить. Его прямо называли человѣкомъ не отъ міра сего. Я его не зналъ лично, но много слышалъ о немъ и любилъ его, какъ писателя. Его книга «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» считалась тогда настольной книгой. Я не знакомъ на столько съ предметомъ, чтобы отрицать или подтверждать данныя, которыми такъ богата книга. Но многіе критики прямо говорили, что эта книга полна гиперболъ, что на жизнь и бытъ рабочаго класса наложены неимоვნно густыя краски. Можетъ быть, но я увѣренъ, что это произошло не преднамѣренно, или изъ самаго чистаго источника, изъ желанія задѣть за живое общественную мысль.

Мнѣ хотѣлось попасть въ Петербургъ. Раньше я хотѣлъ поступить въ Земледѣльческую Петровскую Академію, но разныя обстоятельства помѣшали мнѣ. Теперь я ухватился за предложеніе барыни, думая поступить въ университетъ вольнымъ слушателемъ.

Я согласился, и барыня на другой же день написала Ф.

И вотъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я получилъ письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ г. Соловьева, завѣдывавшаго редакціей «Сіянiя». Онъ приглашалъ меня пріѣхать въ Петербургъ и поступить въ книжный магазинъ Турбы, издателя «Сіянiя».

«Вы будете,—писалъ г. Соловьевъ,—вести иногороднюю корреспонденцію магазина и можете принимать участіе въ «Сіянiи».

Служба въ книжномъ магазинѣ меня не привлекала, но стоять близко къ редакціи «Сіянiя» для меня показалось заманчивымъ. Я принялъ предложеніе. Денегъ на дорогу у меня не было, Соловьевъ не выслалъ. Я занялъ у Н. В. Купріяновой 50 рублей и отправился въ Петербургъ.

Два слова о Надеждѣ Васильевнѣ Купріяновой.

Она умерла въ 1878 году передъ самымъ окончаніемъ медицинскихъ курсовъ. Это была положительно выдающаяся личность по уму. Проникнутая горячею любовью къ народу, она увлеклась идеями служенія ему и чуть было не поплатилась за свои увлеченія. Она избрала медицинское поприще, какъ такое, на которомъ всего болѣе можно принести пользу деревнѣ. Н. В. имѣла большое вліяніе на своихъ товарокъ, которыя любили и уважали ее. Одинъ изъ видныхъ литературныхъ дѣятелей сильно увлекался ею, и всѣ думали, что она выйдетъ за него замужъ, но убѣдясь въ томъ, что дѣло и слово писателя расходились между собою, Н. В. круто оборвала съ нимъ отношенія. Она пописывала, но подъ статьями не ставила фамиліи и передавала статьи черезъ меня. Впрочемъ, ихъ было очень немного. Въ то время, когда мнѣ надо было ѣхать въ Петербургъ, я только-что познакомился съ Н. В., пріѣхавшей на лѣто въ Вологду. Узнавъ о томъ, что мнѣ нужны деньги, Н. В. сама предложила мнѣ ихъ.

II.

Я ѣду въ Петербургъ. — Дорожныя приключенія. — Разбойники. — Артельная квартира. — Соловьевъ—редакторъ «Сіянiя» и Турба—хозяинъ книжнаго магазина и издатель «Сіянiя». — Мои неудачи. — Тревожные слухи. — Моя поѣздка въ Знаменку къ А. К. Шеллеру. — П. А. Гайдебуровъ. — Я ѣду обратно въ Вологду. — Изученіе школьнаго дѣла. — Я корреспондирую въ «Гражданинѣ». — Буря въ педагогическомъ мірѣ. — Меня подвергаютъ ostracismu. — Борьба. — Что мнѣ предстояло въ награду. — А. М. Коробовъ. — Антрепренеръ Смирновъ и А. К. Соколовъ. — Мои мечты объ актерствѣ. — Дебюты мои въ «Дѣтскомъ Читанiи», «Школьной Живни» и въ «Семѣ и Школѣ». — Я снова ѣду въ Петербургъ. — Л. Н. Трефоловъ.

Изъ Вологды до Пошехонья я ѣхалъ на лошадяхъ, такъ какъ желѣзная дорога на Ярославль еще не была готова. Въ лѣсу, подъ самымъ Пошехоньемъ насъ (я ѣхалъ съ попутчикомъ-купцомъ) чуть не убили, и мы спаслись только благодаря тому, что на встрѣчу

попались двѣ тройки. «Лѣсные герои» разбѣжались, ямщикъ настегалъ лошадей, и мы успѣли добраться до станціи. При переѣздѣ черезъ Волгу въ Рыбинскъ я едва не утонулъ. Мы переправлялись паромомъ. Я нагнулся за бортъ, что-то толкнуло паромъ, и я полетѣлъ въ воду. Но паромщикъ успѣлъ схватить меня за ноги.

Эти два факта на пути въ Петербургъ не предвѣщали мнѣ ничего хорошаго, а напротивъ скорѣе были предзнаменованіями очень дурными. Но я былъ молодъ, ни на что не обращалъ вниманія и, полный радужныхъ надеждъ, прибылъ въ Сѣверную Пальмиру холоднымъ майскимъ утромъ.

Въ Петербургѣ у меня жило нѣсколько товарищей по гимназіи (теперь уже студентовъ), но я рѣшился остановиться у К., съ которымъ познакомился у Н. В. Купріяновой за нѣсколько дней до его отъѣзда въ Петербургъ. К. жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась редакція «Недѣли», которую тогда постигла кара: газета была приостановлена.

На звонокъ мнѣ дверь отворилъ самъ К. Я удивился, увидѣвъ его съ пологою щеткою въ рукѣ.

— Ахъ, это вы, — сказалъ К. спокойно: — проходите, я сейчасъ кончу подметать полъ. Гдѣ ваши вещи?

— Да вотъ, — отвѣчалъ я, указавъ на чемоданъ, который я держалъ въ рукахъ.

Теперь я положительно не берусь описать квартиру: я забылъ ея обстановку. Помню только, что откуда-то несся сильный храпъ, и было полутемно. На меня вдругъ напала хандра; не раздѣваясь, я опустился на стулъ, въ большой комнатѣ. Вошелъ К. и, уже улыбаясь, промолвилъ:

— Я сегодня дежурный.

Я съ прежнимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Эта квартира общая, — объяснилъ онъ: — насъ живетъ восемь человѣкъ (кажется, восемь, можетъ быть, и больше, теперь я точно не помню), и мы все дѣлаемъ по очереди. Вы останетесь у насъ?

— Я, право, не знаю. Надо бы къ Соловьеву съѣздить.

— Поѣзжайте.

Я отправился къ Соловьеву (какъ его звали, я забылъ).

Въ маленькомъ полусвѣтломъ кабинетѣ, у стола, заваленнаго корректурами, сидѣлъ молодой человѣкъ. Я ему отрекомендовался.

— А-а, — протянулъ онъ: — хорошо, поѣзжайте къ Василию Петровичу Турбѣ, въ книжный магазинъ, который помѣщается на Вознесенскомъ проспектѣ.

Въ магазинѣ меня приняли сухо и сказали, что Турбы нѣтъ. На вопросъ, когда онъ будетъ, мнѣ отвѣтили: не знаемъ.

Ошеломленный приѣмомъ, я поѣхалъ къ К. Его уже не было дома. Въ квартирѣ оставался какой-то угреватый господинъ, который не обратилъ на меня никакого вниманія и продолжалъ читать

книгу, жуя булку. Я посидѣлъ и обратился къ нему съ вопросомъ: скоро ли вернется К?

— Не знаю,—буркнулъ онъ.

Я увидѣлъ на окнѣ кусокъ хлѣба и остатокъ масла, несмѣло подошелъ я къ окну и взялъ хлѣбъ. Угреватый господинъ скользнулъ по мнѣ взглядомъ и бросилъ, не отрываясь отъ чтенія:

— Еще Н. не ѣлъ, имѣйте въ виду.

Послѣ такого замѣчанія я, конечно, не дотронулся до хлѣба, хотя ѣсть мнѣ ужасно хотѣлось. Скоро, однако, явился К. и предложилъ чаю. Онъ самъ поставилъ самоваръ, сходилъ за хлѣбомъ и колбасой, взявъ на то и на другое у меня деньги. Подкрѣпивъ себя и согрѣвшись чаемъ, я снова пріободрился и сталъ мечтать о будущемъ. Мои мечты прервалъ приходъ какого-то высокаго человѣка, еврейскаго типа. Онъ о чемъ-то пошептался съ угреватымъ господиномъ, потомъ съ К., и всѣ трое ушли. Я остался одинъ и скоро уснулъ.

Когда я проснулся, въ комнатѣ сидѣло нѣсколько мужчинъ и двѣ дѣвицы. Я ихъ не зналъ, а они не поинтересовались узнать, кто я. Подождавъ еще нѣкоторое время К., я отправился къ Турбѣ, но опять не засталъ его.

— Вы говорили ему про меня?—спросилъ я у приказчика.

— Да.

— Что же онъ сказалъ?

— Ничего не сказалъ.

Я былъ пораженъ и не зналъ, что дѣлать. Съ тоскливымъ чувствомъ поѣхалъ я домой. Петербургъ меня не занималъ, и уличный шумъ только раздражалъ мои нервы. Мнѣ даже не хотѣлось осматривать города, о которомъ я такъ долго мечталъ.

Вернувшись домой, я засталъ К., который объявилъ мнѣ: «Вы не сердитесь, что ваши новые брюки и штиблеты взяты. Ихъ нужно было надѣть Н.». Я какъ-то равнодушно выслушалъ это и легъ на диванъ. Уже былъ вечеръ. Долго въ сосѣдней комнатѣ громко о чемъ-то разговаривали, но меня это не интересовало: почти голодный, я забылся тревожнымъ сномъ. Когда я проснулся на другой день, въ квартирѣ всѣ еще спали. Я одѣлся и пошелъ бродить по Петербургу. Закусивши и напившись чаю въ трактирѣ, я отправился къ Турбѣ. На этотъ разъ я его засталъ, магазинъ только что отперли.

— Что вамъ угодно?—спросилъ меня Турба.

Я сказалъ.

— Извините, мнѣ не надо ни приказчика, ни конторщика, никого.

— Но какъ же: Соловьевъ послалъ телеграмму!

— Соловьевъ не имѣетъ никакого отношенія къ магазину. Можетъ быть, онъ васъ приглашалъ въ «Сіаніе». Спросите его, а мнѣ въ магазинъ никого не надо.

Турба поклонился мнѣ и вышелъ.

Я поѣхалъ къ Соловьеву, но не засталъ его. Я былъ у него нѣсколько разъ и все не могъ застать его дома.

Для меня стало ясно, что случилось какое-то недоразумѣніе, отъ котораго мнѣ было очень скверно. Что оставалось дѣлать? Деньги всѣ почти вышли, такъ что не на что было возвратиться въ Вологду. Къ довершенію всего Н., надѣвшіій мои брюки и штиблеты, не возвращался. А тутъ пошли слухи, которые меня напугали. Я забралъ свой чемоданчикъ и перебрался къ земляку, Крылову, «восточнику», какъ звали его, потому что онъ былъ на восточномъ факультетѣ. Но не могъ же я безъ занятія и денегъ жить у Крылова. Я попробовалъ было поискать работы, но, куда я ни обращался (въ два книжные магазина, въ нѣсколько конторъ), вездѣ получалъ отказъ.

Въ эту поѣздку я познакомился съ П. А. Гайдебуровымъ и съ А. К. Шеллеромъ. «Недѣля» была приостановлена. Павелъ Александровичъ принялъ меня очень любезно, выразилъ сожалѣніе, что присланныя мною статьи должны лежать безъ движенія, но... что же онъ могъ предложить мнѣ? Я взялъ у него обѣ статейки, чтобы передать ихъ въ «Дѣло» вмѣстѣ съ двумя стихотвореніями. Къ А. К. Шеллеру, завѣдывающему тогда (1872 г.) беллетристическимъ отдѣломъ журнала, у меня было письмо отъ Л—ва, котораго зналъ А. К. Онъ уже переѣхалъ на дачу въ Знаменку, подъ Петергофомъ. Туда я и поѣхалъ. Было воскресенье. Масса публики, въ вагонахъ тѣснота. Я растерялся и, выходя на станціи Петергофъ, забылъ въ вагонѣ пледъ. «Гдѣ тонко, тамъ и рвется»,—подумалъ я, нанимая извозчика до Знаменки.

«Дача» тогда въ моемъ воображеніи рисовалась въ видѣ барской усадьбы, и вдругъ она оказалась маленькимъ крестьянскимъ домикомъ. А. К. Шеллеръ работалъ въ верху, въ мезонинѣ, куда меня и направили. Внизу собралось большое, шумное общество. Я передалъ А. К. письмо отъ Л—ва. Прочитавъ письмо, почтенный беллетристъ просто и любезно заговорилъ со мною и попросилъ показать, что есть у меня. Я передалъ ему стихи и статью.

— Это къ Шульгину, — сказалъ А. К., возвращая статью. — Стихи я сейчасъ пробѣгу.

Черезъ нѣсколько минутъ одно изъ нихъ онъ оставилъ у себя («Подруга жизни», «Дѣло», 1872 г., № 8), а другое вернулъ.

— Вы остаетесь здѣсь?

— Нѣтъ, я ѣду завтра обратно въ Вологду. Меня обманули.

Я рассказалъ ему исторію приглашенія меня къ Турбѣ. А. К. засмѣялся и махнулъ рукою.

Отправляясь въ Знаменку, я еще не думалъ объ обратной поѣздкѣ въ Вологду, когда же А. К. спросилъ меня, остаюсь ли я въ Петербургѣ, я вдругъ рѣшилъ, что не остаюсь и ѣду обратно.

Я объявилъ свое рѣшеніе Крылову, и онъ одобрилъ его. Я пошелъ къ К., чтобы вернуть свои вещи, взятые Н., но дворникъ объявилъ мнѣ, что К. и Н. уѣхали, не отмѣтившись куда именно. Меня вдругъ охватила тоска по родному городу, и я рѣшился махнуть рукою на взятые вещи и немедленно ѣхать. Занявъ у Крылова двѣнадцать рублей на дорогу, я уѣхалъ въ Вологду. Статью я на канунѣ завезъ къ Шульгину и просилъ отвѣтить мнѣ на вологодскій адресъ. На этотъ разъ я доѣхалъ безъ особыхъ приключеній, если не считать того, что на пароходѣ въ каютѣ, между Рыбинскомъ и Ярославлемъ, я свалился съ висячаго дивана на какого-то толстаго купца, спавшаго внизу. Ему показалось, что его грабятъ, и онъ закричалъ на всю каюту. Пассажиры въ переполохѣ вскочили съ мѣстъ. Когда дѣло разъяснилось, всѣ начали хохотать.

Дома меня не ожидали и были крайне удивлены моимъ внезапнымъ возвращеніемъ.

Такъ кончилась моя первая попытка обосноваться на берегахъ Невы.

Вернувшись въ Вологду, я опять сталъ давать частные уроки и занялся изученіемъ школьнаго дѣла и быта учителей. Но появленіе моихъ новыхъ корреспонденцій возстановило противъ меня многихъ вліятельныхъ лицъ.

«Недѣля» была закрыта. Статья о народномъ образованіи Шульгину показалась мало обоснованной. Тогда я разработалъ вопросъ подробнѣе, дополнилъ статью личными наблюденіями и послалъ рядъ писемъ въ «Гражданинъ», только что основанный княземъ Мещерскимъ. Я былъ совсѣмъ новичекъ, не зналъ ни журнальных кружковъ, ни лагерей, и послалъ въ «Гражданинъ», потому что мнѣ нравились статьи Р. Попова и В. Н.-Д. (В. И. Немировичъ-Данченко), печатавшіяся въ журналѣ князя Мещерскаго. Статьи Р. Попова объ Уралѣ были написаны съ знаніемъ предмета и отличались большимъ интересомъ. Очерки сѣвера и рассказы В. И. Данченка были очень поэтичны. (Въ то время В. И. Д.—нко уже печаталъ свои стихи въ «Дѣлѣ»). И я послалъ свои письма въ «Гражданинъ», не зная, что прежде всего въ Вологдѣ же ждутъ меня гоненія. Въ этихъ письмахъ, въ которыхъ не было ни слова лжи, я коснулся народнаго образованія въ уѣздѣ, въ городѣ и далъ картину положенія земской медицины въ уѣздѣ. Боже, какъ закричали гуси, раздраженные мною! Поднялся на меня инспекторъ народныхъ учителей г. Т., заволновался земскій врачъ г. П., обижено было и то чиновное лицо, которое протезировало одной дѣвушкѣ, очень миленькой, но совершенно непригодной для роли учительницы. Меня предали анаѣмѣ, назвали «нечаевцемъ», было приказано не пускать меня въ школы, не давать мнѣ справокъ въ управѣ, повліяли на тѣхъ, у кого я давалъ уроки. Учителя меня стали бояться. Наконецъ инспекторъ и врачъ П. выступили

въ «Гражданинѣ» съ возраженіями. Редакція напечатала ихъ и отмѣтила въ письмѣ инспектора народныхъ училищъ всѣ неграмотныя мѣста. Это еще болѣе раздражило «гусей», хотя дальнѣйшихъ моихъ писемъ «Гражданинѣ» уже и не помѣстилъ. Я послалъ ихъ въ «Иллюстрированную Недѣлю». Я поднялъ брошенную мнѣ перчатку и повелъ борьбу съ задоромъ юности. Дѣло начало принимать для меня дурной оборотъ, и мнѣ грозила «маленькая поѣздка» въ одинъ изъ уѣздовъ губерній, но тутъ на выручку явилось вліятельное лицо, пожелавшее спасти увлекающагося юношу. Въ это же время я познакомился съ мѣстнымъ врачомъ А. М. Коробовымъ.

Какъ человѣкъ, по своимъ душевнымъ качествамъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ праведниковъ, безъ которыхъ, по народному выраженію, не стоитъ ни одинъ городъ. Простой народъ, бѣдняки, его просто боготворили... За сотню верстъ шли къ нему мужики, зная, что встрѣтятъ теплое участіе и самый сердечный пріемъ. Онъ основалъ въ Вологдѣ бесплатную лечебницу и задумывалъ рядъ благотворительныхъ учрежденій, но уѣхалъ, не успѣвши сдѣлать, чего хотѣлъ. Какъ врачъ, онъ пользовался сильнымъ довѣріемъ. И дѣйствительно онъ лечилъ замѣчательно удачно. Образованный, начитанный, краснорѣчивый, онъ всѣхъ привлекалъ къ себѣ. Но онъ жилъ замкнуто и не искалъ популярности. Не смотря на все то, что я сказалъ выше, «молодежь», еще не способная вникать глубоко въ вещи, и не шла къ нему, потому что онъ звалъ совсѣмъ не туда, куда звали тогдашніе журнальные учителя. Онъ былъ мистикъ. Былъ пунктъ, коснувшись котораго А. М. становился «страннымъ». Онъ не былъ сектантомъ, если хотите, но Пушкина, сидѣвшаго въ Соловецкомъ монастырѣ, онъ считалъ за какого-то мессію, долженствовавшаго обновить міръ. И вотъ этотъ пунктъ отдалялъ многихъ отъ А. М. Коробова. Я нерѣдко заходилъ къ нему, любя его, какъ человѣка, и находя отраду въ его бесѣдахъ общаго характера. Даже бесѣды «по извѣстному предмету» были не бесполезны. Заблуждаясь, А. М. высказывалъ не мало оригинальнаго и смѣлаго, освѣщавшаго потемки косности мысли. А. М. наизусть цитировалъ чуть не всю библію. Каждое слово его дышало горячимъ убѣжденіемъ. Съ нимъ можно было не соглашаться, но его нельзя было не уважать. Коробовъ уѣхалъ за границу. Живъ ли онъ—я не знаю.

— Бросьте ваши филиппики,—сказалъ мнѣ какъ-то А. М. Коробовъ:—вы можете писать не только корреспонденціи, займитесь же развитіемъ дарованія и не боритесь съ тѣми, кто можетъ навсегда испортить вашу карьеру. Не въ обличеніяхъ сила. Глубже смотрите и выше ищите работы. Писатель—апостоль.

Редакція «Гражданина» прислала мнѣ солидный гонораръ.

Няня была въ полномъ недоумѣніи и говорила, разводя руками:

— И диковина, право, что у тебя за служба, за ремесло такое: деньги изъ Питера шлютъ, а здѣсь сердятся и вона что хотятъ съ тобою сдѣлать... Да что же это, разное что ли начальство? Коли худое дѣло, такъ зачѣмъ допускаютъ и деньги платятъ?..

— Я за правду стою,—говорилъ я.

— Охъ, родной... правду-то нынѣ никто не любитъ... Вона ты все поешь: «ниже тоненькой былиночки надо голову клонить, чтобъ сиротѣ прожить» ¹⁾... А тутъ за правду... Брось-ка лучше, коли здѣшнему начальству не пріятно... да иди служить ²⁾.

Въ Вологдѣ по зимамъ держалъ театръ В. А. Смирновъ, владѣлецъ ярославскаго театра и жившій большую часть года въ этомъ городѣ. Я познакомился съ Смирновымъ въ семействѣ купца К. З. Соколова, состоявшаго агентомъ Смирнова. Дочь К. З. Соколова, А. К. Соколова, пятнадцати-лѣтняя красавица, за которою усердно ухаживала молодежь, прекрасно танцевала и нѣсколько разъ выступала въ дивертисментѣ. Если бы она изучила хореографическое искусство, какъ слѣдуетъ, изъ нея вышла бы навѣрное замѣчательная балерина. Она уже и тогда поражала изяществомъ исполненія довольно трудныхъ вещей и упругостью носка. Увлекаемая вмѣстѣ съ другими юной красавицей, я часто посѣщалъ домъ Соколовыхъ и сблизился нѣсколько съ В. А. Смирновымъ. И вотъ однажды онъ предложилъ мнѣ поступить къ нему въ труппу.

— Сначала, конечно,—говорилъ онъ, заикаясь,—я положу немного, ну, 15 рублей, будетъ пока... а тамъ увидимъ... Коли талантъ окажется, и 25 дамъ... А тамъ...

Онъ захлебывался, моргалъ и поднималъ высоко руку, что, вѣроятно, должно было обозначать ту высоту, на какую я могъ бы подняться, если бы...

Нѣкоторое время, очень, впрочемъ, не долго, меня занимало это предложеніе, и я началъ подумывать о поступленіи въ труппу Смирнова. Уже В. А. назначилъ мнѣ маленькую роль въ какомъ-то водевилѣ, но я заболѣлъ, а выздоровѣвъ я раздумалъ поступить въ актеры. Быть можетъ, меня оттолкнуло самое сближеніе съ этимъ міромъ, который хорошъ только издали.

Можетъ статься, въ самомъ дѣлѣ, я бы выдвинулся на сценѣ, а могло случиться, что актерство помѣшало бы моей литературной дѣятельности. Какъ бы то ни было, я не жалѣю о случившемся,

¹⁾ Она слыхала, какъ я часто пѣлъ Некрасовскую «Пѣсню Еремюшки».

²⁾ Я два раза пытался служить: былъ около мѣсяца корректоромъ въ губернской типографіи, а потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при вологодской казенной палатѣ. На послѣднюю должность я поступилъ, выполняя настоятельное желаніе матери. Но здѣсь я еще болѣе почувствовалъ, что не созданъ для «вицъ-мундира», и черезъ два мѣсяца вышелъ въ отставку; съ тѣхъ поръ вездѣ меня и прописывали: «отставной чиновникъ особыхъ порученій».

потому что не къ сценѣ, а къ литературѣ я чувствовалъ всегда сильное влеченіе.

Всю зиму 1872 г. и первые мѣсяцы 1873 г. я посвятилъ изученію педагогики, чтенію выдающихся педагогическихъ сочиненій и въ маѣ мѣсяцѣ послалъ первый рассказъ для дѣтей въ «Дѣтское Чтеніе», а затѣмъ нѣсколько педагогическихъ статей въ «Семью и Школу» и въ «Школьную Жизнь» Н. П. Столпянскаго. Въ этихъ журналахъ я встрѣтилъ радушный пріемъ и уже задумалъ для «Школьной Жизни» большую работу, какъ одно обстоятельство вдругъ заставило меня снова бросить Вологду и ѣхать въ Петербургъ.

Моя мать положительно была противъ поѣздки. Но я сказалъ, что ѣду, и, поддерживаемый въ этомъ намѣреніи пріятелемъ Р., рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ почти безъ гроша, имѣя деньги только на дорогу. Рядъ ли непріятностей, испытанныхъ мною за послѣдній годъ, или рѣшительность Р., ѣхавшаго тоже въ Петербургъ, повлияла на меня, но меня вдругъ потянуло въ столицу, и на этотъ разъ какой-то внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что я выберусь, не вернусь обратно въ Вологду.

Въ концѣ сентября 1873 года вмѣстѣ съ одной дѣвушкой, бѣжавшей отъ гнусныхъ преслѣдованій дяди, я отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ 3-го октября, имѣя въ карманѣ буквально только пять рублей.

На эти деньги нельзя было, конечно, прожить и недѣли, даже одному, а тутъ насъ было двое: у дѣвушки, бѣжавшей отъ дяди, не было ни гроша, помѣститься не у кого, я заботу о ней на первыхъ порахъ я взялъ на себя. Я общалъ ей это, поддерживая ее въ мысли бѣжать.

Петербургъ встрѣтилъ насъ дождемъ... Безпрестанно стрѣляли изъ пушекъ, потому что начиналось наводненіе.

Я забылъ сказать, что проѣздомъ изъ Вологды въ Петербургъ я познакомился въ Ярославлѣ съ поэтомъ Леонидомъ Николаевичемъ Трефолевымъ, служившимъ уже и тогда въ Ярославскомъ земствѣ. Л. Н. встрѣтилъ меня не особенно «мягко», отнесся недовѣрчиво къ моимъ горячимъ словамъ. Мой задоръ ему, кажется, не понравился. На минуту его «холодные разсужденія» поколебали мою рѣшимость, но лишь на минуту. Какой-то внутренній голосъ упорно твердилъ мнѣ: «иди, ты выберешься!».

Мы холодно расстались другъ съ другомъ.

Въ послѣднее свиданіе съ Л. Н. (1888 г.) я напомнилъ ему о нашей первой встрѣчѣ.

— Право, запамятовалъ,—сказалъ поэтъ.

Теперь мы съ нимъ друзья. Я узналъ его и полюбилъ. И кто знаетъ Л. Н., тотъ не можетъ не любить его. Но тогда я съ другимъ чувствомъ пожалъ при прощаньи руку поэта.

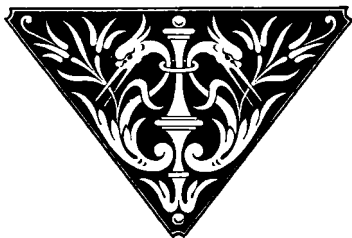
Я не послушался его, и, къ счастью, его предсказанія не сбылись.

«Канунъ» кончился.

Начались мои первые самостоятельные шаги на литературномъ поприщѣ, которому я не измѣнялъ втеченіе всѣхъ лѣтъ, живя исключительно литературой. На ней сосредоточились всѣ мои интересы. Въ ея мнѣ не понятна жизнь.

«Не писать» — теперь для меня равносильно — «не жить».

Александръ Кругловъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

I

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Остановка въ Маріинской гостинницѣ.—Прозаическіе разговоры.—Исканіе комнаты.—Объясненіе съ хозяйкой.—Н. П. Столпянскій.—Моя тревога и неожиданная радость.—Бесѣда съ Н. П. Столпянскимъ.—Дальнѣйшія встрѣчи съ нимъ.—Я иду съ письмомъ Смирнова въ редакцію «Петербургскаго Листка».—Встрѣча съ А. А. Соколовымъ.—Немного о Стопановскомъ.—Пламенный поклонникъ Власа Ловласова.—Мой романъ и бесѣда съ Ѳ. М. Достоевскимъ.—Его отношеніе ко мнѣ.—Разговоръ съ пріятелемъ о Достоевскомъ.—Курьезный фактъ.—Мое посѣщеніе редакціи «Сына Отечества» и объясненіе съ секретаремъ редакціи и съ редакторомъ.—Стихи И. С. Никитина подъ новымъ псевдонимомъ.—Разсказъ Сухонина-Шардина.—Желаніе современнаго издателя пригласить въ сотрудники поэта Полежаева.

В А НѢСКОЛЬКО дней до моего отъѣзда изъ Вологды въ Петербургъ, туда же уѣхали два мои пріятеля: Р. и С. Первый съ цѣлью посоветоваться съ авторитетами науки по поводу своей серьезной болѣзни, а второй имѣлъ намѣреніе поступить вольнымъ слушателемъ въ университетъ. Р. и С. остановились временно въ Маріинской гостинницѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, гдѣ были въ то время (не знаю, есть ли теперь) дешевые номера по семидесяти пяти копеекъ въ сутки.

¹⁾ Первый отрывокъ изъ воспоминаній А. В. Круглова, подъ заглавіемъ «Наканунѣ», напечатанъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» текущаго года.

Я направился съ вокзала тоже въ эту гостинницу. С. взялъ извозчика и увезъ мой чемоданъ, а я съ Р. поѣхали по конкѣ.

— Ну, что, какъ устроились?—спросилъ я Р.—Что сказали врачи?

— Живемъ въ одномъ номерѣ. Ничего... Кормятъ недурно. Я еще не былъ ни у кого. Надняхъ пойду.

— Мы въ гостинницѣ и останемся жить?

— Какъ можно! Это и дорого и неудобно,—отвѣтилъ Р.—Я или уѣду скоро отсюда, или лягу въ лечебницу. А ты поселись вмѣстѣ съ С.

— Согласится ли онъ?

— Онъ выражалъ уже желаніе. Это вамъ будетъ и дешевле. Отдохнешь—принимайтесь за поиски. С., кажется, даже присмотрѣлъ комнату.

Дешевый номеръ Маріинской гостинницы былъ очень малъ и напомнилъ мнѣ ванную комнату въ имѣніи одного вологодскаго помѣщика, у котораго я гостилъ.

Напившись чаю, мы всѣ трое пошли въ общую залу, гдѣ игралъ органъ, и было очень много публики. Мы заказали себѣ закуску и потомъ опять пили чай.

Шумъ, свѣтъ, музыка подѣйствовали на меня очень хорошо. Попался номеръ «Сіянія» со стихами Л. Н. Трефолева «Присяжный засѣдатель». Стихи намъ всѣмъ троемъ понравились. Я рассказалъ Р. и С. про Трефолева. Въ эту минуту его предсказанія меня не пугали. Сердце мое преисполнилось вѣрой и бодростью, я началъ строить, что называется, «воздушные замки».

— А денегъ-то у тебя съ собой сколько?—спросилъ вдругъ Р. Его вопросъ былъ для меня упатомъ холодной воды.

Изъ міра грезъ я сразу очутился въ мірѣ прозаической дѣйствительности.

— Денегъ? Да меньше пяти рублей.

— Что-о? Пять рублей?

— Ну, да. А что?

— Да какъ же ты? Вѣдь не сразу же найдешь работу? Или у тебя привезено съ собой много статей?

— У меня есть два стихотворенія, да романъ я послалъ еще изъ Вологды.

— Куда?

— Въ «Гражданинъ».

— Принять?

— Не знаю.

— А кто тамъ редакторъ?

— Достоевскій.

— А если не возьмутъ? Чѣмъ же ты жить будешь?

— Мнѣ надо получить нѣсколько рублей отъ Столпянскаго. Онъ издаетъ «Школьную Жизнь».

— Ну, братъ, это плохо. На это не проживешь долго. Значить, въ гостинницѣ совсѣмъ нельзя заживаться. Завтра же переѣзжайте съ нимъ (Р. указалъ на С.), получай скорѣй со Столпянскаго и ищи занятій или продавай, что есть. Сходи въ «Гражданинъ».

Мы просидѣли чуть не до утра, вспоминая прошлое, мечтая о будущемъ.

— Погоди,—смѣялся С.:—будемъ мы съ тобой богаты, ты издателемъ сдѣлаешься, а я...

— Твой отецъ итакъ богатъ, чего тебѣ,—сказалъ я С.

На другой день, около двѣнадцати часовъ, напившись чаю, мы отправились искать комнату. Мы осмотрѣли нѣсколько комнатъ, устали страшно, но все не нашли по вкусу. Одна была дорога, другая совсѣмъ плоха. Отецъ С. ассигновалъ небольшую сумму, и онъ не могъ «форсить», какъ это любилъ въ Вологдѣ. Уже подъ самый вечеръ нашли мы наконецъ недурную и относительно очень просторную комнату на Пескахъ, въ пятомъ этажѣ, за четырнадцать рублей.

— По семи рублей съ персоны! Ну, это сносно,—сказалъ С.

Я былъ пораженъ. Четырнадцать рублей за одну комнату, когда моя мать въ Вологдѣ за квартиру въ четыре комнаты платила три съ полтиной!

— Э-э!—засмѣялся С.:—то, братъ, Вологда, а это — Питеръ. Здѣсь другія цѣны.

Мы дали задатокъ, сказавъ, что переѣзжаемъ завтра.

На другой день, рано утромъ, мы перебрались на новоселье. Р. переѣхалъ въ тотъ же день въ лечебницу къ специалисту.

Мы благодушно попивали чай, когда вошла хозяйка и потребовала денегъ за комнату.

Я снова удивился.

— Да вѣдь мы только что переѣхали.

— Такъ что же!

— Вотъ пройдетъ мѣсяцъ, и деньги получите.

— Какъ? Да нѣшто это можно? Сейчасъ подавайте деньги, а то вонъ убирайтесь! Вотъ еще жулье какое!

— Ну, ты потише!—крикнулъ С.:—а то смотри!

— Чего смотри! Деньги подайте!

С. досталъ изъ кармана семь рублей и, отдавая ихъ хозяйкѣ, промолвилъ:

— Возьми, а остальные завтра.

— Отчего же не сегодня?

— Оттого, что завтра.

Внушительный тонъ С. подѣйствовалъ на жену писаря (сдававшую комнату), и она уже тише добавила:

— Только чтобы завтра безпремѣнно. А то и о выходѣ; я сама этимъ живу... Ишь!

— Да неужели здѣсь впередъ платять?—обратился я къ С.
 — Ну, да.
 — А въ Вологдѣ же...
 — Ахъ, да оставь ты Вологду. Допивай чай, да иди сейчасъ къ Столпянскому и получай свои гроши. А то завтра насъ вытурять.

Послѣ обѣда въ какой-то кухмистерской я отправился отыскивать извѣстнаго педагога Николая Петровича Столпянскаго, издававшего «Школьную Жизнь». Изъ Вологды я послалъ въ журналъ двѣ статьи, рассказъ и стихотвореніе: «Сельскимъ учителямъ» или «Товарищу»—хорошенько теперь не помню, но только помню, что въ стихотвореніи призывалъ народнаго учителя идти на борьбу съ невѣжествомъ и т. д. въ этомъ родѣ. Гонорара я не получилъ, да я его и не просилъ, и теперь, отправившись въ редакцію, я не былъ увѣренъ, что мнѣ дадутъ деньги. С. даже мнѣ такъ прямо и сказалъ:

— Смотри, не ошибись въ расчетѣ. Можетъ быть, останешься при пиковомъ интересѣ. Вѣдь ты не условился?

— Нѣтъ.

— Ну, за даровую и сочтутъ. Я, братъ, недавно въ какой-то газетѣ вычиталъ. Тамъ было заявлено отъ редакціи, что «статьи, посланныя безъ условій, считаются бесплатными».

— Ну, не можетъ быть!

А самъ подумалъ: «Что, если правда? Что тогда?».

Съ замираніемъ сердца поднимался я по лѣстницѣ въ квартиру Н. П. Столпянскаго, который жилъ тогда на набережной Фонтанки, близъ Семеновскаго моста.

Я робко позвонилъ.

На мой вопросъ, могу ли я видѣть Николая Петровича, прислуга отвѣтила мнѣ, что они только что отобѣдали и, кажется, ложатся спать.

— Но еще не легъ?

— Нѣтъ. Какъ доложить?

Я сказалъ. Визитной карточки у меня не было.

Меня попросили войти въ гостиную, откуда я прошелъ въ кабинетъ, гдѣ меня и встрѣтилъ высокій, плотнаго сложенія, брюнетъ, нѣсколько сутуловатый. Его серьезное лицо, освѣщаемое вдумчивыми, проницательными глазами, свидѣтельствовало объ упорствѣ въ достиженіи цѣли и носило слѣды нелегкаго труда.

— Это вы писали у меня?—спросилъ Н. П. низкимъ груднымъ и очень симпатичнымъ голосомъ, подавая мнѣ правую руку, а въ лѣвой держа толстую сигару.

— Да, я.

— Вѣдь вы въ Вологдѣ жили?

— Я пріѣхалъ сюда.

— Давно?

— Только надняхъ.

— На мѣсто или такъ? Можетъ быть, учиться еще?

— Нѣтъ, не на мѣсто. Буду искать работы... Я вотъ и у васъ хочу...

— Давайте, давайте. Тамъ еще за мной, пожалуй, грѣши есть,—добавилъ онъ съ выговоромъ, который обнаружилъ въ немъ рязанца.

Я внутренно обрадовался: «значить заплатить».

— Вы вѣдь не получили отъ меня ничего?

— Ничего.

— А-а! У меня тутъ семейное горе: жена умерла недавно. Дѣла-то нѣсколько запустилъ. И не помню всего... Да... такъ вамъ грѣши нужны? Сейчасъ!

Онъ попыхалъ сигарой и началъ отыскивать номера журнала, въ которыхъ были напечатаны мои статьи. Я не могъ назвать номеровъ, Н. П. не помнилъ ихъ, и пришлось не мало употребить времени, чтобы найти ихъ.

— Вы чаю не хотите ли, а?

Я поблагодарилъ.

— Кажется, еще есть.

Онъ кликнулъ прислугу и велѣлъ подать чаю.

Отыскивая номера, онъ задавалъ мнѣ вопросы о Вологдѣ, о жизни сельскихъ вологодскихъ учителей, о томъ, какъ нравится имъ «Школьная Жизнь», жаловался на нѣкоторыя неудачи, стѣсненія, на недобросовѣстные нападки противниковъ, опять коснулся смерти жены.

Гдѣ-то ровно стучалъ маятникъ. Лампа разливала ровный свѣтъ по кабинету, заваленному книгами. На душѣ у меня стало легче и веселѣе въ виду перспективы хотя сколько нибудь получить денегъ. Теплое отношеніе Н. П. согрѣло меня.

Мнѣ приходилось получить съ чѣмъ-то, или безъ чего-то двадцать рублей.

Я былъ доволенъ.

Н. П. досталъ бумажникъ.

— А, поди, у васъ грошей-то немного? а?—спросилъ Н. П., ласково улыбаясь своими вдумчивыми глазами.

— Немного.

— А-ну-ка, сколько? Правду скажите.

Я сказалъ.

— Э-э, какой вы богатъ!—разсмѣялся Столпянскій.—Вы что-то мнѣ о работѣ говорили. Есть у васъ что нибудь для меня?

— Есть, но вчернѣ.

— Можете скоро отдѣлать?

— Могу.

— Ну, и отлично! Такъ на-те вамъ, а потомъ сочтемся.

И онъ подалъ мнѣ двѣ двадцатипяти-рублевья бумажки.

— Это все мнѣ? воскликнулъ я.—Вѣдь двадцать нужно!

— Берите, потомъ разсчитаемся. Только не лѣнитесь.

Я поблагодарилъ, сконфуженный и обрадованный, и хотѣлъ уходить. Но Н. П. оставилъ меня, и я пробылъ у него еще около двухъ часовъ. Онъ разспросилъ меня подробно о прошлой жизни, поинтересовался узнать, что я намѣренъ дѣлать, и далъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ.

— Поступайте-ка въ университетъ, лучше всего, — сказалъ онъ: — работайте и учитесь.

— Я хочу вольнослушателемъ.

— Да, да.

Онъ закурилъ сигару и заговорилъ о какомъ-то учителѣ. Потомъ онъ читалъ письма нѣкоторыхъ учителей, благодарившихъ его за журналъ, и опять перешелъ къ народной школѣ.

— Много, много есть хорошихъ силъ, только горячи очень, да и подготовки нѣтъ настоящей.

Прощаясь со мною, онъ просилъ меня заходить и, если будутъ нужны деньги, безъ церемоніи обращаться къ нему.

Радостный и нервно-приподнятый оставилъ я Николая Петровича Столпянскаго.

Такъ какъ мнѣ не придется уже болѣе касаться его, то здѣсь же скажу еще два-три слова о немъ.

Я помѣстилъ въ «Школьной Жизни» статью и хотѣлъ писать новую, но журналъ прекратился.

Долгое время я не встрѣчался съ Н. П. и даже потерялъ его изъ виду.

Въ 1879 году я снова встрѣтился съ нимъ на дачѣ въ Стрѣльнѣ. Онъ былъ уже женатъ вторично и, не смотря на солидные годы, выглядѣлъ все такимъ же бодрымъ и работалъ также упорно и энергично.

Какъ авторъ руководствъ для обученія солдатъ и взрослыхъ, какъ педагогъ вообще, Николай Петровичъ достаточно извѣстенъ. Онъ одно время жилъ въ Харьковѣ, потомъ опять воротился въ Петербургъ и открылъ курсы ручного труда. И попрежнему онъ бодръ, упоренъ въ работѣ. Онъ перенесъ новую потерю: схоронилъ вторую жену и все-таки не упалъ духомъ.

— Нельзя, нельзя духомъ падать, — говоритъ онъ: — нельзя терять нить жизни. Потеряете — и пасъ! А вы не теряйте. Всегда чтобы цѣль была. И захочется жить, и будетъ смыслъ жизни, и силы не измѣнять.

Такія слова бодрятъ малодушныхъ.

Ободренный словами Н. П., я не шелъ, а летѣлъ домой, на Пески, гдѣ дожидался меня С. Дойдя до Невского, я даже нанялъ извозчика.

— Ну, что? даль?—встрѣтилъ меня С.

— Пятьдесятъ.

— Не можетъ быть!

— Гляди!

И я показалъ С. обѣ бумажки.

— Вотъ богачъ-то! Давай скорѣй семь рублей хозяйкѣ.

Я отправился въ лавку, размѣнялъ деньги, купилъ булокъ, колбасы и любимого земляничнаго варенья.

— Чай пить давай!

Хозяйка, получивъ деньги, сдѣлалась вдругъ любезна и даже извинилась за рѣзкость.

— Я что же... вѣдь всякіе есть... Дѣло наше такое... А теперь вижу...

Подъ вліяніемъ радости я отъ полного сердца простилъ ей всѣ ея грубости.

Разбирая свой чемоданъ, я нашелъ въ немъ письмо ярославскаго антрепренера Смирнова (о которомъ упоминалъ въ предыдущихъ своихъ воспоминаніяхъ—«Наканунѣ»). Я совсѣмъ забылъ объ этомъ письмѣ, данномъ мнѣ А. В., у котораго я былъ, проѣзжая Ярославль. Узнавъ, что я ѣду въ Петербургъ и хочу «поступить въ писатели», какъ выразился Смирновъ, онъ предложилъ мнѣ дать письмо къ издателю «Петербургскаго Листка», А. А. Соколову, автору извѣстной книги «Театральныя болота».

— Вы знаете его?—спросилъ я.

— Еще бы! Еще бы!—воскликнулъ А. В., по обыкновенію заикаясь.—Онъ у меня въ труппѣ служилъ когда-то. Я напишу ему, и онъ вамъ навѣрное дастъ и работу и, можетъ быть, мѣсто.

Я принялъ предложеніе Смирнова, во-первыхъ, потому что у меня были юмористическія стихотворенія, которыя подходили къ «Петербургскому Листку», а, во-вторыхъ, мѣсто въ конторѣ могло бы дать мнѣ нѣкоторое обезпеченіе. Я поблагодарилъ и взялъ письмо антрепренера. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я забылъ совсѣмъ о письмѣ, но, найдя его въ чемоданѣ, рѣшилъ воспользоваться имъ. Когда я спросилъ С.: «идти ли мнѣ къ А. А. Соколову?»—С. отвѣтилъ: «Конечно, иди. Отчего не попытать... можетъ быть, мѣсто получишь... Все—почва».

Я отправился.

Редакція «Петербургскаго Листка» находилась у Казанскаго собора, рядомъ съ Николаевскимъ институтомъ.

Антре и комната, гдѣ помѣщалась контора, произвели на меня не особенно благопріятное впечатлѣніе.

— «Однако, грязновато же»,—подумалъ я.

А. А. Соколова еще не было. Но мнѣ сказали, что онъ скоро придетъ, и я остался ждать. Онъ явился черезъ полчаса, и я отдалъ ему письмо Смирнова.

Наскоро пробѣжавъ письмо, А. А. Соколовъ равнодушно объявилъ мнѣ, что мѣста никакого нѣтъ, а что если у меня есть стихи, и они подойдутъ, то ихъ можно помѣстить. Въ этотъ разъ я познакомился съ романистомъ Стопановскимъ, редактировавшимъ «Петербургскій Листокъ». Можетъ быть, я глубоко ошибаюсь, но на меня Стопановскій произвелъ впечатлѣніе человѣка уставшаго, ко всему равнодушнаго, которому все надоѣло. Такимъ онъ показался въ этотъ разъ, а больше я его никогда и не видѣлъ.

Братъ квартирной хозяйки былъ пламеннымъ поклонникомъ А. А. Соколова за его фельетоны: «Изъ дневника Власа Ловласова», и каждое воскресенье обязательно посылалъ намъ газету, а потомъ спрашивалъ:

— Не правда ли, хорошо? Да, такъ никто не пишетъ! Вотъ это писатель!

Когда онъ узналъ, что я былъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» и видѣлъ Соколова, онъ даже весь просвѣтлѣлъ.

— Ну, ну, и что же?—воскликнулъ онъ.

— Да ничего,—отвѣтилъ я.—Мѣста не нашлось... Могу писать.

— Такъ что же, вы пишете... пишете, если только, конечно, можете. Это очень пріятно. Кто знаетъ, можетъ быть, и также будете писать, какъ Соколовъ, добьетесь... Это заманчиво, да и зарабатываете тоже не мало.

Но меня это не манило; планы были гораздо шире, и, не смотря на нужду, я думалъ не о заработкѣ, а о томъ, чтобы сдѣлаться «настоящимъ писателемъ».

Съ большимъ трепетомъ отправился я къ Федору Михайловичу Достоевскому, который тогда редактировалъ «Гражданинъ».

Когда я пришелъ, Федоръ Михайловичъ былъ занятъ. Мнѣ пришлось ждать довольно долго.

Но вотъ ушелъ отъ Достоевскаго посѣтитель, съ которымъ Ф. М. разговаривалъ долго и очень горячо. Доложили обо мнѣ.

— Кто? Кто?—отрывисто переспросилъ Федоръ Михайловичъ.

Ему повторили.

— Что ему? Что?

— О романѣ.

— О романѣ? А—а, вспомнилъ. Пусть войдетъ, пусть.

Я невольно схватился рукой за сердце, переступая порогъ кабинета. Впервые я встрѣтился лицомъ къ лицу съ авторомъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», «Записокъ изъ Мертваго Дома», съ авторомъ, котораго, не смотря на всѣ нападки своей партіи (либеральную партію я считалъ своею), я любилъ и даже обожалъ, если только это слово здѣсь можетъ быть употреблено.

Меня встрѣтилъ худощавый человѣкъ средняго роста, съ нервнымъ и очень подвижнымъ лицомъ. Сѣрые пронизательные глаза проникновенно устремились на меня изъ-подъ сдвинутыхъ бровей.

Волосы, бородка у Ѳ. М. были русые. Кожа лица желтоватая; вообще Достоевскій выглядѣлъ человѣкомъ крайне болѣзненнымъ.

— Какой вашъ романъ? Это...

Ѳ. М. порылся на столѣ и подалъ мнѣ толстую тетрадь.

— Это, это?

— Да,—едва слышно отвѣтилъ я.

— А—а! Садитесь! Мнѣ надо вамъ многое сказать.

Я не буду и пробовать точно передать рѣчь покойнаго великаго писателя. Я не могу ее возстановить стенографически, а потому передамъ только приблизительно. Она была слишкомъ оригинальна, мѣстами образна, колоритна. Я помню только одну фразу, которую можно назвать афоризмомъ. «Вы еще слишкомъ мало жили, чтобы дерзать такъ много говорить о такомъ большомъ предметѣ» (романъ касался семейнаго счастья). Ѳедоръ Михайловичъ говоря скоро раздражался, движенія дѣлались суетливыми, тонъ отрывистымъ. Сначала Ѳ. М. заговорилъ очень рѣзко и напалъ на меня за «смѣлость, за дерзость» браться писать романъ въ четырехъ частяхъ на такую тему. Для этого надо пожить, многому научиться, многое прочувствовать, продумать. Надо, чтобы жизнь помяла, чтобы она, а не книжка умная, диктовала. Нельзя вскочить на крышу прямо съ земли. И рисовать учатся исподволь. А то вдругъ двадцатилѣтній «господинъ» (Ѳ. М. разъ даже сказалъ «мальчишка») и за такую тему, да за романъ! Широко, сударь, шагаете! Силь и умѣнья нѣтъ! Онъ говорилъ все рѣзче и рѣзче, даже гнѣвно, и мнѣ стало казаться, что онъ сейчасъ же прогонитъ меня и кинетъ въ меня рукописью, которую онъ нѣсколько разъ бралъ со стола и снова бросалъ на столъ.

Но онъ продолжалъ говорить, ходя по кабинету:

— Нужна извѣстная широта, глубина. Откуда она у васъ можетъ быть? И какія положенія берете! Самыя драматическія, сложныя! Психологія матери, потерявшей дочь, мужа, которому измѣнила жена и при такихъ обстоятельствахъ! И зачѣмъ аристократическій быть? Вы вѣдь его не знаете, не знаете? да? Говорите! Откуда вамъ знать? Кто вы такой?

Я сказалъ.

— Мало жить на урокахъ. Не въ этомъ положеніи все узнаютъ! Конечно, нельзя все перепробовать на себѣ. Не это надо. Можно и не тонуть, да описать хорошо это. Но нужна опытность и творить, предугадывать. Силу особую писательскую, даръ этотъ надо развить работой, думой, ученьемъ. Вы громы небесныя посылаете на героя за то, что онъ ушелъ въ монастырь, и чуть ли не глумитесь надъ нимъ за это. А что вы понимаете въ этомъ? Книжечкѣ новыхъ дурацкихъ начитались. Погодите, все упадетъ... какъ короста отпадаетъ, если только въ васъ есть содержаніе, и вы не останетесь попугаемъ и обезьяной, какихъ много... Да-съ.

Онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и дернулъ меня за бортъ куртука.

Я сидѣлъ ошеломленный и обезкураженный.

Федоръ Михайловичъ два раза сильно потрясъ меня, и тонъ его вдругъ измѣнился. Мягкія, искреннія, проникающія прямо въ душу и согрѣвающія ее ноты послышались въ пониженномъ голосѣ.

Падать духомъ нечего. Кислиться глупо. Если онъ говорилъ рѣзко, такъ ради пользы, потому что видѣлъ во мнѣ несомнѣнное дарованіе. Если бы не видѣлъ его, и говорить бы не сталъ. Мало ли всякой дряни посылается. И словъ не стоитъ тратить, если не видно искры, огня, задатковъ таланта. Прямо бы сказалъ: «шейте сапоги, идите въ приказки!». А если онъ рѣзко говорилъ, то потому, что видитъ задатки, вѣритъ, что изъ меня можетъ выйти что нибудь, только надо работать, учиться, много работать и исподволь подвигаться по дорогѣ. Напечатать романъ можно... Кто нибудь, пожалуй, и напечатаетъ... да что пользы? Что напечатано, того не уничтожить. Позднее и бесполезное сожалѣніе въ будущемъ! Надо писать, непременно надо писать, только не спѣшить, не браться за то, что пока еще рано. Надо изучать жизнь въ жизни, не по книжкамъ, вдумываться въ нее, по поводу ея явленій и не держаться узкаго аршина, на него не мѣрить всего. Нельзя подтасовывать факты, сочинять добродѣтельныхъ манекеновъ въ новомъ духѣ. Однобокость прочь! А для этого читать, читать, учиться и наблюдать. Не сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, а окунуться, съ головой окунуться въ жизнь, не бояться грязи и вони. Писатель—что врачъ, а не барышня. Жизнь изучать и ее изображать, а не сочинять.

— Слышите?—вдругъ закончилъ Федоръ Михайловичъ и опять ткнулъ меня пальцемъ въ грудь.

— Да,—отвѣтилъ я, поднимаясь.

Ф. М. спросилъ меня, не обидѣлся ли я.

Я сказалъ, что нѣтъ, что я очень благодаренъ.

— Не въ благодарности дѣло,—сказалъ Ф. М.:—а это хорошо, что не обидѣлись. Обижаться было бы глупо. Обижайтесь — мнѣ, вѣдь, что... только этимъ сами себя приговоръ подпишите.

Онъ подалъ мнѣ рукопись.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я.

— Съ романомъ? Бросить! Пусть валяется; «выростите» — сами увидите, какъ я правъ. Умру я, вспомните и скажете, что я правъ былъ!

Я поклонился.

Достоевскій протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Непременно пишите! Только не романъ еще... Съ рассказовъ начните, а тамъ увидите... когда окрѣпнете — осилите и романъ, можетъ быть.. хорошій рассказъ лучше плохого романа!

Я еще разъ поклонился и пошелъ изъ кабинета.

Достоевскій проводилъ меня до дверей и уже въ дверяхъ, стукнувъ кулакомъ по дверямъ, крикнулъ:

— Смотрите же, не бросайте, пишите! А только помните все, что я сказалъ... Пишите!

Долгое время я находился подъ впечатлѣніемъ этого посѣщенія Достоевскаго. Слова великаго писателя заставили меня глубоко и серьезно задуматься. Сначала они меня ошеломили только, и мнѣ было жаль моей разбитой иллюзіи: я былъ увѣренъ, что романъ напечатается (онъ такъ нравился кружку знакомой молодежи), что затѣмъ я примусь за другой и т. д. И вдругъ рѣшительный совѣтъ бросить рукопись. Я не могъ не признавать авторитетнаго совѣта Ѳ. М., и въ то же время во мнѣ «что-то» протестовало: не то молодой задоръ, молодое самолюбіе, гордость. И это «что-то» толкало меня поступить наперекоръ совѣту Достоевскаго. «Развѣ онъ не можетъ ошибаться?»—возникалъ вопросъ въ моей головѣ. Одинъ мой молодой пріятель, постоянный читатель «Дѣла», выслушавъ мой рассказъ о посѣщеніи мною Достоевскаго, воскликнулъ:

— Брось его слушать! Это ретроградъ. Кто же изъ молодого поколѣнія считаетъ его учителемъ! Или ты солидаренъ съ мракобѣсами?

И странное дѣло: если до этого разговора я колебался и даже чуточку въ душѣ словно былъ недоволенъ словами романиста, то теперь, послѣ такихъ приговоровъ либеральнаго пріятеля, я вдругъ возмутился противъ либерала, началъ горячо защищать Ѳ. М. и сказалъ, что его слово важнѣе для меня цѣлаго стада крикуновъ, кувыркающихся передъ фольговыми кумирчиками!

Я вернулся домой, прочиталъ весь свой романъ, и мнѣ самому онъ, послѣ освѣщенія Достоевскимъ, показался слабымъ. Да, я не зналъ жизни, той жизни, о которой я брался судить и рядить! Не годами я для романа былъ молодъ (хотя и годы еще ранніе: романъ былъ написанъ девятнадцати лѣтъ), а знаніемъ жизни, своею неопытностью. Я еще мало видѣлъ, продумалъ и учился у самой жизни—это главное. И я рѣшилъ поступить такъ, какъ велѣлъ Ѳедоръ Михайловичъ.

Свою мысль я сообщилъ Ник. Ник. Трапезникову, управлявшему книжнымъ магазиномъ Черкесова. Ник. Ник. былъ мой землякъ. Онъ одобрилъ мое рѣшеніе, сказалъ, что «кого же и слушаться, если не его, т. е. Достоевскаго».

Между тѣмъ деньги уходили, и ничего существеннаго не предвидѣлось. Трапезниковъ нѣсколько ободрилъ меня, обѣщая похлопотать насчетъ мѣста въ библиотекѣ Черкесова. Мы же вскорѣ переѣхали на новую квартиру, найдя на Царскосельскомъ проспектѣ болѣе дешевую комнату.

За день до переѣзда на новую квартиру, я по почтѣ послалъ два стихотворенія въ редакцію «Сына Отечества», который тогда

принадлежалъ нѣкому Успенскому. Многіе въ глуши принимали его за брата одного изъ Успенскихъ (Николая или Глѣба), а одинъ помѣщикъ въ Вологдѣ даже увѣрялъ меня, что это извѣстный писатель—Успенскій.

— Но имя же не то!—возражалъ я.

— Что имя? Ну, опечатка!

Успенскій, издатель «Сына Отечества», не имѣлъ ровно никакого отношенія къ литературѣ. Онъ былъ сначала пѣвчимъ, а потомъ какимъ-то образомъ пріобрѣлъ въ свою собственность «Сынъ Отечества». Это былъ одинъ изъ піонеровъ, одинъ изъ передовыхъ того издательскаго отряда, который теперь захватилъ чуть ли не половину русской журналистики. На сколько было велико знаніе г. Успенскаго, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: онъ печаталъ посылаемые ему стихи нѣкимъ Порошинымъ, не подозрѣвая, что печатаетъ стихи покойнаго Никитина.

Посылая стихи, я приложилъ марку и просилъ отвѣтить мнѣ. Но отвѣта я не получилъ и, выздоровѣвъ, отправился самъ въ редакцію «Сына Отечества».

Въ редакціи находился только какой-то отталкивающаго вида господинъ.

— Что вамъ угодно?—сердито спросилъ онъ меня.

— Могу я видѣть г. редактора?

— Зачѣмъ вамъ его?

— Надо.

— Зачѣмъ, я спрашиваю васъ?

— Я стихи послалъ.

— Когда?

— Недѣлю тому назадъ.

— Тутъ такая масса всякаго сора посылается, что и въ мѣсяцъ съ нимъ не разберешься.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я говорю?—освѣдомился я, глубоко задѣтый грубыми словами непріятнаго господина.

— Я секретарь, или конторщикъ, какъ тамъ хотите.

— Въ такомъ случаѣ,—промолвилъ я,—вы едва ли компетентны и не имѣете никакого права называть соромъ то, что присылаютъ въ журналъ.

— Да что же вы хотите?

— Мнѣ надо видѣть редактора; я съ нимъ, а не съ вами...

— Нельзя его видѣть,—перебилъ грубо секретарь.

— Его нѣтъ дома?

— Дома ли, нѣтъ ли—это все равно... а видѣть его нельзя... Вотъ вамъ и все... Есть когда ему тратить время для всякаго... Мало ли васъ такихъ шляется...

— Послушайте!—перебилъ я его, вспыхивая:—вы забываетесь... вы невѣжа... Вамъ не въ редакціи сидѣть, а...

И, должно быть, сильно повысилъ голосъ, потому что изъ сосѣдней комнаты дверь отворилась, и въ контору выглянулъ, какъ оказалось сейчасъ же, самъ г. Успенскій.

— Что тутъ такое?—спросилъ онъ.

— Да вотъ онъ-съ,—началъ секретарь.

— Вашъ конторщикъ (я нарочно подчеркнул это слово) не умѣетъ совершенно держать себя.

— Что вамъ угодно-съ?

— Я стихи послалъ.

— Ваша фамилія?

Я сказалъ.

— Не помню. Были?—обратился тотъ къ конторщику.

— Не помню, гдѣ же... много ихъ!

— Я тоже не помню... Да это все равно... я бы не взялъ.

— Почему?

— Много слишкомъ. Не знаю, куда и дѣвать!

И онъ, не поклонившись, ушелъ къ себѣ.

Много! Еще бы, когда можно перепечатывать Никитина. Одного его хватило бы на нѣсколько лѣтъ. «Ну, и редакція!»—подумалъ я, выходя. Въ то время я не могъ предполагать, что настанетъ пора, когда антики, въ родѣ только что видѣннаго редактора, не останутъ быть исключеніемъ, что люди едва грамотные, едва подписывающіе свою фамилію, станутъ во главѣ изданій и смѣло будутъ судить и рядить, а почтенные писатели станутъ фигурировать у нихъ въ качествѣ «главныхъ приказчиковъ», подчасъ исполняя ихъ бессмысленныя требованія и невольно помогая съ одной стороны пониженію тона въ литературѣ, съ другой—униженію самого писателя.

Заговоривъ о такого рода редакторахъ, я позволю себѣ передать здѣсь разсказъ покойнаго Сухонина (Шардина) объ издателѣ петербургской газеты, И. А. Арсеньевѣ (тоже покойномъ).

Приходить къ нему Сухонинъ.

— Ну, батюшка, какую я новость вамъ скажу?—воскликнулъ Арсеньевъ.

— Что такое?

— Талантъ новый, да какой! Всѣмъ на плечи сядетъ. Я прочелъ только половину, сейчасъ же и въ типографію послалъ... чудесно!

— Какъ фамилія?

— Незвѣстная совсѣмъ. Новичекъ, дебютантъ. Робкій и крайне бѣдный.

— Дешево продалъ?

— Замѣчательно! За весь романъ взялъ пятьдесятъ рублей.

— Заплатили?

— Иначе и не соглашался. Деньги нужны. Я пробѣжалъ мѣстами, вижу—чудный стиль. Побоялся упустить. Даль. Еще обѣщался принести. Я, погодите, вотъ сейчасъ вамъ покажу.

Издатель хотѣлъ позвонить, но безъ звонка явился метранпажъ. Онъ былъ крайне смущенъ.

— И. А., вѣдь романъ-то нельзя набирать!

— Какъ нельзя? почему?—воскликнулъ издатель.

— Да вѣдь это господина Лермонтова сочиненіе.

— Какого Лермонтова?

— Извѣстнаго поэта... Вѣдь это «Бѣла».

— Не можетъ быть!

Но это была правда. Издатель прочиталъ половину романа и не понялъ, что читаетъ «Бѣлу» Лермонтова.

Это—фактъ.

Я прибавлю. Одинъ издатель провинціальной газеты говорилъ мнѣ:

— Вы знаете Полежаева?

— Конечно.

— Я вчера прочелъ его стишки. Чудные... Не напишите ли ему, чтобы онъ и намъ прислалъ?

Я долженъ былъ огорчить издателя, сообщивъ, что Полежаевъ давно умеръ.

Однако, продолжаю послѣдовательно мои воспоминанія.

II.

«Дѣтское Чтеніе».—Два слова о журналѣ.—Первая встрѣча съ А. Н. Острогорскимъ.—Планы работъ.—Дальнѣйшія посѣщенія редакціи.—«На перепутьи».—Мое знакомство съ петербургскими писателями.—Оригинальный приказчикъ.—Его курьезныя взгляды на писателя.—Сила приказчиковъ.—Я поступаю на службу въ Черкесовскую бібліотеку.—Нашъ «начальникъ» и другіе служащіе.—Хозяйка-нѣмка и мои ночныя работы.—Моя дальнѣйшая служба въ бібліотекѣ.—Редакція «Семейныхъ Вечеровъ».—Какъ я получалъ гонораръ съ одного издателя.—Гонораръ-натурой.—Маленькое разсужденіе.—Я заболѣваю.—Якорь спасенія.—Прежніе «мальчики»—нынѣшніе и будущіе издатели.

«Дѣтское Чтеніе» начало выходить въ 1869 году. Оно было основано въ очень удачное время. Кромѣ «Семейныхъ Вечеровъ», тогда не было ни одного дѣтскаго журнала. Но «Семейные Вечера» владели жалкое существованіе и мало отвѣчали своей задачѣ. Критика ихъ не замѣчала. Была настоящая потребность въ хорошемъ здоровомъ дѣтскомъ журналѣ. Эта мысль высказывалась и въ критикѣ. И вотъ этимъ органомъ явилось «Дѣтское Чтеніе», основанное А. Н. Острогорскимъ, съ которымъ на первыхъ порахъ раздѣляли труды редакціи В. П. Острогорскій и В. Висковатовъ. Они были и самые дѣятельные, если не прямо един-

ственные сотрудники журнала. Но онъ быстро пошелъ впередъ, и мало-по-малу къ журналу начали примыкать другіе писатели. Присоединились: Сорокинъ, Н. Александровъ, П. Засодимскій, Ефименко, Самойловичъ и проч. Журналъ понравился публикѣ и скоро приобрѣлъ любовь маленькихъ читателей и симпатіи критики. Печатавъ статьи извѣстныхъ литераторовъ, А. Н. Острогорскій давалъ мѣсто и начинающимъ, помогая имъ совѣтами и проходя опытной рукой по ихъ дебютнымъ работамъ.

Контора «Дѣтскаго Чтенія», въ которой уже были напечатаны два мои разсказа, помѣщалась при книжномъ магазинѣ «Русская Книжная Торговля», на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви. Здѣсь же, въ конторѣ, разъ въ недѣлю, принималъ сотрудниковъ редакторъ журнала Алексѣй Николаевичъ Острогорскій.

Я пошелъ къ нему, чтобы поговорить о новой своей работѣ и кстати получить деньги за послѣдній разсказъ.

Ко мнѣ вышелъ невысокаго роста шатенъ, въ военной формѣ. Я сразу почувствовалъ къ нему симпатію. И его манеры—мягкія, съ какимъ-то оттѣнкомъ женственности, и тихій, нѣсколько слабый, но чрезвычайно пріятный, ровный голосъ, и добрый взглядъ глазъ—все это дѣйствовало успокоительно и необыкновенно хорошо на каждого человѣка, особенно на меня, нервнаго и впечатлительнаго.

Я сообщилъ А. Н. свои планы (я задумалъ тогда писать для дѣтей: «О рыбакахъ на рѣкѣ и на озерѣ»), онъ одобрилъ ихъ, и когда я спросилъ шутливо:

— Благословляете?

Онъ тѣмъ же тономъ, съ улыбкой, сказалъ:

— Благословляю. Только не спѣшите, отдѣлывайте. А еще... скоро я помѣстить не могу.

— Напримѣръ? Если я принесу вамъ въ декабрѣ?

— Раньше апрѣля не помѣщу. То-есть, можетъ быть, и удастся, но не общаю, за то не обнадеживаю.

У А. Н. было прекрасное правило: не обѣщать того, чего онъ не могъ исполнить. За то, если онъ говорилъ: тогда-то, то на его слово можно было полагаться. А это очень важно, особенно для тѣхъ, кто живетъ литературнымъ заработкомъ.

Послѣ этого раза я частенько началъ заглядывать въ контору Дѣтскаго Чтенія, чтобы отдохнуть душой въ разговорѣ съ А. Н. Я прилежно принялся за работу, и менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ у меня были готовы два очерка о рыбакахъ («На рѣкѣ» и «На озерѣ») и еще «Зыряне», этнографическій очеркъ. А. Н. второй очеркъ вернулъ мнѣ тутъ же, въ конторѣ, не читая, сказавъ, что о зырянахъ у него было уже. Очерки же о рыбакахъ взялъ и обѣщавъ черезъ недѣлю дать отвѣтъ. Я зашелъ и былъ обрадованъ: очерки не только что приняты, но и понравились А. Н. Этотъ

день былъ вдвойнѣ радостенъ для меня: редакторъ похвалилъ очерки, а управляющій магазиномъ А. А. Малиновскій сказалъ, что я могу получить деньги за свой предыдущій рассказъ («Нѣмая»).

Познакомившись съ нѣкоторыми служащими въ магазинѣ и конторѣ, я и въ «непріемные» дни завертывалъ въ магазинъ. Идешь, бывало, мимо и завернешь. Пойдешь въ комнату, находящуюся за магазиномъ, и обращаешься къ артельщику Василию (благобразный блондинъ, типъ хорошаго великоруса).

— А что, есть чаекъ?

— Есть. Когда нѣтъ!

И дѣйствительно всегда былъ.

Сидишь, попиваешь чаекъ; заглянетъ управляющій, кто нибудь изъ приказчиковъ. Здѣсь, въ этой комнатѣ, за чаемъ я познакомился съ П. П. Меркурьевымъ—хозяиномъ журнала, съ Василиемъ Ивановичемъ Яковлевымъ (соиздатель), у котораго всегда находилось для каждаго привѣтливое слово, съ Висковатымъ, писавшимъ въ «Дѣтскомъ Читеніи» статьи по естествознанію, съ извѣстнымъ этнографомъ С. В. Максимовымъ, заходившимъ въ магазинъ, съ Бѣловымъ, кажется, братомъ извѣстнаго педагога, съ романистомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Стахѣвымъ и (впослѣдствіи) съ А. В. Арсеньевымъ, который завѣдывалъ отдѣломъ мастерской учебныхъ пособій, находившимся при магазинѣ. Въ то время Арсеньевъ еще не выступалъ на литературное поприще. Онъ дебютировалъ нѣсколько позже, какъ рецензентъ, въ «Дѣлѣ» разборомъ книги пресловутаго Ливанова. Въ настоящее время онъ пишетъ очень не мало, и его работы по большей части историческаго жанра отличаются занимательностью и старательнымъ, добросовѣстнымъ изученіемъ предмета.

Дмитрій Ивановичъ Стахѣвъ—большой любитель и знатокъ церковнаго пѣнія. Онъ съ восторгомъ рассказывалъ о пѣніи въ Исаакіевскомъ соборѣ, особенно въ великую субботу. Я самъ люблю церковное пѣніе, хотя и не считаю себя знатокомъ, но я стараюсь попасть на каждый духовный концертъ и готовъ на него промѣнять какую угодно оперу. На этой почвѣ «совпаденія вкусовъ» мы и сошлись съ Дмитріемъ Ивановичемъ въ первую же встрѣчу. Вообще Дм. Ив. очень интересный собесѣдникъ, много видѣвшій и обо всемъ судящій не по «камертону», а по своему, продуманно. Его сужденія мѣткі и характерны. Я и тогда еще любилъ встрѣчаться съ нимъ и былъ всегда радъ, если заставлялъ его въ конторѣ «Дѣтскаго Читенія».

Иногда въ хмурые осенніе вечера мы (я, Арсеньевъ и главный приказчикъ магазина, нѣкто Иванъ Александровичъ, фамилію я забылъ) играли не помню въ какую именно игру, но помню, что надо было попадать кружечками въ отверстія на ящикѣ.

Иванъ Александровичъ (онъ уже умеръ) былъ толстякъ, лѣни-
вый, какъ Обломовъ, по шутливому выраженію кого-то.

Сидитъ, бывало, И. А. на стулѣ за прилавкомъ. Входитъ по-
купатель.

— Есть у васъ?...

Называетъ книгу.

Ив. Ал. поковыряетъ въ носу, посмотреть въ потолокъ и флег-
матично, гнусава, отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, нѣту.

Покупатель уходитъ.

Обращаешься къ И. А. и замѣчаешь ему:

— Послушайте, какъ же вы говорите, что нѣту. Да вѣдь вотъ
она на верхней полкѣ.

— Ну, что же!—также флегматично отвѣтилъ И. А.: — стоитъ
подниматься изъ-за сорока копеекъ! Пусть идетъ въ другое мѣсто.

Въ молодости И. А. вращался въ литературныхъ кружкахъ,
зналъ и былъ даже на пріятельской ногѣ со многими писателями,
но изъ всего этого интимнаго знакомства онъ сохранилъ только
воспоминаніе о томъ, кто «больше и лучше пилъ».

Насъ смѣшили его замѣчанія.

Бывало, промахнешься кружечкомъ въ игрѣ, И. А. гнусавитъ:

— Ну, вотъ... а еще писатель!

Отказываешься чуть не отъ десятаго стакана чаю, И. А. опять:

— А еще писатель!

— Причемъ же тутъ писательство, Иванъ Александровичъ?

— Какъ же: писатель, и не можетъ выпить еще чаю!

И говорить это серьезно.

Раздавался общій хохотъ.

Особенно любилъ вспоминать И. А. свое житіе въ комнатѣ съ
однимъ не особенно давно умершимъ публицистомъ.

— Вотъ это писатель!—говорилъ И. А.

— Что? Хорошій?

— Э-э, какъ пилъ! Не хватить водки, керосинъ лупить!

Опять общій хохотъ.

И. А. говаривалъ:

— Въ моей рукѣ всѣ вы, писатели, сидите.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Приходитъ дама, спрашиваетъ дѣтскую книжку.
Кого хочу—рекомендую, хочу—ни за что не покажу. Пристанетъ
очень, скажу—нѣту, и другую сманю.

И онъ это дѣлалъ. Да это и многіе приказчики дѣлаютъ. Вотъ
гдѣ тайна успѣховъ книжекъ, изданныхъ гостинодворцами. Ко
нечно, это возможно только при «родительскомъ невѣжествѣ».

Вернувшись разъ изъ конторы «Дѣтскаго Чтенія», я засталъ
дома Н. Н. Трапезникова.

— Ликуй,—встрѣтилъ онъ меня.
 — Что такое? Не наслѣдство ли получилъ?—усмѣхнулся я.
 — Нѣтъ, не я, а ты.
 — Я получилъ наслѣдство?
 — Если не наслѣдство, то покамѣстъ мѣсто въ библіотекѣ Черкесова.

Это было очень кстати, ибо «гроши» у меня уходили, аванса изъ «Дѣтскаго Чтенія» получить я не могъ.

На другой же день я отправился въ библіотеку. Главный управляющій фирмы, г. Е—мовъ, встрѣтилъ меня холодно-вѣжливо и представилъ завѣдующему библіотекой Н. И. Анисимову, теперь уже умершему отъ горловой чахотки.

Мнѣ сказали, что я буду получать сначала тридцать рублей.

Н. И. Анисимовъ, человѣкъ невысокаго роста, одѣтый безукоризненно, въ золотыхъ очкахъ, былъ очень недуренъ собою и произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Онъ оказался человѣкомъ интеллигентнымъ, развитымъ, называлъ себя шутя «хохлою», любилъ «выпить» и былъ большой охотникъ до прекраснаго пола. Онъ любезничалъ съ посѣтительницами, имѣлъ массу «романовъ», причемъ не дѣлалъ большой разницы между «курсисткой» и «бо-соножкой». Было бы личико смазливое!

Я являлся въ библіотеку въ девять часовъ утра. Въ десять она открывалась. Часъ (отъ 2—3) полагался мнѣ на обѣдъ. Я садился на конку и мчался къ Юсупову саду, гдѣ въ домѣ Яковлева нанималъ комнату (вскорѣ одинъ, ибо С. уѣхалъ въ Вологду) и столовался у хозяйки-нѣмки, которая не дурно готовила «чи», то-есть щи, и давала что-то, похожее на телятину. Эти два блюда она почему-то очень любила.

— Что, у васъ сегодня «чи»?

— Та.

— И телятина?

— Та.

Наскоро поѣвъ, я садился на верхушку конки и ѣхалъ опять въ библіотеку.

Здѣсь я оставался до девяти часовъ вечера, все время проводя въ полутемной, пыльной и душной комнатѣ, работая за «капканами», такъ назывались стальные дуги съ листами для записыванія взятыхъ книгъ. Съ утра до вечера газовое освѣщеніе и воздухъ, насыщенный пылью и пропитанный газомъ. Мечешься отъ одного капкана къ другому, рука устаетъ, въ глазахъ рябитъ, едва различаешь слова и безпрестанно выкрикиваешь:

— Митя, № 2454!

— Вася младшій, 10 № «Дѣла»!

— Вася старшій, «Голосъ» за январь.

Я являлся домой, совсѣмъ уставшій, разбитый и принимался скорѣе за чай. Мнѣ хотѣлось спать, а между тѣмъ нужно было работать. Я и хотѣлъ писать, да и надо было писать: на тридцать рублей нельзя было жить, тѣмъ болѣе у меня накопились долги, и на мнѣ лежала забота о другомъ лицѣ. Чтобы не уснуть, я выпивалъ нѣсколько стакановъ самаго крѣпкаго чая или кофе и садился за работу. Иногда въ сосѣдней комнатѣ поднимались пѣніе, крики или громкіе разговоры, и начиналась игра на скрипкѣ. Я прерывалъ работу и ожидалъ, когда все кончится. Настоящая моя работа начиналась съ одиннадцати или двѣнадцати часовъ и продолжалась до двухъ, трехъ часовъ ночи, когда я съ разгоряченной головой, съ «колыхающимся мозгомъ», по образному выраженію покойнаго поэта Симборскаго, бросался на диванъ (кровати не было) и засыпалъ тревожнымъ сномъ. Иногда я забывался на креслѣ, на которомъ работалъ. Это случалось тогда, когда крики въ сосѣдней комнатѣ продолжались очень долго, и я, ожидая тишины, засыпалъ, сидя въ креслѣ.

Въ восьмомъ часу меня будила нѣмка, я наскоро пилъ чай съ чернымъ хлѣбомъ и съ масломъ (если были деньги на это) и мчался на службу.

Н. И. Анисимовъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась и бібліотека Черкесова. Тутъ были очень недурныя меблированныя комнаты.

Какъ-то разъ онъ зазвалъ меня къ себѣ послѣ закрытія.

Я зашелъ. Сначала пили чай, потомъ появилась водка и вина. Закусокъ почти не было.

Я выпилъ рюмку и сталъ отказываться. Но Анисимовъ, уже бывшій «навеселѣ», началъ приставать.

— Пей! Не дѣвченка же ты!

— Но я опьянѣю.

— Такъ что же? Доѣдешь.

— Денегъ нѣтъ.

— Авансъ дамъ въ счетъ жалованья.

Мнѣ какъ разъ были очень нужны деньги.

Поздно вернулся я домой и удивилъ хозяйку, которая никогда не видѣла меня «навеселѣ».

Я проспалъ и на другой день явился на службу только около двѣнадцати часовъ. Я ожидалъ выговора со стороны Анисимова, но онъ только улыбнулся и проговорилъ:

— Со вчерашняго?

— Да.

— Надо опохмелиться.

Я не пошелъ къ нему въ этотъ день; получивъ въ счетъ жалованья десять рублей, я полетѣлъ скорѣй въ магазинъ купить себѣ пиджакъ, ибо тотъ, въ которомъ я пріѣхалъ изъ Вологды, уже совсѣмъ износился.

Помощникомъ Анисимова состоялъ нѣкто П*, человѣкъ очень молчаливый, мягкій, не имѣвшій никакого значенія въ библіотекѣ.

Самымъ веселымъ и беззаботнымъ человѣкомъ являлся К—гинъ, еще юноша, но получавшій уже порядочный окладъ. К—гинъ напомнилъ мнѣ Лахмина по своей феноменальной памяти и знанію библіотечнаго дѣла. Онъ одинъ только изъ всего состава служащихъ до сихъ поръ вѣренъ Черкесовской библіотекѣ. Уже съ серебромъ въ волосахъ, онъ энергично дежуритъ на своемъ посту, являясь «живымъ каталогомъ», какъ звалъ я его и тогда. Всѣ №№ книгъ онъ знаетъ наизусть. Онъ всегда обязательно любезенъ съ «пишущей братіей» и оказалъ не мало услугъ ей. Но нельзя сказать, чтобы гг. литераторы оказались очень благодарными. Это нѣсколько охладило рвеніе К—гина. Помню еще Кузьмина, составлявшаго каталогъ и вѣчно сидѣвшаго въ задней комнатѣ, обложеннаго книгами. Я шутя звалъ его Межовымъ № 2-й, кажется, онъ работаетъ теперь въ провинціальной прессѣ.

Издѣдка я сталъ, однако, заходить къ Анисимову и всегда встрѣчалъ у него кого нибудь. Анисимовъ часто исчезалъ днемъ домой, исчезали и тотъ или другой служащій. Сталъ и я исчезать, чтобы отдохнуть отъ работы въ полутемной комнатѣ и въ душной атмосферѣ.

Придешь къ Анисимову якобы за какой нибудь справкой, а онъ сейчасъ угощать.

— Въ библіотеку надо,—скажешь ему.

— Успѣете! Сидите!

И сидишь, пользуясь возможностью не дышать ужаснымъ воздухомъ. А потомъ отпросишься домой раньше срока.

Благодаря «такому» сближенію, я получилъ возможность иногда день-другой не являться на службу, или оставаться дома послѣ обѣда. Пользуясь временемъ, я обдѣлалъ «Зырянъ», написалъ «Геніальнаго помора», «Феофана Прокоповича» и даже критическій этюдъ «Свѣжая струя», разобравъ «Дѣтское Чтеніе» за цѣлый годъ. Особенно много времени отняла у меня послѣдняя работа, такъ какъ я долженъ былъ прочесть всѣ книжки журнала и все это урывками, по ночамъ. Впрочемъ, для составленія очерка о Прокоповичѣ, я также много работалъ не только дома, но и въ Императорской Публичной библіотекѣ, куда ходилъ по воскресеньямъ и въ тѣ дни, въ которые не былъ на службѣ. «Зырянъ» я съ мальчикомъ изъ библіотеки послалъ въ «Семейные Вечера» Кашипиревой, а критическую статью снесъ въ одинъ малоизвѣстный журналъ.

Прошло мѣсяца два, и обѣ статьи появились.

Я ликовалъ и сейчасъ же полетѣлъ получать гонораръ.

Я былъ дважды въ редакціи Семейныхъ Вечеровъ и оба раза не заставлялъ г-жи Кашипиревой. Она вообще не охотно показывалась сотрудникамъ, и не одинъ разъ потомъ я слышалъ ея голосъ въ то время, какъ горничная отвѣчала: барыни нѣтъ дома.

Г-жа Кашпирева приняла меня въ передней и все время бесѣдовала здѣсь, стоя.

Она заплатила мнѣ по пятнадцати рублей съ листа, просила еще дать что нибудь. Я предложилъ написать для дѣтей о Цейлонѣ.

— Вы были развѣ тамъ?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Ахъ, это будетъ компиляція! Вотъ если бы вы съѣздили!

— А вы бы заплатили мнѣ за листъ пятнадцать рублей?

— Я не могу больше.

— А мнѣ еще труднѣе на эти деньги ѣхать такъ далеко.

Я въ «Семейныхъ Вечерахъ» напечаталъ еще двѣ-три статьи. Г-жа Кашпирева выразила разъ желаніе, чтобы я печатался только у ней, оставивъ «Дѣтское Чтеніе».

— Но мнѣ тамъ больше платятъ,—сказалъ я.

— Я не могу больше! Но развѣ деньги могутъ имѣть значеніе? Фи!

Я тогда ничего ей не отвѣтилъ. Теперь я бы зналъ, что отвѣтить на это. Я скоро разошелся съ «Семейными Вечерами», во-первыхъ, потому, что тамъ платили уже очень мало, а, во-вторыхъ, мнѣ надобно ходить за нѣсколькими рублями по пяти-шести разъ.

— Барыни нѣтъ дома.

— Мнѣ надо получить деньги.

— Но барыни нѣтъ дома!

А я слышалъ голосъ «барыни», даже ея приказаніе: «скажи, что меня нѣтъ».

Не безъ труда, но я наконецъ получилъ деньги.

Теперь расскажу, какъ получалъ я гонораръ за свою первую критическую статью. Это маленькій рассказъ, эпиграфомъ къ которому можно взять извѣстныя строки поэта:

«Все это было бы смѣшно,
«Когда бы не было такъ грустно».

Ходилъ я за деньгами три раза. «Дома нѣтъ». Встрѣтилъ издателя—извиняется:

— Въ библіотеку вамъ принесу.

Подождалъ. Не несетъ.

А деньги доварѣза нужны. Хозяйка объявила прямо: или деньги, или вонъ. Бросился туда, сюда—не могъ достать.

Пошелъ снова къ издателю, рѣшивъ во что бы то ни стало добыть денегъ.

Прихожу, позвонилъ. Вышла горничная.

— Дома?—я назвалъ издателя по имени.

— Нѣтъ-съ, они уѣхали.

— Ну, что же, я подожду.

— Да они-съ долго не придутъ.

— Ничего, я подожду и долго.

Смутилась горничная, пропустила. Вошелъ я въ переднюю и вижу—ильковая шуба виситъ тутъ. «Эге,—подумалъ я:—дома ты, да только не хочешь сказаться. Ну, посмотримъ, кто кого перехитритъ». Раздѣлся и прохожу въ гостинную. Сѣлъ и сижу. Такъ минуло съ часъ, а я все сижу. Горничная войдетъ въ комнату и выйдетъ, опять зайдетъ, посмотреть на меня, улыбнется, и снова выйдетъ а я сижу. Вотъ входитъ невысокаго роста дама. «Вы, говорить, ждете моего мужа?».

— Да, сударыня, его самого.

— Мужа нѣтъ дома.

— Знаю. Я подожду.

— Но онъ долго не будетъ.

— Я долго подожду.

— Онъ, можетъ быть, часа два не будетъ.

— Я и два часа подожду.

Пожала барыня плечами и вышла. Еще часъ прошелъ. Мнѣ ужъ захотѣлось ѣсть. Отправляюсь въ переднюю, достаю изъ пальто колбасу, хлѣбъ и возвращаюсь въ гостинную. Входитъ горничная, я сижу и ѣмъ.

— А что, милая, не принесешь ли мнѣ стаканчикъ воды?

Она улыбнулась, вышла и вернулась черезъ нѣсколько минутъ со стаканомъ воды. Подаетъ и смѣется. И я смѣюсь. Ну, я пообѣдалъ, запилъ водой, взялъ со стола какую-то газету, сижу и читаю. Вдругъ, вижу, затворяется дверь изъ передней въ гостинную. Это, признаюсь, меня немного озадачило. Вотъ, думаю, штука! Это значитъ, онъ хочетъ уйти изъ дому. Скверно! Я всталъ и вышелъ въ переднюю; смотрю: ильковой шубы ужъ нѣтъ. Сердце у меня такъ и упало. Что дѣлать? Да вдругъ такая злость меня взяла, что я рѣшился сидѣть хоть до утра, а добиться, и я съ такою рѣшимостью вернулся въ гостинную. Не прошло и пяти минутъ, какъ слышу сильный звонокъ, отворяется дверь, и входитъ въ гостинную издатель. Тутъ только я понялъ, въ чемъ дѣло. Увидѣвъ, что меня не пересидѣть, онъ рѣшился «сломать комедію». Вѣдь не признаваться же, что онъ спрятался; ну, вотъ и сдѣлали такъ: горничная ему вынесла шубу, онъ одѣлся, вышелъ заднимъ крыльцомъ и теперь какъ будто только что явился домой. Вошелъ и руки потираетъ, какъ будто съ холода.

— А, Александръ Васильевичъ! очень пріятно! А я все собирался къ вамъ заѣхать, завести деньги, да никакъ нельзя было: такая масса работы, ни минуты свободной.

Говорить это, улыбается, а въ голосѣ — злоба; глазами такъ и хочетъ меня съѣсть. Весело стало у меня на душѣ. Что, думаю, попался, побѣдилъ я тебя!

— Ничего,—отвѣтилъ я:—все равно теперь отдадите.

— Сейчасъ, сейчасъ! подождите немного, я произведу расчетъ.

Ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ является и подаетъ мнѣ деньги.

— Не угодно ли? У васъ ровно печатный листъ.

— Да, печатный листъ.

Развернулъ деньги, смотрю: двѣнадцать рублей. Положимъ, я—литераторъ начинающій, а, все-таки, двѣнадцать рублей за листъ мало. Выражаю это. Издатель пожалъ плечами и промолвилъ:

— Да оно, конечно, не много, но у меня ужъ такія условія. Вѣдь мнѣ журналъ ничего не даетъ; я издаю ради идеи. Да и условій своихъ вы не выставили!

Онъ подаль мнѣ руку.

Ну, что дѣлать! Хорошо, что и двѣнадцать получилъ.

Я раскланялся и вышелъ. Горничная едва отъ смѣха удерживается, а какъ стала запираеть двери и говорить:

— Ну, баринъ, перехитрили же вы нашего! Не многимъ это удается.

Пойдешь на все, если въ перспективѣ—ночевка на улицѣ. Въ библиотекѣ я забралъ уже за два мѣсяца. Болѣзнь дѣвушки, пріѣхавшей со мною изъ Вологды и не нашедшей работы, втянула меня въ большіе долги.

Всѣ удивлялись, что я получилъ деньги.

— Онъ никому не платитъ!—сказалъ Трапезниковъ.

Но это еще куда ни шло—такъ получать гонораръ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать объ оригинальномъ расчетѣ съ сотрудникомъ «натурою». Кстати расскажу объ этомъ здѣсь же.

Приходитъ нѣкто въ редакцію «Московской Газеты» и проситъ у издателя денегъ.

Издатель руками замахалъ.

— Не могу! Ничего нѣтъ. Подождите дня три.

— Нельзя ждать!—рѣшительно отвѣчаетъ литераторъ.

— Да что такое?—спрашиваетъ издатель:—на что вамъ такъ понадобилось сегодня?

— Брюкъ,—отвѣчаетъ сотрудникъ,—нѣтъ у меня.

— Какъ такъ?—изумился издатель:—вѣдь вы же въ брюкахъ?

— Да, говоритъ, въ брюкахъ-то, въ брюкахъ, только никакъ наклониться нельзя, потому что...

Захоталъ было издатель, потомъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ, замолкъ и началъ разсматривать сотрудника, мѣряя его глазами съ ногъ до головы.

— Голубчикъ!—воскликнулъ онъ весело:—да мы съ вами одного роста.

— Ну, одного,—отвѣчаетъ тотъ:—что же изъ этого?

— Голубчикъ, возьмите мои брюки. Я только что третьяго дня купилъ, совсѣмъ новенькіе.

Сотрудникъ невольно смутился, но издатель сталъ его успокаивать.

— Какъ же вы сами-то безъ брюкъ? — озабоченно спросилъ сотрудникъ.

— Голубчикъ, ничего, у меня дома есть другіе.

— Да, но теперь-то какъ же? Поѣдете домой въ чемъ?

— Ничего, я въ крылаткѣ, не «видать». Надѣвайте, примѣривайте, только бы въ пору, а обо мнѣ не беспокойтесь.

Издатель живо раздѣлся, сотрудникъ тоже и... о, восторгъ! брюки пришлись какъ разъ въ пору.

Въ ту самую минуту, какъ издатель газеты хлопалъ по плечу сотрудника, выхваляя свои брюки съ ловкостью апраксинца, вошелъ секретарь и доложилъ, что издателя спрашиваетъ какая-то дама.

— Ахъ, ахъ, сейчасъ!

И полетѣлъ было за секретаремъ въ модномъ пиджачкѣ... безъ брюкъ; но сотрудникъ остановилъ его. Тогда онъ надѣлъ на себя крылатку и вышелъ «для объясненій».

Вотъ при какихъ условіяхъ приходится иному писать. О, это совсѣмъ не то, что творить въ комфортабельномъ кабинетѣ или въ помѣстѣ, на готовыхъ хлѣбахъ.

Работа по ночамъ, недосыпаніе, плохое питаніе, сильно разстроили мое и безъ того слабое здоровье. А занятія въ библіотекѣ при газѣ, въ пыли, вредно отозвались на глазахъ. Пришлось обратиться къ врачамъ. Мнѣ было велѣно вообще отдохнуть, а главнымъ образомъ не работать по ночамъ; извѣстный окулистъ Блессигъ (теперь уже покойный) запретилъ мнѣ совсѣмъ читать нѣкоторое время.

Я не зналъ, что и дѣлать, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно было заботиться не о себѣ одномъ.

Но тутъ на выручку явился фельдшеръ глазной больницы, М—ый, на очень льготныхъ условіяхъ предложившій жить у него въ квартирѣ. Онъ имѣлъ казенную квартиру въ двѣ комнаты. Одну комнату онъ уступалъ мнѣ.

Я отказался отъ занятій въ библіотекѣ Черкесова и переѣхалъ къ М—му, чтобы за одно лечиться серьезно отъ болѣзни глазъ.

Не думая уже еще разъ возвращаться къ Черкесовской библіотекѣ, я хочу теперь кстати замѣтить, что двумъ «мальчикамъ», служившимъ у Черкесова, очень повезло. Одинъ изъ нихъ (Вася старшій) теперь управляющій книжнымъ магазиномъ Н. П. Карбасникова (въ Москвѣ), быть можетъ, въ скоромъ будущемъ хозяинъ и издатель, а другой — извѣстный книгопродавецъ Панафидинъ.

Тогда я и не думалъ, что онъ впослѣдствіи явится моимъ издателемъ. Но это случилось. Онъ издалъ мою книгу «Дѣти лѣсовъ».

А. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЕ ШАГИ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

III.

Первое цензурное «крещеніе». — Критическое финансовое положеніе. — Совѣтъ Трапезникова. — Я обращаюсь въ «Литературный фондъ». — Посѣщеніе меня Н. А. Некрасовымъ. — Мое смущеніе. — Муки ожиданія. — Маленькая помощь. — Первое лѣто въ Петербургѣ. — Лѣтній садъ. — «Маленькая публика» у памятника дѣдушки Крылова. — Мои друзья среди этой публики. — Встрѣча черезъ нѣсколько лѣтъ. — Наши вечера. — Самый «красный» и чѣмъ онъ кончился. — Тревожное извѣстіе и принятіе мѣры. — Пострадавшій Лассаль и соціальныя крысы. — Мое знакомство съ художникомъ И. С. Пановымъ. — Въ «мансардѣ». — Чай съ мышью. — Война съ нѣмкой. — Народная столовая. — Въ холодѣ, въ сырости и во тьмѣ. — Моя первая дѣтская поэма и маленькій «рождыхъ». — «Общедоступная и дешевая Библіотека». — Ея сотрудники и редакціонные вечера. — «Семья и Школа» и Ю. И. Симашко. — А. В. Каменскій, П. Григорьевъ, Мачтетъ и Сильчевскій. — Поѣздка въ Вологду. — Смерть матери. — Дальнѣйшія работы, я дѣлаюсь постояннымъ сотрудникомъ «Пчелы». — Кровавая драма. — Изъ моихъ цензурныхъ «злключеній». — Въ лучшихъ условіяхъ.

ОТКАЗАВШИСЬ отъ занятій въ библіотекѣ Черксова, я остался совсѣмъ безъ средствъ. Я написалъ одинъ маленький рассказъ, но его постигла горькая участь: онъ не былъ пропущенъ цензурой.

— Поздравляю, ты воспринялъ первое крещеніе! Ну, теперь не такъ тебѣ страшно: все же есть крестный отецъ!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 84.

Трапезниковъ шутилъ, но мнѣ было не до шутокъ. Положимъ, М—ый далъ слово «ждать». Но долги—вещь непріятная. И помимо квартиры нужно же было «харчиться». Еще хорошо, что, благодаря М—му, я бесплатно лечился.

Въ это время я написалъ еще рассказъ «Аня» и послалъ его въ «Будильникъ». Онъ былъ напечатанъ, но денегъ мнѣ не высылали. Я писалъ, писалъ, все—безплодно.

Наступило критическое положеніе. Долги копились, глаза болѣли, а впереди ничего не предвидѣлось.

Зайдя какъ-то ко мнѣ, Трапезниковъ посоветовалъ обратиться въ «Литературный фондъ».

— Къ кому же? Я никого не знаю.

— Пиши просто на имя комитета и сдай на почту.

Я такъ и сдѣлалъ.

— Перечисли всѣ свои работы,—сказалъ Трапезниковъ.

Но много ли ихъ у меня было?

Я всѣ ихъ прописалъ, не забывъ даже и корреспонденцій, изложилъ свою просьбу и послалъ въ комитетъ.

Прошло около недѣли—никакого отвѣта.

Наступила Пасха. На третій, или четвертый день М—ый справлялъ свое рожденіе. Вечеромъ у него было много гостей, играли въ карты, пили, танцевали. Гости разошлись около двухъ-трехъ часовъ утра. Конечно, не спалъ и я.

Убирать посуду и приводить въ порядокъ за позднимъ временемъ было некогда и некому: М—ый не держалъ прислуги; убирать квартиру приходила одна изъ сидѣлокъ—Татьяна.

— Ну, завтра все уберетъ,—сказалъ М—ый, поспѣшившій скорѣе уснуть, чтобы встать во-время: въ семь часовъ ему нужно было идти на дежурство.

Квартира М—ого была расположена такъ (во флигелѣ, на дворѣ): вы прямо съ улицы входили въ кухню, оттуда въ большой залъ, гдѣ жилъ М—ый, а затѣмъ въ небольшую комнату, которую занималъ я.

Проснувшись въ семь часовъ, М—ый ушелъ на дежурство, оставивъ входную дверь незапертою. Это дѣлалось постоянно, потому что бояться было некого. Занятая работой въ палатѣ, Татьяна запоздала; я спалъ.

Чьи-то шаги и кашель разбудили меня.

— Кто тамъ?—кликнулъ я, не вставая.

— Мнѣ нужно видѣть Круглова. Здѣсь онъ живетъ?—отозвался не громкій, хриплый голосъ.

— Да. Вамъ зачѣмъ?

— Я отъ «Литературнаго фонда».

— Сейчасъ.

Я быстро вскочилъ и, одѣваясь, впопыхахъ, одну ногу сунулъ въ сапогъ, а другую въ туфлю, и въ такомъ видѣ, растрепанный,

въ поношенномъ пальто, вмѣсто сюртука (гдѣ же было тутъ одѣваться!), вышелъ въ «залъ».

Боже, какой царилъ тамъ безпорядокъ. Мебель не на своемъ мѣстѣ, на столѣ недоѣденныя закуски, пустыя и недопитыя бутылки вина, пива...

— Вы Кругловъ? — обратился ко мнѣ незнакомецъ, косясь на безпорядокъ и, главнымъ образомъ, на столъ.

— Да.

— Некрасовъ!

Это «Некрасовъ» ошеломило меня. Какъ, онъ — этотъ великій поэтъ, передъ которымъ мы благоговѣли, чьи стихи учили наизусть, онъ—здѣсь и при такой обстановкѣ! Что же онъ подумаетъ? За кого онъ меня приметъ?

Смущенный, афропированный, я молчалъ, и, если можно сказать, такъ именно «глупо молчалъ». Некрасовъ долженъ былъ два раза повторить вопросъ.

— Эти обѣ комнаты вы занимаете?

Онъ подчеркнулъ слово «вы».

— О, нѣтъ! Это квартира М—ого, здѣшняго фельдшера. Я занимаю вотъ ту комнату. Извините, онъ вчера былъ именинникъ и поэтому... Прошу васъ въ мою комнату.

Некрасовъ улынулся и промолвилъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ. Я зашелъ только спросить васъ: сколько бы вы желали получить?

— Я, право, не знаю.

— Сколько вамъ надо въ мѣсяцъ? Рублей тридцать, двадцать пять довольно?

— О, да, да... вполне!

Скажи онъ: десять, пятнадцать,—я все равно отвѣтилъ бы то же самое. Я говорилъ, не отдавая отчета въ томъ, что говорилъ.

— Вы хотите, если удастся, подготовиться въ технологическій институтъ, да?

— Да, да.

— Хорошо. Я передамъ. Въ воскресенье собраніе комитета. Я васъ извѣщу.

Онъ подаль мнѣ руку, слабо пожалъ мою и вышелъ. На дворѣ дожидался его человекъ съ большой собакой.

Оставшись одинъ, прихожу въ себя и только тутъ соображаю, какъ «глупо» я держался. Ни въ какой технологическій институтъ я не думалъ поступать. Я хотѣлъ, если не помѣшаетъ болѣзнь глазъ, поступить въ учительскій институтъ. «Вѣдь я же солгалъ, надо поправить свою невольную ошибку».

И безъ фуражки, въ чемъ былъ, полетѣлъ я догонять Некрасова. Наугадъ я кинулся влѣво изъ воротъ и догналъ поэта у церкви Симеонія.

— Я ошибся, Николай Алексѣевичъ, не въ технологическій, а въ учительскій институтъ,—промолвилъ я скороговоркой.

Некрасовъ мягко улыбнулся и сказалъ:

— Хорошо, хорошо. А что это: у васъ одна нога болитъ?

Я взглянулъ на свои ноги и только тутъ увидѣлъ, какъ я оригинально обутъ. Я сконфузился и пролепеталъ:

— Да, болитъ.

— Лечиться надо.

Онъ поклонился и пошелъ медленно дальше. Я стрѣлою помчался домой. Потомъ я рассказалъ все Трапезникову.

— Ну, отличился, братъ, нечего сказать!—захохоталъ онъ.

И добавилъ:

— А что, если откажутъ?

— Почему?

— Ишь какое пьянство было! Ха, ха, ха!

— Не я же!

— Разбирай кто!

Отказъ для меня былъ бы почти приговоромъ. Пришлось бы, не смотря на болѣзнь глазъ, или опять поступить въ библіотеку, или въ какуюнибудь контору, хотя на двадцать рублей.

Но мнѣ фондъ выдалъ семьдесятъ пять рублей.

Небольшіе долги заплочены, и я могу лечиться безъ тревоги. Работать врачи разрѣшили, но понемногу. Я въ теченіе лѣта написалъ «Святые вечера» и «Шарманщика»—объ вещи для дѣтей. Каждое утро я отправлялся въ Лѣтній садъ и гулялъ тамъ около двухъ-трехъ часовъ, почти все время проводя среди дѣтей, у Крыловскаго памятника. Это доставляло мнѣ много удовольствія и полезныхъ интересныхъ наблюденій въ міркѣ «маленькихъ людей». У меня набралось не мало друзей, изъ которыхъ двое: дѣвочка Сима и «матросъ» Воля, разъ объявили мнѣ, что они вчера читали мое сочиненіе (я сказалъ имъ какъ-то мою фамилію).

— Вѣдь это вы писали «Нѣмую» и «Дѣти—друзья голодающихъ»?

— Я.

— Мы читали.

Они передали содержаніе, и возникъ даже оригинальный споръ между дѣтьми, кто лучше: дѣвочки или мальчики?

Года три тому назадъ, на желѣзной дорогѣ, я встрѣтилъ молодую даму съ прелестнымъ bébé на рукахъ. Мы разговорились о томъ, о семъ. И вообразите—моя спутница оказалась той самой Симой, съ которою я бесѣдовалъ и которой читалъ наизусть стихи въ Лѣтнемъ саду. О Волѣ она ничего не знала. Это не первая встрѣча съ матерями, которыя когда-то были моими читательницами. Эти встрѣчи приносятъ большое наслажденіе, поднимаютъ во мнѣ духъ и энергію, слабѣющую въ мелкой житейской борьбѣ,

но всегда невольно думаешь: «однако, время... стало быть»... Да, то счастье, которое приходится иногда переживать писателю, непонятно никому другому. Въ этомъ собственно заключается лучшая награда всякому служителю слова, безъ различія литературнаго ранга.

Но я увлекся въ сторону.

Днемъ я писалъ, работалъ въ Публичной библіотекѣ, читалъ (изъ Черкесовской библіотеки мнѣ выдавали книги и журналы gratis), а по вечерамъ у насъ собиралась молодежь и кое-кто изъ знакомыхъ, которыхъ уже нельзя было причислить къ молодежи. Между прочимъ, нерѣдко бывалъ В. В. Кр—бъ, служившій бухгалтеромъ въ одномъ страховомъ обществѣ. Человѣкъ университетскаго образованія, очень интеллигентный, начитанный, онъ теперь являлся только тѣнью «прошлаго живого человѣка», по его собственному выраженію. Сынъ богатыхъ родителей, онъ выросъ въ роскоши и думалъ, по окончаніи университета, вести свое дѣло. Но отецъ его частью разорился, частью неумѣло помѣстилъ свои капиталы. Онъ далъ взаймы большую сумму денегъ одному важному лицу, которое и не думало платить долга. Потерявъ отца и мать, братья Кр—бы не могли вернуть денегъ, данныхъ отцомъ ихъ взаймы. Должникъ умеръ, а ихъ дѣти устроили такъ ловко, что Кр—бамъ ничего не пришлось получить. Судиться было бы бесполезно.

— Почему?—спросилъ я разъ В. В.

— Вспомните Некрасова:

«Сила ломить и солонушку...

«Поклонись пониже ей»...

В. В. Кр—бъ былъ не изъ такихъ, чтобы кланяться. Онъ началъ служить и скоро, благодаря своимъ умственнымъ способностямъ, добился прекраснаго мѣста на заводѣ, гдѣ въ качествѣ бухгалтера получалъ крупное содержаніе. Но... явился «маменькинъ сыночекъ», ему понадобилось мѣсто. «Маменьку» уважали тѣ, отъ кого все зависѣло, и... Кр—бу было предложено сдѣлаться помощникомъ у «маменькина сына». В. В. былъ гордъ, не перенесъ обиды и бросилъ мѣсто. Онъ вскорѣ, однако, поступилъ бухгалтеромъ же въ одно страховое общество. Уже первый ударъ «пришибъ» В. В. А тутъ еще неудачный выборъ «подруги жизни», которая (то-есть подруга) признавала только одинъ девизъ: «жить!». У В. В. не было особеннаго таланта, но онъ былъ знатокъ финансоваго дѣла и очень недурно писалъ по экономическимъ вопросамъ. Были у него начаты и беллетристическіе очерки, но они неудачны: много разсужденія и мало дѣйствія, отсутствіе образовъ. Братъ В. В.—А. В.—еще молодой человѣкъ, очень талантливый, съ жилкою художника, прекрасно образованный и съ «золотымъ сердцемъ»-свихнулся и этимъ нанесъ окончательный ударъ В. В. Онъ на,

чалъ и самъ пить, потерялъ службу и умеръ въ больницѣ. Я разсказалъ все это, чтобы подчеркнуть еще разъ то, что повторяется постоянно въ нашей жизни. «Да, не бездарна та природа»,— это вѣрно. Но сколько же гибнетъ людей и среди уже вышедшихъ на свою дорогу и только еще готовящихся къ дѣятельности. И изъ-за чего гибнуть? Дарованіе, знаніе должно уступать мѣсто протекціи и полуневѣжеству!

Вечера наши носили характеръ бесѣдъ. Ничего, кромѣ чаю и булокъ, за то много читали и еще болѣе спорили, выясняя и вырѣшая интересующіе насъ вопросы, обсуждая шаги извѣстныхъ дѣятелей, подвергая строгой критикѣ все, чтó читали. Мы ставили на очереди такіе вопросы: «какъ жить?», «что дѣлать?». Споры были горячіе, нерѣдко очень рѣзкіе, не чужды, быть можетъ, и «общихъ мѣстъ», но они держали насъ въ повышенномъ идеальномъ настроеніи и многихъ надолго удержали отъ возможности «погрузиться въ тину нечистую мелкихъ помысловъ, грубыхъ страстей».

В. В. К—бъ всегда сидѣлъ грустный, а къ концу вечера на его глазахъ наворачивались слезы, и онъ, выходя изъ комнаты, нерѣдко восклицалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Ахъ, какъ грустно, какъ грустно! Вѣдь это все прошлое напоминаетъ, юность мою. И мы также горѣли... а что вышло? О, Господи!

Наши споры заканчивались обыкновенно пѣніемъ. Пѣли мы: «Назови мнѣ такую обитель», «Есть на Волгѣ утесъ», «Дубинушку», «Пѣсню Еремушки» и нѣкоторыя Кольцовскія пѣсни. Братъ М—ого обыкновенно декламировалъ слѣдующія строки изъ Шиллера:

«Твердость духа—въ день терпѣнья!
 «Помощь скорая—слезамъ!
 «Клятвамъ—вѣчность, лжи—презрѣнье,
 «Правда—ближнимъ и врагамъ!
 «Все—противу сильныхъ права,
 «Достояніе и кровь,
 «Гибель—злу, заслугѣ—слава,
 «Къ чelовѣчеству—любовь!».

Этотъ отрывокъ онъ повторялъ по нѣсколько разъ ежедневно, на языкѣ оригинала.

— Да будетъ вамъ!—скажешь ему иной разъ.

— Это мой символъ!—отвѣчалъ онъ.

Подъ вліяніемъ бесѣдъ и разсужденій онъ бросилъ обезпеченное мѣсто и уѣхалъ въ Сибирь, въ гнѣздо сифилиса, чтобы служить «обездоленнымъ и горькимъ».

Припоминаю теперь: тѣ, что кричали всѣхъ больше и безпощаднѣе относились къ «буржуямъ», устроились потомъ отличнымъ манеромъ и забыли всѣ горячіе обѣты. Молчаливые скромно работаютъ гдѣ нибудь на общую пользу.

Самымъ яримъ былъ Ко—въ, юноша пиротехникъ. Слова «буржуй» и «ретроградъ», а также «подлецъ» не сходили у него съ языка. Онъ старался внести въ наши собранія «элементъ», противъ котораго я боролся всѣми силами. Ко—въ выходилъ изъ себя и называлъ меня «буржуазикомъ».

— Да, да, и потомъ будешь буржуйемъ, станешь съ Анной на шеѣ въ баню ходить (помнишь романъ Кушчевскаго?) и генераламъ калоши подавать, или купоны отрѣзывать!

И вотъ я остался скромнымъ литераторомъ, omnia mea mecum porto, но дорожу независимостью, а Ко—въ не столько служить, сколько съ заискивающей улыбкой подслуживается къ тѣмъ, кто его выше. Объ «Аннѣ на шеѣ» онъ мечтаетъ, но она ему не дается.

Въ одно изъ воскресеній вдругъ мы узнаемъ, что барышня, бывавшая у насъ, «выслана».

— Послушайте, есть у васъ такія книги?—обратился ко мнѣ Кр—бъ.

— Такихъ нѣтъ, но есть Лассаль.

— Ну, такъ въ подвалъ, гдѣ капуста; туда не пойдутъ.

И Лассаль полетѣлъ въ подвалъ, въ самый задній уголъ.

Слухъ оказался ложнымъ. Барышню и не думали высылать, ее только «потревожили». Я хотѣлъ извлечь Лассалья, но мнѣ стали говорить, что пусть лучше все уляжется.

Вотъ все улеглось, барышня вышла даже замужъ за «буржуя». Спустились за Лассалемъ, достали и... о, ужасъ! онъ былъ на четверть изгрызанъ крысами.

— Теперь вы совсѣмъ преступники,—засмѣялся Трапезниковъ.

— Почему?—удивился я.

— Крысы пропитались лассалевскимъ ученіемъ; социальныя крысы... И вы виною!

Мы долго смѣялись по этому поводу.

Въ сентябрѣ я кончилъ «Святые вечера», составленные по нѣсколькимъ источникамъ, и повезъ къ А. Н. Острогорскому, который жилъ на Петербургской сторонѣ, въ зданіи военной гимназіи. Очерки ему понравились.

— Надо бы иллюстрировать. Пановъ лучше всего можетъ. Но когда еще его увидишь... Вы съ нимъ не знакомы?

— Нѣтъ. Но дайте карточку, я съѣзжу.

— Пожалуй. Это лучше всего.

И я поѣхалъ къ художнику, имя котораго, какъ «короля иллюстраторовъ», было мнѣ давно извѣстно.

Объ Иванѣ Степановичѣ Пановѣ, который такъ скоро и незаслуженно забытъ, я поговорю въ слѣдующемъ этюдѣ, когда коснусь кружка «Дѣтскаго Чтенія» и «вечеровъ» покойной писательницы С. М. Крапивиной. И какъ иллюстраторъ, потеря котораго

доселѣ ощутительна, и какъ человѣкъ, И. С. стоитъ, конечно, того, чтобы ему посвятить страничку воспоминаній. Оставляя это до другого очерка, пока теперь я позволю себѣ описать мою первую встрѣчу съ нимъ въ сентябрѣ 1874 г.

Иванъ Степановичъ жилъ тоже на Петербургской сторонѣ, въ глухой Зелениной улицѣ.

На мой звонокъ дверь немного пріотворилась, и въ отверстіе показалось широкое, полное лицо, обрамленное рыжеватою бородою, съ небольшимъ славянскимъ носомъ и крупными губами.

— Здѣсь живетъ художникъ Пановъ?—спросилъ я.

— Здѣсь.

— Я могу его видѣть?

— Я—Пановъ. Вамъ что?

Я сказалъ и подаль карточку А. Н. Острогорскаго.

— Эхъ! Ну, да ужъ войдите... Эдакую даль ѣхали, нельзя же...

Онъ распахнулъ дверь и пропустилъ меня.

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ... не во-время,—началъ я смущенно, входя въ небольшую комнату, которая носила на себѣ печать того вкуса, какимъ отличался художникъ-артистъ. На стѣнахъ: гравюры, разные этюды масляными красками и даже витрины съ разными собранными рѣдкостями. На столахъ: альбомы, рисунки въ папкахъ и просто, множество всякихъ художественныхъ принадлежностей. Если хотите, беспорядокъ или «артистическій порядокъ».

— Ничего, ничего,—отвѣтилъ хозяинъ на мое извиненіе:—дѣло только въ томъ, что сейчасъ жена родила. Да ужъ что же... если надо, садитесь... вѣдь это дѣло минуты.

И при этомъ хозяинъ, человѣкъ средняго роста, съ плотной, даже коренастой фигурой, опустился на стулъ, отводя рукою рыжеватые волосы съ небольшого, чистаго лба.

— Я бы хотѣлъ вотъ это и это,—сказалъ я.

— Вы мнѣ оставьте рукопись,—промолвилъ Пановъ:—я самъ выберу. Что нарисуетъ, то и будетъ. Я не могу буквально, по указкѣ, рисовать. Не обидьтесь, пожалуйста.

Кто могъ обидѣться? Ужъ во всякомъ случаѣ не я, пріѣхавшій изъ провинціи съ самыми высокими понятіями о писателяхъ и вообще объ артистахъ. Артистъ—не ремесленникъ, это было моимъ исповѣданіемъ. Не помятый жизнью и еще не знакомый хорошо съ средой литературною, я и не думалъ, что часто, увы, жизненные условія и артиста обращаютъ въ ремесленника. Отвѣтъ художника чрезвычайно понравился мнѣ, и я почувствовалъ въ одно и то же время и свою неловкость, и глубокое уваженіе къ И. С.

— Извините...—началъ я.

— Вы меня, батюшка, извините,—возразилъ Пановъ съ обычной своей простотой:—гоню, почитай. Заглядывайте въ другой разъ. Очень радъ. А теперь вотъ...

Его свѣтло-сѣрые глаза выразили тревогу.

Мы обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ, какъ старыя, добрыя знакомые.

Такова была моя первая встрѣча съ Пановымъ.

Въ концѣ октября я долженъ былъ переѣхать отъ М—ого, который скоро и самъ оставилъ мѣсто въ глазной лечебницѣ и уѣхалъ служить въ Псковскую губернію.

Для меня настало очень тяжелое время.

Глазамъ моимъ стало нѣсколько лучше, но долго работать вечерами, при огнѣ, я не могъ, не смотря на консервы: дѣлалась рѣзь въ глазахъ и мигрень. Литературныя работы подвигались медленно, мѣста не отыскивалось.

Здѣсь кстати упомянуть о слѣдующемъ фактѣ.

Одинъ мой землякъ, занимавшій относительно довольно видный постъ, предлагалъ мнѣ поступить на службу въ департаментъ полиціи, конечно, въ качествѣ простаго канцелярскаго служителя.

Но я не чувствовалъ въ себѣ призванія къ чиновничьей карьерѣ, мнѣ не улыбалась перспектива перебѣлать года разные рапорты, да и слово чиновникъ тогда мнѣ положительно было противно. А пріятели и особенно знакомыя «курсовыя барышни», какъ звалъ всѣхъ студентокъ Трапезниковъ, даже подняли меня на смѣхъ, когда я сообщилъ имъ о предложеніи земляка.

— Какъ, въ чиновники?

— Писарь департаментскій! Чиновникъ полицейскій!

— И вицмундиръ?

— Коллежскій регистраторъ! Фу, ты, какой чинъ!

— Неужели вы возьмете это мѣсто?

И я, краснѣя, сказалъ, что, понятно, не возьму.

Я переѣхалъ сначала въ глухую улицу Семеновскаго полка, нанявъ, въ буквальномъ смыслѣ, мансарду за семь рублей въ мѣсяцъ. Потолокъ былъ такъ низокъ, что я доставалъ рукой. Съ него свѣшивались обои, за которыми безпрестанно скреблись мыши. Ихъ концертъ и шмыганье по комнатѣ не дали мнѣ заснуть въ первую же ночь. Когда топилась печь, поднимался такой дымъ, что надо было уходить въ сѣни. Разъ я угорѣлъ такъ, что едва отводились со мною. А переѣхать было нельзя. Но вотъ случился фактъ, переполнившій чашу терпѣнія. Разъ, когда я пилъ чай, задумавшись надъ планомъ поэмы для дѣтей, вдругъ за обоими на потолокъ поднялась возня, и жирный мышенокъ брякнулся мнѣ прямо въ стаканъ съ чаемъ.

Я вскочилъ со стула и рѣшилъ непременно переѣхать. Я такъ и сдѣлалъ, хотя мнѣ пришлось для этого заложить все, что только было можно.

Хорошей комнаты нанять я не могъ. Я взялъ комнатку въ квартирѣ швейцара Черкесовской бібліотеки. Комната была холодная, полутемная, сырая и, въ добавокъ всего, проходная. Весь

день я сидѣлъ въ пальто и въ валлопахъ. Передъ обѣдомъ затапливали печь-чугунку, и въ комнатѣ дѣлалась тропическая, удушливая жара. Но печка скоро остывала, и къ ночи уже опять комната напоминала тундру. Я въ одеждѣ ложился спать, и то иногда просыпался отъ холода.

Единственное окно комнаты выходило въ стѣну, вблизи помойной ямы. Открыть форточку не было возможности. Въ часъ дня уже приходилось зажигать огонь.

Но все это — ничего. Главное зло — мнѣ мѣшали работать. Въ комнатѣ рядомъ со мною жила нѣмка съ дѣвочкой одиннадцати лѣтъ, хорошенькой Гретхенъ (мнѣ невольно думалось: вотъ если бы такую дочь имѣть) и съ сыномъ Борисомъ, пяти лѣтъ, мальчишкой капризнымъ, избалованнымъ донельзя. Онъ съ утра начиналъ ревѣть, стучать, драться съ сестрой. Та иногда тоже плакала. Мать принималась унимать, кричала тоже на своемъ рѣзкомъ нѣмецкомъ языкѣ съ простонароднымъ выговоромъ. Порусски она выкрикивала только слѣдующія двѣ фразы:

— Грета, молши!

— Барись, ни словъ!

Борись не хотѣлъ ничего и знать.

Мать начинала усовѣщевать Бориса и дочь: «рядомъ жилецъ, онъ долженъ писать, вы мѣшаете»,—говорила она понѣмецки.

Грета замолкала. Но Борисъ принимался кричать еще пуще.

Я терялъ терпѣніе и стучалъ въ дверь.

Это уже сердило нѣмку. Она выходила и объявляла мнѣ рѣзко:

— Ви свой комнату, ми—свой. Всякому господинъ... За деньги мой у себя хозяинъ.

Борись соображалъ, что мать переходила на его сторону, и принимался орать еще громче.

Почти каждый день къ нѣмкѣ приходили двѣ дочери, служившія въ булочной, и поднимался такой громкій разговоръ, пересыпаемый смѣхомъ, что у меня разбалчивалась голова.

Но хуже всего было, когда днемъ нѣмка куда нибудь уходила, и запирала дочь съ сыномъ на замокъ.

Они дрались, кричали, и уже не было никакой возможности ихъ унять.

Чтобы избавиться отъ крику и сколько нибудь умиловить нѣмку, я сталъ даромъ учить Грету читать порусски, а Борису рассказывать сказки, пересыпая русскія слова нѣмецкими. Уходя куда нибудь, нѣмка оставляла комнату незапертою. Я занимался съ Гретой, а брату давалъ картинки. Но и это не всегда помогало. Онъ бросалъ ихъ и начиналъ ревѣть. Бить сестру ему было уже нельзя, тогда онъ бранилъ меня.

Въ такой ужасной обстановкѣ я прожилъ около трехъ мѣсяцевъ, питаюсь сначала въ греческой кухмистерской, а потомъ въ

народной столовой, въ Апраксиномъ рынокѣ, гдѣ за нѣсколько копеекъ давали на обѣдъ щи, картофель и кашу. Хлѣба сколько угодно.

Здѣсь у меня начали даже завязываться знакомства. Долгое время присматривался ко мнѣ какой-то мужичекъ, рыжій, съ бородою, какъ у патріарха. И вдругъ онъ разъ спрашиваетъ меня:

— А что, господинъ, вѣдь вы будете, кажись, вологодскіе?

— Да.

— Такъ! И, кажись, еще вамъ доводился дѣдушкой Ликсандръ Миколаичъ Горновскій?

— Да, да. А ты почему знаешь?

Мужикъ усмѣхнулся.

— А мы довольно хорошо знали вашего дѣдушку, и васъ потому признали.

— Ты вологодскій, значить?

— Какъ же.

— Бывалъ у дѣдушки?

— Да, я ихній-съ, крѣпостной, стало.

— Ты дѣдушкинъ крѣпостной?

— Вѣрно-съ. Може, помните Оедота-то?

— Какого Оедота?

— А что отъ бульдога разъ васъ спасъ.

— А-а! Ну, ну!

— Такъ я его сынъ буду.

— Вотъ что! Ты здѣсь зачѣмъ же?

— Да по работамъ, значить... ну, и заболѣвши. А теперь безъ мѣста... Добрые люди обѣщали... Жду.

Онъ помолчалъ и спросилъ, не то несмѣло, не то стараясь быть деликатнымъ:

— А вы здѣсь по какому случаю?

— Я тоже въ Петербургъ пріѣхалъ.

— Учиться?

— Да, учиться,—солгалъ я, неизвѣстно почему.

— Такъ... То-то вижу и думаю: кажись, такъ будетъ, и не ошибся. Зачѣмъ же сюда-то зашли, ужли по нуждѣ?... А такъ оно есть... Чтожъ... долго еще осталось учиться вамъ?

— Нѣтъ, ужъ недолго.

— Такъ, такъ! Ну, чтожъ... опосля на службу поступите, и поправитесь... Всяко бываетъ... Въ одной кожѣ вѣкъ не изжить. Маменька-то ваша живы?

— Жива.

— Такъ. Пообѣдняли, значить!...

Вотъ гдѣ встрѣтились внукъ бывшаго богатаго помѣщика и его крѣпостной! Моги ли думать объ этомъ старикъ-дѣдъ, гордившійся своимъ чиномъ?

Да, вѣкъ въ одной кожѣ не изживешь!

Какъ это вѣрно пришлось относительно многихъ!

Я еще разъ встрѣтилъ «земляка», и потомъ уже не видалъ его: онъ либо уѣхалъ, либо нашелъ мѣсто.

Кое-какъ урывками, по ночамъ, я написалъ первую дѣтскую поэму «Въ морозные дни», которая появилась въ «Дѣтскомъ Читаніи» въ 1875 году.

Мое здоровье пошатнулось. Врачъ, къ которому я обратился, нашелъ у меня сильное малокровіе.

— Обратите на себя серьезное вниманіе, — сказалъ онъ: — если не улучшатся условія, можете кончить дурно.

Деньги, полученные за поэму, въ размѣрѣ восьмидесяти шести рублей, дали мнѣ передохнуть. Я переѣхалъ на новую квартиру, и если не могъ еще постоянно обѣдать, «какъ слѣдуетъ», то все же изрѣдка заходилъ въ гостиннодворскую столовую. Два-три дня — въ народной, и какъ праздникъ — въ гостиннодворской.

И вдругъ просвѣтъ: П. П. Меркурьевъ купилъ «Общедоступную Библіотеку», поручивъ редакцію А. В. Каменскому. Я написалъ и продалъ повѣстущку, рядъ стихотвореній, взялъ на себя отдѣлъ библіографіи и началъ рядъ статей: «Типы безтенденціозной беллетристики». Въ это же время я сошелся съ Симашко, издававшимъ «Семью и Школу».

Хотя «Общедоступная Библіотека» платила очень мало, у Симашко я еще только что началъ сотрудничать, но всѣ заработки вмѣстѣ дали мнѣ возможность жить въ сносной комнатѣ, обѣдать въ кухмистерской, а потомъ и дома.

Прежде, чѣмъ говорить объ «Общедоступной Библіотекѣ», я скажу два слова о покойномъ Юл. Ив. Симашко.

Многіе говорили, что онъ изъ тѣхъ издателей, «которые не платятъ». Я не знаю его отношеній къ другимъ, но я не могу пожаловаться на него и присоединиться къ высказанному выше мнѣнію. Онъ мнѣ платилъ всегда аккуратно, безъ проволочекъ, и такъ, какъ ни одинъ журналъ не платилъ мнѣ въ то время.

Первую статью я ему послалъ изъ Вологды. Я не получилъ за нее денегъ и не ходилъ за ними, пріѣхавъ въ Петербургъ, потому что статья была послана не отъ моего имени, и я не могъ бы доказать, что она моя. Когда же я принесъ Юл. Ив. очеркъ для дѣтскаго отдѣла «Семьи и Школы», мы разговорились, и онъ вспомнилъ фамилію врача, который переслалъ мою статью.

— А больше онъ ничего не присылалъ мнѣ, да и адреса не сообщалъ, — сказалъ Юл. Ив.

Я улыбнулся и промолвилъ:

— Да вѣдь это была не его статья.

— Какъ? а кого же?

— Моя.

— Ваша?

— Да.

— Развѣ вы тоже медикъ?

— Нѣтъ.

— Но тамъ же вы говорите о гигиенѣ и т. д.?

— Я много читалъ, да и это касалось школьной гигиены, которую я изучалъ.

— А, вотъ что! Такъ, стало быть, я вашъ должникъ.

И онъ разсчитался по пятидесяти рублей съ листа (вся статья была меньше листа).

Затѣмъ онъ за дѣтскіе рассказы платилъ мнѣ сорокъ рублей, тогда какъ «Дѣтское Чтеніе» только двадцать пять, а за Кашпирева лишь пятнадцать рублей! За стихи онъ платилъ сорокъ копеекъ строчка, даже за рассказъ въ стихахъ, въ которомъ было болѣе пятисотъ строкъ, онъ заплатилъ тоже по сорока копеекъ строчка.

— Я знаю, что значить трудиться и жить литературнымъ трудомъ,—говорилъ Юл. Ив.

Я часто заходилъ къ нему въ его редакціонный кабинетъ, находившійся наверху, въ магазинѣ Курбатовыхъ, въ Гостинномъ дворѣ. Я всегда заставлялъ Юл. Ив. за работой. Онъ оставлялъ ее, и мы подолгу бесѣдовали.

Но у Юл. Ив. было не мало долговъ, ему приходилось изворачиваться, а въ концѣ-концовъ и переуступить журналъ Краевичу, который скоро передалъ другому лицу и редакцію. Журналъ началъ хирѣть, падать и совсѣмъ прекратился.

Нѣсколько словъ объ «Общедоступной Библіотекѣ».

На первыхъ порахъ постоянными посѣтителями редакціонныхъ вечеровъ были: А. В. Каменскій, Д. Соколовъ (нѣкогда работавшій въ «Современникѣ»), Г. А. Мачтетъ, П. В. Григорьевъ, Сильчевскій и я. Разъ я видѣлъ В. Н. Никитина, пріѣхавшаго читать какую-то свою статью, почему-то не попавшую въ журналъ. Кажется, она была написана въ томъ же духѣ, какъ и другіе его очерки изъ быта кантонистовъ, печатавшіеся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Прислалъ рассказъ Гл. Ив. Успенскій, но рассказъ не былъ пропущенъ цензурой.

П. В. Григорьевъ и Мачтетъ, помѣстившій въ «Недѣлѣ» рядъ очерковъ изъ американской жизни, были въ редакціи главными силами. Особенно Григорьевъ; онъ былъ, что называется—persona grata. Редакція считала его талантливымъ критикомъ, оригинальнымъ умомъ; отъ него ждали чего-то такого, что должно было явиться новымъ словомъ.

Никакого слова онъ не сказалъ въ обѣихъ своихъ статьяхъ: въ одной онъ расхвалилъ Некрасова, въ другой выругалъ и низвелъ къ нулю значеніе графа А. К. Толстого. Это было глумленіе во вкусѣ «Русскаго Слова», только безъ таланта лучшихъ представи-

телей этого журнала. Когда Григорьевъ читалъ статьи, всѣ слухали его съ затаеннымъ дыханіемъ, такъ какъ по ошибкѣ принимали его за великаго критика, за новый нарождающійся талантъ. Для ознакомленія съ П. В. Григорьевымъ, какъ съ критикомъ, привожу короткую, но характерную выдержку изъ его статьи о Некрасовѣ. «Некрасовъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ поэтовъ русскихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Глубокая народная жизнь, подмѣченная зоркимъ, пытливымъ взглядомъ великаго поэта, проникнутая сознаніемъ сильнаго мыслителя, жизнь современная, прогрессивная, кипучая, сказала въ его поэзіи и давно сказывалась въ ней, съ первыхъ звуковъ его пѣсенъ, неустанно въ теченіе 30 лѣтъ, съ той минуты, какъ Бѣлинскій съ такимъ искреннимъ восторгомъ встрѣтилъ «глубокое поэтическое дарованіе» Некрасова, съ тѣхъ временъ, когда Менцовъ (въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1840 г., ч. 25, отд. 6, стр. 118—124, статья Ф. Менцова) приглашалъ молодого челоѣка быть поэтомъ и патріотомъ à la великій Българинъ.

«Время летитъ, горитъ.

«Вмѣсто «глубокаго поэтическаго дарованія» передъ глазами Россіи выросъ и сформировался величайшій ея поэтическій геній, самый сильный представитель современной европейской поэзіи, геній, о сравненіи котораго съ кѣмъ бы то ни было изъ русскихъ писателей, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, и потому здѣсь, сопоставляя имена нѣкоторыхъ недюжинныхъ русскихъ поэтовъ и Некрасова, я дѣлаю это только съ цѣлью какъ можно рѣзче означить разъ навсегда разницу въ ходѣ развитія таланта Некрасова и дарованій всѣхъ остальныхъ русскихъ беллетристовъ, съ цѣлью указать геніальную, въ высшей степени симпатичную, исключительную черту его развитія. Черта эта сознательная современная народность, и черты этой не было ни въ какомъ изъ писателей, бывшихъ до Некрасова, а живетъ ли она у насъ во многихъ поэтахъ сейчасъ — это еще вопросъ. Начнемъ съ Пушкина: большой талантъ, дурно воспитанный, Пушкинъ всю свою жизнь забавлялся салонной поэзіей и если дѣлалъ попытки ступить на народную почву, то въ видѣ сказочки, исторической драмочки, славянской пѣсенки, гусарской стоянки, современная ему народная жизнь оставалась ему чуждой, а между тѣмъ обработка ея была въ то время возможна, вѣдь Некрасовъ, на примѣръ, написалъ «Скучно, скучно» не въ 1860 годахъ, а родился въ 1822 г.; между тѣмъ какъ Рылѣевъ былъ Пушкину современникомъ. Общепринятый преемникъ Пушкина Лермонтовъ написалъ «Калашникова», «Бородино», историческія рукопашья, да и пошелъ пѣть Кавказъ, разочарованіе, любовь. Гоголь выступилъ съ «Вечерами близъ Диканьки», этой первой попыткой у насъ встать на современную народную почву, и, какъ и слѣдовало ожидать отъ русской публики, вообще чуткой на правду, сразу пріобрѣлъ «Вечерами» за-

служенное одобреніе передовыхъ людей своего времени, а какъ только пріобрѣлъ, такъ и на попятный дворъ и пошелъ писать о чиновникахъ, да блаженной памяти помѣщикахъ,—отнесся къ народу, какъ къ Петрушкѣ и Селифану, спусти рукава, вскользя, мужики у него дураки, толкуютъ о томъ, дойдетъ колесо до Казани, или не дойдетъ до Москвы, дѣвки (во 2-й части «Мертвыхъ Душъ») выступаютъ по улицѣ, взявшись за руки, груди миской, глаза рѣпой, а больше о нихъ ничего сказать и разгадать не умѣлъ, и естественно послѣ этого долженъ былъ Гоголь наконецъ договориться до «Переписки съ друзьями», а въ перепискѣ до колотушекъ».

Нужно ли объяснять, какъ все это преувеличено, мало продумано, сплошь дѣтски-наивно, и ужъ никоимъ образомъ не свидѣтельствуешь о серьезномъ знакомствѣ съ литературою и тонкомъ критическомъ пониманіи.

Какъ человѣкъ, Григорьевъ былъ очень симпатичный. Впрочемъ, я не сблизился коротко съ нимъ. Скоро онъ исчезъ куда-то. Кажется, онъ умеръ за границей. Г. Языковъ смѣшиваетъ его съ какимъ-то другимъ Григорьевымъ, Петромъ Николаевичемъ, умершимъ 10-го ноября 1882 года. «Этюды о русской литературѣ» въ «Общедоступной Библіотекѣ» принадлежать не Петру Николаевичу Григорьеву,—какъ думаетъ г. Языковъ,—а Прок. Вас. Григорьеву. Исправляю попутно эту ошибку библіографа.

Г. А. Мачтетъ помѣстилъ въ «Общедоступной Библіотекѣ» всего одинъ очеркъ «Преріи». Сначала предназначалось другое—восхитительная картинка изъ путевого дневника. Но цензура запретила, и очеркъ появился потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Некрасову онъ очень понравился, и, обласканный поэтомъ, молодой писатель примкнулъ къ «Отечественнымъ Запискамъ».

Самымъ симпатичнымъ человѣкомъ являлся Д. Сильчевскій. Вѣчно увлекающійся, углубленный въ книги, библіографъ, слѣдящій за каждой новинкой, онъ терпѣлъ нужду, но покупалъ чуть не все, что только сколько нибудь заслуживало вниманія. Въ его квартирѣ собиралось много молодежи, велись горячіе споры. Жиденькій чаекъ и сухари—вотъ все угощеніе.

Занятый работами, изученіемъ литературы, я къ тому же часто прихварывалъ и потому рѣдко бывалъ у Сильчевскаго, но онъ заходилъ ко мнѣ, и у меня осталось впечатлѣніе о немъ, какъ объ идеалистѣ, съ чистой, дѣтской душой, довѣрчивомъ, увлекающемся, живущемъ въ мірѣ грезъ и теоретическихъ выкладокъ. Гдѣ онъ теперь, я точно не знаю. Кажется, женился, жилъ въ Москвѣ. Но правда ли это, я не могу сказать навѣрное. Если не ошибаюсь, ему пришлось поплатиться, какъ и многимъ, за свои ошибки. Но въ то время, какъ другіе, искупивъ ошибки молодости, вновь появились на горизонтѣ и заняли даже видное положеніе въ лите-

ратурѣ, Сильчевскій совсѣмъ ступевался, и его имени я не встрѣчаю въ журналахъ и газетахъ.

А. В. Каменскій—джентельменъ по манерамъ и обращенію, европеецъ по взглядамъ, человѣкъ очень образованный, умный, всѣхъ привлекалъ къ себѣ, но онъ не былъ, все-таки, тѣмъ литературнымъ дѣятелемъ, который могъ бы сплотить силы около журнала и поднять его значеніе, какъ это удалось, напримѣръ, Н. К. Михайловскому, ставшему во главѣ «Русскаго Богатства».

Не смотря на поддержку въ печати (Скабичевскій расхвалилъ журналъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ»), «Общедоступная Библиотека» скоро кончила свое существованіе.

По совѣту врача, въ маѣ 1875 г. я уѣхалъ въ Вологду, чтобы хотя сколько нибудь отдохнуть отъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя такъ вредно повліяли на мое слабое здоровье.

Я думалъ прожить въ Вологдѣ все лѣто. Но въ концѣ іюня я получилъ извѣстіе, что въ «Русской книжной торговлѣ» освобождается мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ. Я немедленно помчался опять въ Петербургъ, очень мало отдохнувъ у матери.

Но мѣста я не получилъ, а скоро и самый магазинъ перешелъ въ новыя руки.

Въ августѣ мѣсяцѣ умерла моя мать. Сестра, боясь испугать меня, письмомъ увѣдомила о томъ, что «мама умерла». Это извѣстіе страшно поразило меня. Я получилъ письмо въ «Русской книжной торговлѣ», не могъ удержаться и зарыдалъ. Болѣе мѣсяца я ходилъ, какъ убитый. Передо мною воскресали всѣ далекія картины, я перечитывалъ немногія оставшіяся письма матери, и въ каждой строчкѣ видѣлась ея тревога обо мнѣ. Я припоминалъ все, чѣмъ былъ виноватъ передъ нею, чѣмъ невольно, вслѣдствіе розни взглядовъ, огорчалъ ее, и мнѣ дѣлалось больно и тяжело. Больно было и то, что сестра не увѣдомила меня о болѣзни; я бы «въ кабалу редакціонную» пошелъ, а пріѣхалъ бы на похороны.

«О, мать моя! Твоею лаской кроткой,
 «Какъ солнышка живительнымъ лучомъ,
 «Согрѣты были дни весны моей короткой..
 «Полна заботъ о «мальчикѣ своемъ»,
 «Ты о себѣ совсѣмъ позабывала,
 «Ты не жила, родная, для себя;
 «Ты обо мнѣ тревожно хлопотала
 «И безпокоилась, любя!

«Я помню день. Больной лежу въ кроваткѣ..
 «Мнѣ тяжело... нѣтъ силъ поднять руки..
 «Огонь горитъ предъ образомъ, въ лампадкѣ.
 «Вблизи меня—ты, полная тоски.
 «Ты шепчешь мнѣ, стараясь улыбнуться,
 «Слова любви. Внутри меня—огонь.
 «Я слабъ. Я не могу пошевелинуться;
 «Ты мнѣ на лобъ кладешь свою ладонь,

«И легче мнѣ. Но вотъ я вновь теряю
 «Сознаніе... Минуты ли бѣгутъ,
 «Часы ли тянутся, но только открываю
 «Глаза—попрежнему ты тутъ.
 «Я мучился—и ты со мной болѣла,
 «Меня томилъ недугъ, болѣла ты душой...
 «Забывъ себя, ты обо мнѣ скорбѣла,
 «Лишь для меня жила—и мной!
 «Тебя ужъ нѣтъ... Твои потухли очи,
 «Не я закрылъ ихъ любящей рукой...
 «Въ предчувствіи глубокой, вѣчной ночи
 «Ты обо мнѣ томила тоской.
 «О, мать моя! Въ минуты испытанья,
 «Когда мой духъ слабѣетъ вдругъ въ борьбѣ,
 «Я воскресить спѣшу воспоминанья
 «Въ моей душѣ о дѣтствѣ и тебѣ!
 «И снова ты, съ улыбкой кроткой, нѣжной
 «Являешься, заоблачный мой другъ,
 «И, какъ тогда весною безмятежной,
 «Смягчаешь горечь тяжкихъ мукъ».

Я написалъ два стихотворенія, посвященные памяти матери, и одно изъ нихъ было напечатано въ «Пчелѣ», въ редакцію П. Н. Полевого, а другое уже послѣ.

Проживя до сентября на Петербургской сторонѣ, гдѣ удалось помѣститься дешево, я осенью переѣхалъ въ «городъ», и опять пошла обычная жизнь.

Я жилъ въ сносной комнатѣ, хотя очень маленькой, и работалъ съ утра до восьми часовъ въ Публичной Библіотекѣ, собирая матеріалы, читая, а ночью, съ одиннадцати до двухъ, трехъ—работалъ дома. Я сдѣлался усерднымъ вкладчикомъ въ «Дѣтское Чтеніе», «Семью и Школу», писалъ въ «Ремесленную Газету», «Будильникъ» и уже немножко въ «Пчелу», въ которой съ 1876 года сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, въ качествѣ журнальнаго обозрѣвателя и библіографа, помѣщая въ то же время въ «Пчелѣ» стихи и рассказы.

Съ этого момента я вступаю въ лучшій періодъ матеріальнаго обезпеченія. Но прежде чѣмъ рассказывать о жизни новаго періода, я хочу рассказать объ одномъ фактѣ, совсѣмъ уже не литературнаго характера, и затѣмъ о двухъ фактахъ изъ моихъ цензурныхъ злоключеній.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1876 года я переѣхалъ на Вознесенскій проспектъ, въ домъ Лихачева, въ которомъ одна мѣщанка держала меблированныя комнаты. Я переѣхалъ потому, что здѣсь жило нѣсколько земляковъ-студентовъ. Хозяйка была въ связи съ какимъ-то факторомъ изъ типографіи. У нихъ вышла ссора, кончившаяся кровавой драмой, о которой говорилъ въ своемъ «Дневникѣ» Э. М. Достоевскій. Большаго переполоха надѣлала эта исторія.

Еще утромъ роковаго дня они поссорились. Потомъ помирились и вечеромъ мирно пили чай въ кухнѣ, возлѣ которой была темная комната, гдѣ они и спали.

Въ восемь часовъ вечера я уѣхалъ куда-то.

— Поздно вернетесь? — спросилъ меня хозяинъ (мы такъ звали его).

— Да, послѣ двѣнадцати, а то позже. А что?

— Такъ, ничего.

Я вернулся раньше, чѣмъ предполагалъ.

Раздѣвшись, я легъ въ постель, а свѣчку поставилъ за ширмы. Я началъ читать, но задремалъ. Вдругъ какой-то шумъ разбудилъ меня.

Я началъ прислушиваться. Кто-то бѣгалъ по корридору и словно лить воду на полъ. Меня охватилъ паническій ужасъ. Я соскочилъ съ кровати и быстро заперъ дверь на ключъ.

Въ эту минуту сосѣдка крикнула мнѣ изъ комнаты:

— Вы не спите?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Кто это бѣгаетъ по корридору?

— Не знаю.

— Посмотрите. Я боюсь.

Я тоже боялся. Но не открывшись въ этомъ сосѣдкѣ, я приставилъ къ двери стулъ и черезъ стекло посмотрѣлъ въ корридоръ.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Я видѣлъ только, что хозяйка лежитъ на полу, возлѣ нея ночникъ.

Я сказалъ.

Тогда сосѣдка выглянула и въ ужасѣ опять вскочила въ свою комнату.

Она подняла тревогу. Выскочили жильцы. Одѣвшись, вышелъ и я.

Это была ужасная картина.

Хозяйка лежала на полу съ перерѣзаннымъ горломъ. Кровь ручьемъ хлестала на полъ.

Сейчасъ же многое объяснилось. Она бѣгала по корридору, ища спасенія или желая, вѣроятно, еще сказать кому нибудь о томъ, кто ее убилъ. Комната, гдѣ жили мои земляки, братья П—вы, также не была заперта. Но они, услышавъ бѣготню, успѣли дверь припереть. Хозяйка начала ломиться. Дверь затрещала. Они оба налегли извнутри на дверь.

— Кто ломится, мы и сами понять не могли,—говорили они потомъ,—но испугались.

Конечно, дали знать полиціи и проч. Наѣхали власти. Ею нашли также съ перерѣзаннымъ горломъ. Онъ, значить, сначала зарѣзалъ ее, хвативъ очень сильно, а потомъ и себя, но, кажется, гораздо слабѣе.

Всѣ мы подверглись «волокиѣ». Кажется, даже сначала по-дозрѣвали, не оба ли кѣмъ нибудь зарѣзаны.

Но эта кровавая драма такъ сильно подѣйствовала на всѣхъ насъ, что мы не безъ трепета проходили по корридору даже днемъ. Разъ какъ-то завылло въ водопроводѣ. Кухарка опрометью бросилась изъ кухни и только тогда согласилась идти ставить самоваръ, когда съ нею въ кухню пошли и два жильца. Всѣ мы, съ наступленіемъ сумерекъ, собирались въ одну комнату и здѣсь проводили весь вечеръ. Обыкновенно появлялось пиво, и начиналось пѣніе.

Въ нашемъ домѣ и жильцы противоположнаго дома, шутя, говорили:

— Ишь, скубенты (большинство жильцовъ были студенты) убили хозяйку, да и справляютъ тризну!

Разумѣется, при первой возможности (у многихъ деньги были уже заплочены) всѣ мы съѣхали.

Послѣ хозяйки осталось двое дѣтей. Обоихъ взяли добрые люди.

Теперь о моихъ цензурныхъ «злключеніяхъ».

Я написалъ для «Семьи и Школы» рассказъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Савичъ». Самый невинный рассказъ: бѣднякъ, покинутый всѣми, подъ Новый годъ замерзаетъ на чердакѣ. Рассказана была прошлая жизнь Савича, полная добра и любви къ ближнему. Въ заключеніе—воззваніе къ сердцу читателя. Ни я, ни Симашко не сомнѣвались, что рассказъ пройдетъ. И вдругъ—цензурное veto.

По совѣту Юл. Ив. поѣхалъ я къ цензору В. Онъ жилъ на Васильевскомъ островѣ. Приѣзжаю. Выходитъ и встрѣчаетъ болѣе чѣмъ любезно.

— Чудная вещь! Дѣтямъ я давалъ своимъ читать—плакали. Самъ плакалъ, вѣрите ли!

— Отчего же не пропускаете?

— Я? Богъ съ вами! Обѣими руками! Но остальные... Я ужъ какъ защищалъ васъ, но всѣ остальные ни за что не согласны! Если бы вы знали, какъ мнѣ жаль. «Пропала книга», помните, Некрасова? Ахъ, какъ жаль! Но что дѣлать! Покоримся!

Какъ я ни упрашивалъ—напрасно. Пришлось покориться. Но вообразите, узнаю послѣ, что В. главнымъ образомъ сильнѣе всѣхъ и возсталъ противъ пропуска.

А я въ наивности повѣрилъ всему, что говорилъ мнѣ В.

Второй казусъ съ поэмой «Ваня» произошелъ за нѣсколько дней до Нового года, но окончился благополучно.

Я пришелъ въ редакцію «Дѣтскаго Чтенія» получить авансомъ деньги (первый авансъ).

— Да вашу поэму-то не пропускаетъ цензоръ, придется безъ нея верстать.

Это извѣстіе озадачило меня.

— Значить, и авансъ...

— Не могу же я платить за то, что не пойдетъ.

Одно спасеніе ѣхать самому къ цензору.

Я поѣхалъ.

Цензоръ (теперь уже покойный) встрѣтилъ меня любезно и выразилъ сожалѣніе.

— Вѣдь деньги потеряете, да?

— Конечно, ваше пр-во.

— Жаль! Такъ вотъ что сдѣлайте. У васъ мальчикъ-герой замерзаетъ. Это нехорошо. Добрые родители ждутъ его домой, а онъ замерзаетъ. Они молятся, а Богъ не внимаетъ молитвѣ... Для дѣтей такъ нельзя. Вы его оживите, я и пропущу!

Я передѣлалъ куплетъ, вставилъ новый—и мальчикъ ожилъ. Его «отходили».

— Вотъ и славно,—добродушно сказалъ цензоръ:—и нравственно, и пріятно.

Поэма была пропущена.

Я полетѣлъ обратно въ редакцію.

— Ну, что?

— Пропустилъ.

— Ну, тогда вотъ вамъ авансъ.

Ожилъ мой герой—ожилъ и я душою.

А дальше легче и свѣтлѣе потянулась моя дорога.

Пусть еще нѣкоторое время продолжалась та же вѣчная пляска на канатѣ, по выраженію покойнаго Каровина, необезпеченное «завтра», какъ и у большинства пишущаго люда, но греческія кух-мистерскія, мансарды уже отошли въ область преданія.

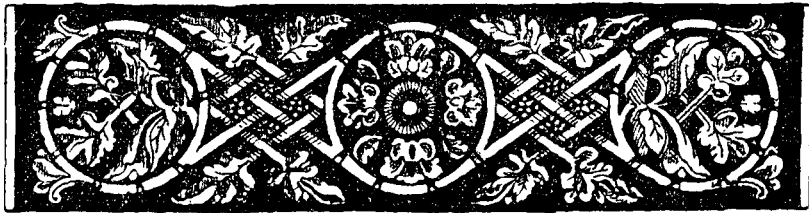
— Пока силы есть, и руки пишутъ!—замѣтилъ мнѣ пріятель.

— Ну, конечно! Да что же дѣлать?

Впрочемъ, можно сказать, что именно дѣлать, да и условія не благопріятны, и рознь писательская сильна и мѣшаетъ.

Александръ Кругловъ.

О ЖИВЫХЪ И МЕРТВЫХЪ.

(Изъ воспоминаній).

I.

Маленькое размышленіе.—Къ біографіи Ивана Степановича Панова.—Новыя встрѣчи съ Пановымъ.—Какъ работалъ Пановъ.—Его раздыхи.—«Вторняки» у В. П. Бородина.—На горахъ.—Радущіе В. И. Яковлева.—В. П. Воронинъ и В. П. Острогорскій.—Два слова о П. В. Засодимскомъ.—А прогосъ объ «Игрушечкѣ» и Пассекъ.—С. М. Лобода.—Крапивина, ея вечера и спектакли.—Школьничество взрослыхъ.—Мечты Панова объ артельномъ журналѣ и мои невольныя размышленія по этому поводу.—Моя послѣдняя встрѣча съ Пановымъ.—Смерть И. С.

ВЪ ПРОШЛОМЪ моемъ очеркѣ («Первые шаги», «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., № 5), рассказывая о первой встрѣчѣ съ художникомъ Иваномъ Степановичемъ Пановымъ, я обѣщаль побольше поговорить о талантливомъ иллюстраторѣ, забытомъ такъ скоро и столь незаслуженно. Впрочемъ, это едва ли удѣлъ одного Панова. Если люди вообще склонны забывать своихъ дѣятелей, то эту склонностью особенно отличаются русскіе люди, на столько равнодушные къ своимъ знаменитымъ покойникамъ, что даже совсѣмъ забываютъ ихъ могилы. Доселѣ надъ могилой Гончарова нѣтъ памятника. А Салтыковъ-Щедринъ? Въ послѣднюю годовщину его смерти на могилѣ сатирика литераторы

совѣмъ отсутствовали... А Чайковскій? Давно ли поэтъ восклицалъ, оплакивая великаго симфониста:

О, да, онъ былъ великъ. Въ минуты вдохновенья
Умѣлъ онъ уходить отъ суетной земли;
Невѣдомые намъ порывы и стремленья
Къ далекимъ небесамъ избранника влекли.
Забывъ нашъ дольний мракъ, заботы и волненья,
Воспрянувшей душой виталь онъ въ царствѣ грезъ...
Какое было тамъ ему доступно пѣнье!
Какіе звуки къ намъ оттуда онъ принесъ!
За то, что такъ хотѣлъ подняться въ міръ чудесный,
Отъ суетной земли нашъ избранный пѣвецъ,
За то, что онъ искалъ гармоніи небесной,—
Прими его въ Твои селенія, Творецъ!

Давно ли было это написано? А помянуть усопшаго, помолиться о немъ въ полугодовщину его смерти почти никто не пришелъ! «Суетная земля» и ея дѣти забыли того, кто «принесъ на землю чудные звуки».

Забвеніе постигло и Панова.

Я не берусь дѣлать подробную оцѣнку работъ художника или выяснять его значеніе. Это дѣло художественной критики, дѣло — специалистовъ. Я хочу только подѣлиться воспоминаніями о талантливомъ иллюстраторѣ, желая хотъ немножко освѣтить его личность. Вскорѣ послѣ смерти И. С. я напоминалъ краткой замѣткой о немъ публикѣ. Но есть повторенія, которыя никогда не лишни. Своимъ изящнымъ карандашомъ И. С. помогалъ писателямъ, усиливая значеніе ихъ слова. Многія изданія обязаны художнику, въ томъ числѣ «Пчела», «Дѣтское Чтеніе», «Нива» и др.

Биографическія данныя, которыя извѣстны мнѣ изъ разныхъ источниковъ, очень небогаты. Иванъ Степановичъ родился въ Устюжнѣ, уѣздномъ городкѣ Новгородской губерніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1844 г. Объ отцѣ его я ничего не могу сообщить. По словамъ почтеннаго П. Н. Полевого, знавшаго хорошо Панова, отецъ Ивана Степановича, мѣщанинъ званіемъ, портной ремесломъ, былъ «извѣстенъ въ городѣ, какъ человѣкъ умный, начитанный и очень честный. За нимъ, правда, водился грѣшокъ: попивалъ, какъ говорятъ въ народѣ, но съ «разумомъ», временами и до безобразія не напивался».

Ранніе годы И. С., по его собственнымъ словамъ, провелъ «вольготно», не зная стѣсненій, какъ душенькѣ было угодно. Получались колотушки, но за то и свобода полная носъ расквасить себѣ и товарищу, въ бабки поиграть, «въ города» побѣгать и побаловаться вдосталь. Бойкій, находчивый и довольно сильный мальчуганъ зачастую первенствовалъ въ дѣтской компаніи, подчиняя ее себѣ. По наружности онъ уже и тогда походилъ на отца, да и характеромъ также: та же смѣлка, находчивость, понятливость.

И. С. учился въ уѣздномъ училищѣ, но, кажется, курса не кончилъ, поступивъ въ ученіе къ дядѣ, который занимался иконописаніемъ. О жизни въ артели ходячихъ богомазовъ И. С. отзывался всегда, какъ о времени, хотя и тяжело, но въ то же время и не лишенномъ веселья. Покойный все собирался описать эти годы, но такъ и не собрался. По совѣту добрыхъ людей Пановъ рѣшился бросить артель и поступить въ академію. Какъ удалось ему поступить, сказать уже не могу, но только онъ здѣсь скоро выдался среди товарищей своими блестящими способностями. «Талантливость проявлялась чрезвычайно разнообразно,—говоритъ П. Н. Полевой:—дюжій, здоровый, ловкій и смѣтливый юноша, за что бы ни принялся, все дѣлалъ отлично, все выполнялъ съ особеннымъ шикомъ, съ особеннымъ удалствомъ». Онъ въ это время много читалъ, пописывалъ самъ и работалъ уже для иллюстрацій. Кончивъ въ 1873 г. академію, И. С. рѣшился посвятить себя исключительно дѣятельности иллюстратора. Онъ хорошо видѣлъ какъ недостатокъ силъ на этомъ поприщѣ, такъ и всю важность этой дѣятельности. Къ тому же на такое дѣло влекла его и природная склонность. Вскорѣ послѣ выхода изъ академіи И. С. женился на вдовѣ своего пріятеля-художника, милой, доброй, необыкновенно симпатичной женщинѣ, зажилъ посемейному, бросивъ холостыя пирушки, и серьезно отдался дѣлу.

Въ этотъ періодъ жизни я и познакомился съ художникомъ.

Я описалъ въ предыдущемъ очеркѣ мою первую встрѣчу съ нимъ.

Послѣ этого я не видѣлся съ Иваномъ Степановичемъ до 1875 года.

Въ этомъ году, на масленицѣ, мы встрѣтились съ нимъ на Невскомъ. Если хотите, это не точно, потому что я не замѣтилъ Панова. Но онъ меня увидѣлъ, узналъ и окликнулъ. Забывъ мое имя и не желая называть меня по фамиліи, онъ прибѣгнулъ къ слову collega.

— Collega, куда, куда?

Я оглянулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ въ мѣховомъ пальто симпатичный иллюстраторъ.

— Куда?

— Гуляю... никуда собственно.

— Ну, что гулять... лучше ѣдемъ!

Теперь я въ свою очередь спросилъ:

— Куда же ѣхать?

— На балаганы!

Я согласился и сталъ нанимать извозчика.

— Что вы! На извозчикѣ теперь-то? Нельзя! На чухонцѣ непременно!

Мы наняли чухонца и поѣхали.

Иванъ Степановичъ былъ необыкновенно веселъ, шутилъ, каламбурилъ, смѣшилъ до слезъ. И все у него выходило мило, игриво, непринужденно.

Балаганы не обходятся безъ кудельнаго дѣда.

Мы стали слушать шутки дѣда.

Толпа гоготала. Но Иванъ Степановичъ былъ недоволенъ и сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ... тошнить!

— Да, не остро,—согласился я.

— Вотъ, батенька, чѣмъ потѣшается народъ еще... что его тѣшить!.. Ну, развѣ это соль, умно? Грубо, пошло... развратъ! Вотъ гдѣ бы цензуру-то... а то никакая книга не можетъ развращать такъ, какъ эта гадость... Узаконеніе пошлости!.. Эхъ, можно бы поострить... и съ пользой для толпы... Какъ вы думаете?

— Я думаю, что не «можно»,—улыбнулся я.

— Не «можно»?

— Да.

— Ну, такъ надо бы... я вотъ что хочу сказать! Можно въ томъ смыслѣ, что есть что осмѣять, надо осмѣять, что заслуживаетъ.

— Это иное дѣло, Иванъ Степановичъ! Вѣдь и въ прессѣ то же безцѣльное зубоскальство... Мало развѣ пошлаго смѣха?

— Не говорите!..

Онъ сказалъ экспромтъ, который, къ сожалѣнію, я не могу привести здѣсь.

Съ Царицына Луга мы отправились закусить въ ресторанъ.

— А я вѣдь на васъ, сказать правду, сердчаю,—промолвилъ Пановъ, когда мы уже сидѣли въ отдѣльной комнаткѣ ресторана.

— За что?—удивился я.

— А почему поэму-то не дали мнѣ иллюстрировать?

«Поэмой» онъ называлъ появившуюся въ «Дѣтскомъ Читеніи» мою повѣсть въ стихахъ «Въ морозные дни».

— Нельзя было, торопились, въ книжку не попала бы, а слѣдовательно...

— И аржановъ не было бы,—причина!

И онъ разсказалъ мнѣ, какъ самъ нуждался, бывало, когда еще ему платили дешево.

— А теперь за то немало получаете?—сказалъ я.

— За старое наверстываю. Иногда вижу, что дорого, да вѣдь—за старое! Молодыхъ обижаютъ, за нихъ надо мстить,—смѣясь, говорилъ онъ.—Сколько, напримѣръ, «Дѣтское Читеніе» платитъ за стихи?

Я сказалъ, что получилъ за повѣсть.

— Ишь! Ну, вотъ другой за васъ и «отомстить». Ихъ такъ и надо!

И онъ сейчасъ же сказалъ какой-то остроумный экспромптъ по этому случаю.

Прощаясь, онъ взялъ съ меня слово дать ему иллюстрировать «Въ морозные дни» при отдѣльномъ изданіи.

Мнѣ не пришлось, однако, сдержать слова. Въ 1879 г. вышла моя первая книга «Зимніе Досуги», въ которую, между прочимъ, вошли и «Морозные дни», но издатель книги, г. Головинъ, повелъ дѣло на самыхъ экономическихъ началахъ, и новыхъ иллюстрацій дѣлать не привелось.

Послѣ масленицы я нѣсколько разъ встрѣчался съ И. С., но на одну, двѣ минуты. И только въ декабрѣ того же 1875 г. я снова отправился къ художнику и опять-таки по дѣлу. Онъ жилъ въ то время на Васильевскомъ Островѣ (точного адреса я теперь не помню). Вмѣстѣ со мною къ нему поѣхалъ и А. В. Арсеньевъ.

Мы застали художника за какой-то спѣшной и срочной работой.

— Вѣдь вотъ человѣкъ всегда не въ пору,—замѣтилъ И. С. шутливо:—чтобы двумя днями раньше: попалъ бы на именины жены.

— Я по дѣлу, Иванъ Степановичъ.

— А я за дѣломъ. Что тамъ?

Я подаль ему рукопись нов^а своей повѣсти въ стихахъ, которую тутъ же и посвятилъ падчерицѣ И. С., милой и замѣчательно красивой дѣвочкѣ, умершей, къ сожалѣнію, въ 1880 г. отъ дифтерита.

— Я теперь занятъ, голубчикъ, много не могу, а двѣ-три вещицы намараю,—сказалъ И. С.

Мы хотѣли уходить, чтобы не мѣшать работѣ, но хозяинъ объявилъ, что ему «болтовня» не мѣшаетъ, и оставилъ насъ обѣдать. Весь вечеръ мы провели у него и провели очень весело. Онъ показывалъ свои рисунки, потомъ у насъ поднялся споръ, въ которомъ приняла участіе и его жена Варвара Николаевна, симпатичнѣйшая изъ женщинъ, когда либо встрѣчаемыхъ мною. Въ этотъ вечеръ И. С. доказывалъ всю важность иллюстраціи и убѣжденно говорилъ, что «ея значеніе сдѣлается еще яснѣе въ будущемъ».

— А въ дѣтской литературѣ мы еще полезнѣе. Безъ насъ вы половину теряете. Ребенку картина, да хорошая, а не лубочная, какъ у Кашпиревой, напримѣръ, много значить. Она говоритъ его воображенію и усиливаетъ впечатлѣніе вашего слова.

Тутъ же случился маленькій эпизодикъ.

Я предложилъ И. С. нарисовать что-то.

— Не буду!

— Дадутъ дорого.

— А наплевать мнѣ на деньги! Я не продаюсь. Что нравится, за то втрое дешевле возьму. Да, буду я рисовать, чего и не знаю! Что я—шарлатанъ?

Расходился даже добродушный иллюстраторъ. Мы отправились въ какой-то ресторанчикъ «залить сердце» недорогимъ виномъ.

Послѣ этого вечера я часто встрѣчался съ И. С. Вышли «Родные отголоски», изданіе роскошное по внѣшности. Всѣ картины были выполнены Пановымъ. Кто не знаетъ этой книги? Кто не восхищался прелестью ея иллюстрацій? Къ сожалѣнію, Панемакеръ многимъ русскимъ типамъ придавъ рѣзьбой французскій отпечатокъ. Покойный часто жаловался на это, но, по своему добродушію, мягко, съ легкой ироніей.

— Косецъ-то не Кольцовскій, а вѣдь съ Сены,— замѣтилъ я ему.— Офранцузили его, Иванъ Степановичъ.

— Вижу. Ну, что же, что съ Сены. Косилъ траву и попалъ на сѣно.

Покойный любилъ работать «запоемъ», безъ отдыха и за то подолгу «гулялъ»; въ это послѣднее время его отчасти можно было встрѣтить то въ Коммерческой, то въ Варваринской — двухъ гостиницахъ, которыя онъ любилъ. Здѣсь И. С. часто во время «роздыха» игралъ на билліардѣ, проигрывалъ не деньги, а рисунки своему пріятелю, издателю «Дѣтскаго Чтенія», В. П. Бородину.

— Ну, на шараду!

— Идетъ.

Играютъ на шараду.

— А теперь на букву!

Играютъ на букву.

— На заставку!

— Давай!

И какъ всегда: шутки, остроты. Любилъ я ходить сюда и присутствовать на «турнирахъ». Соблазнялъ и меня И. С., но я только разъ всего попробовалъ для «ученія» въ одномъ маленькомъ ресторанчикѣ, прорвалъ кіемъ сукно и закаялся играть болѣе. По этому случаю И. С. сказалъ мнѣ двустипіе, записанное имъ самимъ мнѣ въ памятную книжку:

«Взялъ кій и спасовалъ предъ шаромъ,
Но все же ты игралъ не даромъ».

Намекъ, что я заплатилъ за сукно.

У В. П. Бородина мы окончательно сблизились съ И. С., выпили какъ-то брудершафтъ и стали на «ты».

Къ Вячеславу Петровичу Бородину перешло «Дѣтское Чтеніе» отъ П. П. Меркулева. Редакторомъ оставался сначала А. Н. Острогорскій, а когда его перевели въ Москву директоромъ какого-то военного учебнаго заведенія, то редактированіе журнала взялъ на себя В. П. Острогорскій, извѣстный педагогъ, любимецъ молодежи и талантливый писатель.

Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю это время. Дѣла «Дѣтскаго Чтенія» уже немножко пошатнулись, матеріальная сторона частенько «прихрамывала», какъ говорится, но настроеніе было бодрое. В. П. Бородинъ, — «военная косточка», какъ шутиливо выражался Пановъ, — былъ человѣкъ (что значило много), и человѣкъ энергичный, искренній, простой, то что называется «душа-человѣкъ». «Что есть въ печи — на столъ мечи». Есть въ карманѣ три рубля — онъ половину отдаетъ сотруднику. А нѣтъ — не взыщи! Сотрудники не чувствовали лавочки, не чувствовали себя кустарями, которымъ нѣтъ дѣла до хозяина, а ему нѣтъ дѣла до нихъ. У насъ связь была и съ нимъ и съ редакторомъ. Я не знаю, затрудняюсь сказать, кто былъ радушнѣе и гостепріимнѣе: Бородинъ или В. П. Острогорскій. Къ тому и къ другому я шелъ (и не я одинъ, конечно) не какъ къ хозяину, къ чужому человѣку. Это были свои, близкіе люди. Когда ни придешь, бывало, къ В. П. Острогорскому, всегда встрѣтишь ласку, совѣтъ, и уходишь ободренный, съ новою вѣрою въ себя, въ свои силы, съ горячимъ желаніемъ работать, бороться, не уступать судьбѣ. В. П. Острогорскій умѣлъ деликатно сдѣлать указанія, дружески утѣшить въ горѣ. Я многимъ обязанъ ему въ тѣ далекіе годы. Не легко юношѣ пробивать себѣ дорогу въ столицѣ, гдѣ такъ много народу и такъ мало людей. Тѣ литературныя лавочки, которыхъ теперь такъ много, и въ которыхъ сидятъ торгаши словомъ, конечно, не могутъ быть тѣмъ для начинающихъ и молодыхъ писателей, чѣмъ было маленькое «Дѣтское Чтеніе» для насъ многихъ. И это благодаря В. П. Бородину и В. П. Острогорскому. Кто знаетъ В. П. Острогорскаго, тотъ знаетъ, что это «живая душа». Такой же душой живой былъ Бородинъ. И легче переносились невзгоды и житейскія печали. А главное то важно, что редакція не была лавочкой, мы не являлись работниками. Это была семья, которая работала недѣлю и отдыхала во вторники. Вторники — пріемные редакціонные дни. Но они скоро обратились въ оживленные журъ-фиксы, на которые собирались не только сотрудники, но и люди, не причастные къ журналу.

Въ началѣ вечеръ носилъ дѣловой характеръ. Шли разговоры о статьяxъ, о счетахъ, и т. д. Но потомъ начиналась «добрая пирушка». И. С. Пановъ являлся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Веселый, остроумный, онъ всегда былъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Неистощимый на каламбуры, онъ всѣхъ смѣшилъ до слезъ. Сколько онъ зналъ анекдотовъ! Это были живые, характерные анекдоты, но безъ примѣси пошлости и сальности. Я не скажу, чтобы ихъ одобрила самая пуританская цензура. Но вѣдь эта цензура готова держать дѣвушку чуть ли не до 19 лѣтъ на книжкѣ «для дѣтей». И. С. всегда говорилъ:

— Хлѣбъ безъ соли — не вкусенъ. Прѣсный анекдотъ хуже хлѣба безъ соли.

И соль всегда была въ его экспромптахъ, шуткахъ и разсказахъ.

Иванъ Степановичъ зналъ массу фокусовъ и показывалъ ихъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ, приводя въ восторгъ зрителей. Большой комикъ, онъ разсказывалъ сцены изъ русскаго и нѣмецкаго быта; особенно хорошо ему удавались пантомимы.

Войдешь еще, бывало, только въ переднюю: слышишь, въ комнатахъ стоитъ несмолкаемый хохотъ. Значить, Пановъ тутъ и что нибудь уже разсказываетъ. «Художникъ царить». Его всѣ любили, всѣ ему были рады, и многое ему прощали, зная его прямодушіе, его незлобивость, его широкую русскую натуру.

Зимой вторники нерѣдко оканчивались поѣздками на горы, устроенныя въ Лѣсномъ, у Василя Ивановича Яковлева, принимавшаго участіе въ изданіи «Дѣтскаго Чтенія». Добрый, мягкій, деликатный и гостепріимный человѣкъ, любящій веселье, Василій Ивановичъ встрѣчалъ радушно «ватагу», и пирушка, начатая въ редакціи, оканчивалась за городомъ.

Пановъ и на горахъ продолжалъ главенствовать, придумывая разныя «штуки», не довольствуясь обыкновеннымъ катаньемъ.

— Чего такъ-то ползать... надо что нибудь особенное,— говорилъ художникъ.

И онъ придумывалъ «особенное».

То онъ предлагалъ кататься, «какъ на фортункѣ», то-есть затылкомъ впередъ, то «грудой», то-есть на однѣ сани садилось нѣсколько человѣкъ, одинъ другому на колѣни.—Такъ виленскіе жидки въ театрѣ сидятъ, купивъ въ складчину одинъ билетъ въ кресло,—смѣялся Пановъ.

Катались мы и съ препятствіями.

Препятствія дѣлались различныя. Разставлялись въ разныхъ мѣстахъ и направленіяхъ снѣжныя «бабы», и надо было нырять между ними на саняхъ, то-есть проѣхать, не задѣвъ ни одной фигуры. Кто не умѣлъ, наѣзжалъ на снѣжную статую, и она, рассыпавшись, покрывала его снѣгомъ. Иногда нарочно устраивались эти фигуры такъ, что ихъ нельзя было миновать. Многіе слетали съ саней и лежали на каткѣ, въ разныхъ мѣстахъ. На одного налетали другіе—образовывалась куча...

— Больше куча — теплѣе! — раздавался голосъ Панова.

Громкій смѣхъ стоялъ въ холодномъ воздухѣ.

Да, веселое было время, и его вспоминаешь съ удовольствіемъ и въ то же время съ грустью, какъ страничку юности, быстро промелькнувшей, юности чистой, не знавшей тѣхъ удовольствій, которыя оставляютъ горькій осадокъ на всю жизнь, омрачая собою воспоминанія о весенней порѣ. Монахи «писаревского толка» если не всѣ, то многіе остались ими и на всю жизнь: упорный трудъ, горячіе споры смѣнялись увлеченіями и забавами, но это

были идеальныя увлеченія и чистыя забавы, которыя необходимы всякому труженику, ибо правъ поэтъ сказавши:

Буду слушать тѣ дѣтскія рѣчи,
Безъ которыхъ мнѣ жизнь не мила.

На вечерахъ часто бывалъ Павелъ Владимировичъ Засодимскій, принимавшій дѣятельное участіе въ «Дѣтскомъ Читаніи». П. В. Засодимскій мой землякъ (вологжанинъ), но мнѣ не пришлось сблизиться съ нимъ однимъ. Въ наше время, когда рубль получилъ такую силу, что ему охотно служить писатель, идя на разные компромиссы, идеалистъ и убѣжденный человѣкъ, какимъ несомнѣнно является авторъ «Хроники села Смурова», представляетъ собою отрадное явленіе. П. В. Засодимскій всегда былъ и остался тѣмъ идеалистомъ, который ради идеи и принципа жертвуетъ своимъ матеріальнымъ благомъ. Сколько разъ онъ бросалъ работу очень выгодную, только потому, что подмѣчалъ въ изданіи нотку, ему не симпатичную. Я со многими взглядами Засодимскаго не согласенъ; если придется, я завтра же могу вступить съ нимъ въ страстную полемику, но это не мѣшаетъ мнѣ признать за нимъ то, что ему принадлежитъ по всей справедливости. Пановъ очень любилъ Засодимскаго, какъ дѣтскаго писателя, и я согласенъ съ художникомъ, что Засодимскій прекрасный дѣтскій писатель.

По изобрѣтательности И. С. Пановъ былъ не замѣнимъ. По изяществу работы онъ не зналъ соперниковъ. И только однимъ онъ не могъ похвалиться — аккуратностью. То въ недѣлю наготовить на два мѣсяца, а то и спѣшная работа «лежитъ и ждетъ». Особенно много мѣшали работѣ «роздыхи». Въ послѣднее время (1879—1881 г.) эти роздыхи стали особенно часты. Т. П. Пассекъ, начавъ издавать «Игрушечку», разумѣется, обратилась къ Панову. Сначала болѣзнь И. С. мѣшала ему поработать для новаго журнала, а потомъ пошли «роздыхи»: по цѣлымъ мѣсяцамъ И. С. не бралъ карандаша въ руки. Онъ успѣлъ сдѣлать для «Игрушечки» всего только нѣсколько иллюстрацій, между прочимъ, нарисовалъ великолѣпнаго булочника для моей повѣсти «Иванъ Ивановичъ и Комп.», помѣщенной въ «Игрушечкѣ». Разсказъ же Крапивиной такъ и остался безъ пановскихъ иллюстрацій, хотя И. С. очень хотѣлъ сдѣлать пріятное для писательницы, которую любилъ и уважалъ.

Покойной Стефаніи Матвѣевнѣ не повезло. Она была одна изъ тѣхъ «изгоевъ» литературы, которые, не оцѣненные критикой, сходятъ въ могилу. О геніяхъ воспоминаетъ потомство и поправляетъ ошибку прошлаго. Но писатели болѣе скромнаго ранга едва ли могутъ разсчитывать на такую корректуру потомства, потому что они не живутъ такъ долго. Но во имя справедливости и благодарный покойной писательницѣ я все-таки хочу напомнить о ней публикѣ, для которой она писала.

Золотое сердце было у этой женщины, много выстрадавшей въ жизни и состарѣвшейся прежде времени. Я не имѣю права раскрывать передъ читателями того, что сама покойная писательница ревниво скрывала отъ людей. Своимъ горемъ, своей тайной она дѣлилась только съ близкими друзьями. Я высоко цѣнилъ ея довѣріе и глубоко скорбѣлъ вмѣстѣ съ нею. Я былъ еще совсѣмъ юноша неопытный, увлекающійся и довѣрчивый. Въ горькія минуты я шелъ къ ней, въ ея скромную квартиру, и «отводилъ душу». Женщина въ лучшемъ смыслѣ этого слова, она чутко угадывала то, что часто было непонятно друзьямъ-мужчинамъ. Въ квартирѣ С. М. собиралось много молодежи и изъ міра учащагося. Одни шли потому, что ихъ влекла къ себѣ «добрая и образованная старушка», другіе составляли толпу поклонниковъ ея дочери, веселой и замѣчательно красивой дѣвушки. Я не былъ изъ числа послѣднихъ, хотя отдавалъ должное красавицѣ. Но меня влекли къ себѣ «золотое сердце» и «изящный умъ» старушки, бесѣды которой приносили столько удовольствія и свѣтлаго отдохновенія. Охватить, бывало, хандра, начнутъ силы слабѣть въ тяжелой борьбѣ—идешь къ Стефаніи Матвѣевнѣ Лободѣ (Крапивина—псевдонимъ). Самой ей невесело, у самой горе, но она все забудетъ и начнетъ «лѣчить», какъ шутила она.

Она нуждалась сильно и часто. Но если случался излишекъ, она охотно ссужала, «давала перевернуться». Дочь она любила безгранично и, на сколько могла, старалась доставить ей развлеченіе. Устраивались чтенія, спектакли, на которыхъ Пановъ былъ «запѣвалой». Прекрасный актеръ, И. С. любилъ театръ, увлекался имъ и, бросая срочную работу, весь отдавался устройству сцены, рисовалъ декораціи, руководилъ артистами. Я хорошо помню это время и тотъ восторгъ, съ какимъ занимался И. С. театральнымъ дѣломъ. Спектакли шли недурно; вечера всегда отличались веселостью. Не обходилось дѣло безъ школьничества. Такъ однажды А. В. Арсеньеву (черезъ котораго я и познакомился съ Лободой), исполнявшему какую-то роль, мы поднесли вмѣсто букета вѣнчикъ, которымъ смахивается пыль съ мебели. Артистъ раскланялся и торжествуя ушелъ за кулисы...

Всѣмъ намъ жилось тогда не легко, потому что всѣ мы нуждались, но были молоды и стойко переносили все. Работали въ мансардахъ и отдыхали по вторникамъ у Бородина и въ скромной квартирѣ Лободы. Сильно вѣрилось, и отъ души смѣялись...

С. М. Лобода-Крапивина писала и для взрослыхъ, но была по преимуществу писательница для дѣтей. Она обладала симпатичнымъ и недюжиннымъ талантомъ. Она писала неровно, потому что «такъ сложилась жизнь». Нерѣдко С. М. приходилось писать (какъ и многимъ) на спѣхъ, подъ давленіемъ нужды, писать не то, что хотѣлось въ данную минуту. Выходило слабо. Некогда было отдѣлы-

вать. Но у нея не мало было дивныхъ разсказовъ, которые отличаются чарующей поэзіей.

— Эхъ, кабы ей да другую обстановку, не то бы и было,—справедливо говорилъ о С. М. Лободѣ Пановъ со свойственною ему задушевностью.

И. С. всегда и вездѣ держалъ себя просто, искренно. Онъ не ломался, какъ многіе его собратья, хвастающіе «недосугомъ», «множествомъ работъ» и этимъ объясняющіе свою непростительную небрежность. Въ рукописи у автора, напримѣръ, солдатъ ѣдетъ верхомъ на лошади, а они рисуютъ солдата, лежащаго подъ березой. И. С. былъ въ работѣ честенъ и, какъ всѣ истинные таланты, скромнень.

Что онъ былъ добръ, объ этомъ знаютъ всѣ, имѣвшіе съ нимъ дѣло. Мнѣ не одинъ разъ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ И. С. отдавалъ чуть ли не послѣдній рубль. Онъ постоянно кого нибудь кормилъ и содержалъ.

Деньги ему, впрочемъ, доставались легко. Часъ-два работы—и 30—40 рублей готовы.

Разъ мы шли по Невскому съ И. С.

— А что поѣдемъ обѣдать,—приглашаетъ И. С.

— Денегъ нѣтъ... Только послѣзавтра получу.

— И у меня нѣтъ!

А самъ смѣется.

— Ну, вотъ! На что же обѣдать? А еще зовешь!

— Нѣту денегъ—передъ деньгами... Сейчасъ добуду!

Онъ завернулъ въ редакцію иллюстрированнаго журнала и получилъ 25 рублей.

— Авансомъ?

— Завтра же сквитаюсь.

И сквитался: за чаемъ утреннимъ набросалъ виньетку—и долгъ погашень.

Въ 1879 году я напечаталъ въ «Малярѣ» четверостишіе, озаглавленное «Поэтъ—художнику» и послалъ № Панову. Онъ написалъ въ отвѣтъ:

Лира разбита, безъ струнокъ,
Отвѣтомъ же будетъ—рисунокъ.

Этотъ рисунокъ и былъ—нѣмецъ, для повѣсти «Ив. Ив. и Комп.».

Это случилось не задолго до серьезной болѣзни Ивана Степановича. Во время болѣзни, въ одно изъ моихъ посѣщеній, художникъ грустно сказалъ:

— Вотъ наше дѣло—рабочническое: лишишься силъ, и умереть съ голода не долго. А они (то-есть издатели) дома понастроятъ... Хотя бы семью не забыли...

Онъ началъ развивать планъ объ изданіи иллюстрированнаго журнала на артельныхъ началахъ.

— И художники и писатели... пусть всё въ артель... Не все же на другихъ работать... Вѣдь хорошо?

— Да,—отвѣтилъ я.

Да, скажу и теперь. Но все это мечта и, къ сожалѣнію, на долго мечтою останется. Многое мѣшаетъ мечтѣ превратиться въ фактъ... И рознь писательская, и бѣдность литераторская, и недо-вѣріе къ такимъ предпріятіямъ со стороны публики, и со стороны тѣхъ, отъ кого зависитъ самое разрѣшеніе. Нѣтъ, еще, видно, долго тебѣ, русскій писатель, суждено быть батракомъ-наемникомъ!.. Типографскому разсылному больше довѣрія, чѣмъ тебѣ, труженику! И становится онъ, полуграмотный, отвѣтственнымъ редакторомъ, издаетъ свой журналъ, а ты на него работай и не смѣй думать о собственности.

Въ 1881 году я уѣхалъ изъ Петербурга на югъ, потомъ жилъ въ Москвѣ и только не надолго вернулся въ невскую столицу. За этотъ пріѣздъ я не видѣлся съ Пановымъ. Я встрѣтился съ нимъ только весною 1883 года въ Москвѣ, и встрѣтился совершенно случайно. Я жилъ въ Лоскутной гостиницѣ, а И. С. въ Петергофской. Обѣ онѣ около Кремля. Какъ-то захожу я къ Генералову—извѣстный гастрономическій магазинъ; гляжу—Пановъ.

— Ты ли это, И. С.?

— Господи!.. ты какъ?

— Я здѣсь живу...

— И я здѣсь... въ «Петергофѣ»... а ты?

— Въ Лоскутной!..

— Чтобъ тебя! Въ двухъ шагахъ... Да какъ же это? И нигдѣ не встрѣчались... диво!.. Ты долго еще останешься?

— Скоро ѣду.

— Куда?

— Въ Любань. Тамъ поселяюсь. Меня изъ Питера выслали!

— Да что ты!—воскликнулъ Пановъ.—Въ чемъ попался?

— Худо веду себя... болѣю!..

— Ну, такъ что же...

— Вотъ врачи и выслали!—засмѣялся я.

— Ахъ, чтобъ тебя!.. А я испугался было! Я самъ, братъ, хвораю... Видишь, какой...

Да, онъ сильно измѣнился: осунулся, пожелтѣлъ...

— Сильно былъ боленъ... Да вотъ поправляюсь. Ёду въ имѣніе барона Корфа.

— Отдыхать?

— Да... Вернусь—буду сильно работать. Прогулялъ много... Эхъ,—впервые съ горечью промолвилъ художникъ:—зря убито здоровье... винище это... чтобъ его нелегкая взяла!.. Силъ сколько погубило!.. Не умѣемъ мы беречь себя!

Въ этихъ словахъ много ужасной правды. Не умѣетъ русскій

человѣкъ, одаренный талантомъ, взысканный Богомъ, беречь себя, свои силы, свое дарованіе. Не цѣнить онъ его, не понимаетъ великой отвѣтственности за свой талантъ передъ небомъ, надѣлившимъ его. Я хотѣлъ было сказать: «и отвѣтственности передъ обществомъ», но впору одумался. Не этому обществу, умѣющему болѣе цѣнить наѣздниковъ, чѣмъ художниковъ, предъявлять такія требованія къ своимъ выдающимся людямъ. Они виноваты передъ самими собою и небомъ, а не передъ обществомъ, которое и пальцемъ не пошевелить, чтобы улучшить положеніе людей мысли, положеніе бойцовъ за общественное благо. Ахъ, и эти друзья знаменитыхъ людей! Они во многомъ виноваты! Во имя дружбы, желая заполучить частичку славы великаго человѣка, кичась своей близостью къ знаменитости, они нисколько не оберегаютъ ни его таланта, ни его здоровья. Они попустительствуютъ знаменитымъ друзьямъ, а послѣ смерти стараются скрыть отъ общества горькую правду... «Водка сгубила!». Развѣ это можно? Нѣтъ, мозгъ не вынесъ сомнѣній, работы, сердце разорвалось отъ гражданской скорби!.. Какая фальшь! Жена И. С. боролась съ его недугомъ, но что она могла одна сдѣлать, когда десятки людей тянули его на другой путь, потворствовали ему... Многіе изъ стоявшихъ около И. С. были очень юны и сами дѣлали тѣ ошибки, за которыя потомъ дорого расплатились или еще расплачиваются. Если бы И. С. Пановъ не пилъ сильно, онъ, навѣрно, и теперь еще былъ бы живъ, и художественныя заслуги были бы еще выше! Но у насъ не только писатели, художники, а и пѣвцы не умѣютъ беречь свой талантъ. Мало ли голосовъ — пропито! Это не упрекъ, это — восклицаніе скорби. Довольно фальшивой скрытности и вреднаго лицемерія!.. Въ этомъ случаѣ русскому талантливому человѣку надо поучиться у западнаго собрата, умѣющаго беречь и силы физическія и даръ небесный... Есть что перенять у западной публики и публикѣ русской!..

Прощаясь со мною, И. С. сказалъ:

— Ну, до осени... вѣдь пріѣдешь ко мнѣ? Да и я въ Любань загляну...

Но, увы, намъ не суждено было уже встрѣтиться на землѣ. Въ октябрѣ 1883 г. И. С. умеръ. Я прочелъ въ газетахъ извѣщеніе о его смерти и по болѣзни не могъ даже пріѣхать на его похороны, которыя были очень скромны. Другъ Ивана Степановича, П. Н. Полевой, находился въ Москвѣ. Изъ издателей только одинъ Марксъ не забылъ художника и прислалъ депутата, вѣнокъ, а женѣ покойнаго—денежное пособіе...

Закончу мои воспоминанія о И. С. Пановѣ одной юмористической сценкой.

Какъ-то разъ мнѣ и Панову В. П. Бородинъ показывалъ новые рисунки (клише) для «Дѣтскаго Чтенія». Одна изъ картинокъ

понравилась. Она отвѣчала давно задуманному мною сюжету. В. П. мнѣ сказалъ:

— Такъ пишите.

— Давай, стихи напишемъ вмѣстѣ! Первую главу ты, а вторую — я. Идетъ?—предложилъ Пановъ.

— Ладно.

Мы присѣли и тутъ же написали.

— Какъ же подпишемъ?—спросилъ я.

— Давай: Иванъ да Александръ.

— Не ловко.

— Ну, Ваня и Саша.

Рѣшили просто псевдонимомъ, и почему-то остановились на Теофанѣ Зябловѣ.

Такъ и явилось стихотвореніе за подписью Теофана Зяблова.

И. С. долго шутилъ:

— А что подѣлываетъ нашъ дебютантъ—Т. Зябловъ.

Или, обращаясь ко мнѣ:

— Ну-ка, половина Зяблова, сирѣчь Полузябловъ!

Прошло нѣкоторое время. Сидимъ однажды въ ресторанѣ—завтракаемъ. Неподалеку отъ насъ пировала какая-то компанія; все юнцы. Вдругъ одинъ изъ нихъ обращается къ визави:

— Въ самомъ дѣлѣ ты напечаталъ стихи?

— Честное слово! Въ «Дѣтскомъ Чтеніи».

— Но отчего же не подъ своей фамиліей?

— Такъ. Я взялъ фамилію дѣда: Т. Зябловъ.

Пановъ взглянулъ на меня.

— Слышите?

— Да...

— Вѣдь это насъ чести лишаютъ... Каковъ мальчикъ? О! Я его сейчасъ выведу на свѣжую воду.

— Ну, брось!

— Нѣтъ, нельзя... Хвастунишка!..

И онъ «вывелъ». Сначала юноша растерялся, а потомъ, желая вывернуться, сказалъ, что онъ просто шутилъ.

Этимъ я кончаю мои бѣглыя и нѣсколько пестрыя воспоминанія о талантливомъ художникѣ. Я здѣсь уже не сохранялъ строго хронологіи. Не предполагая болѣе возвращаться въ своихъ воспоминаніяхъ къ Панову, для полности очерка о немъ, я не ограничивался только тѣмъ временемъ, къ которому собственно относится настоящій мой эскизъ. Но теперь снова вхожу въ рамки, приступая къ воспоминанію о своемъ сотрудничествѣ въ «Пчелѣ».

Алекс. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

О ЖИВЫХЪ И МЕРТВЫХЪ ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

II.

Мое сотрудничество въ «Пчелѣ». — М. О. Микѣшинъ и А. В. Праховъ. — На дачѣ у Микѣшина. — Поэтъ Симборскій. — Мое знакомство съ нимъ. — Его сенсационное стихотвореніе, попавшее не въ «Пчелу», а въ «Русское Обозрѣніе» Градовскаго. — Симборскій въ качествѣ корреспондента на войнѣ. — Пятницы «Пчелы». — Общее воодушевленіе. — Портретная галлерея добровольцевъ. — А. Г. Ерошенко и Як. Зюбинъ. — Разказы о его силѣ. — Проводы. — На концертѣ Славянскаго. — Къ характеристикѣ современныхъ нравовъ. — Мои стихи въ «Руси», «Всемирной иллюстраціи», «Недѣлѣ», «Свѣтѣ», «Дѣлѣ» и «Нивѣ». — Памяти Вас. Петр. Попова. — Литературные выскочки я одинъ изъ нихъ. — Курьезный случай съ моимъ стихотвореніемъ «Акробатъ». — Женскія письма въ отвѣтъ на мое стихотвореніе «На встрѣчу» въ «Недѣлѣ». — Н. П. Вагнеръ и Л. Е. Оболенскій. — Мое знакомство съ поэтомъ-самоучкой М. А. Козыревымъ. — Разореновъ, авторъ пѣсни «Не брани меня, родная». — Окончаніе къ роману «Евгеній Онѣгинъ», написанное А. Разореновымъ. — Мое знакомство съ нимъ. — Странное поведеніе Сурикова. — Практичность писателей самоучекъ. — Моя поѣздка въ Цигры. — Невольная роль обличителя. — Какъ уѣздныя дамы читаютъ газеты. — «Будильникъ». — Н. П. Кичеевъ. — Гербовыя марки вмѣсто гонорара. — Моя болѣзнь. — Мой дебютъ въ «Русской Рѣчи». — Какъ встрѣтила критика моего «Бездипломнаго учителя». — Я дѣлаюсь постояннымъ сотрудникомъ «Русской Рѣчи».

МОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО въ «Пчелѣ» началось, собственно говоря, еще въ тотъ періодъ моей дѣятельности, который я назвалъ «Первыми шагами». Это было во второй половинѣ 1875 года. Но, помѣстивъ два-три стихотворенія въ «Пчелѣ» при П. Н. Полевомъ, я не принималъ дальше никакого участія въ этомъ журналѣ вплоть до перехода его въ собственность нашего знаменитаго художника М. О. Микѣшина, который привлекъ къ участію въ изданіи, не

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 850.

только въ качествѣ сотрудника, но и въ роли редактора—А. В. Прахова. На какихъ условіяхъ М. О. Микѣшинъ приобрѣлъ «Пчелу» отъ А. С. Героглифова, я не знаю (вѣрнѣе не помню), но только скоро между послѣднимъ и М. О. начались недоразумѣнія, рѣшать которые пришлось суду. Если не ошибаюсь, М. О. Микѣшинъ выигралъ дѣло.

Я возобновилъ сотрудничество въ «Пчелѣ» совершенно случайно. Я несъ куда-то стихи, когда мнѣ встрѣтился А. В. Арсеньевъ.

— Куда?—спросилъ я его.

— Въ «Пчелу».

Я пошелъ тоже съ нимъ и отдалъ стихи. Ихъ принялъ еще Героглифовъ, но онъ сказалъ, что рѣшеніе зависитъ уже отъ Микѣшина. Черезъ нѣсколько дней я зашелъ за отвѣтомъ.

— Стихи будутъ помѣщены.

Слѣдующіе стихи я уже отдалъ А. В. Прахову, съ которымъ тутъ же и познакомился.

— А у васъ еще нѣтъ стиховъ?—спросилъ А. В.

— Есть.

— Такъ дайте мнѣ.

— Они не съ собою.

— Принесите ихъ мнѣ.

Онъ подумалъ и добавилъ:

— Не въ редакцію, а въ квартиру NN. Я завтра буду тамъ.

Я принесъ еще нѣсколько стихотвореній. Праховъ прочелъ и взялъ всѣ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, вамъ нужны деньги. Я скажу Михаилу Осиповичу.

Одно изъ моихъ стихотвореній «Изъ пѣсень о погибшихъ герояхъ» не было пропущено цензурою. По поводу этого и отчасти по другимъ причинамъ я поѣхалъ къ Микѣшину на дачу. Она была у него собственная, по Сергіевской дорогѣ. М. О. встрѣтилъ меня необыкновенно радушно. Скоро подошелъ и А. В. Праховъ. Пили чай въ саду и много говорили о литературѣ и событіяхъ того времени. Ждали всѣ войны, интересовались каждой новостью съ Балканскаго полуострова. М. О. съ горячей любовью рассказывалъ мнѣ о Малороссіи, спрашивалъ о сѣверѣ. Мои стихи ему очень понравились, равно какъ и рассказъ, который я привезъ ему. М. О., прощаясь со мною, просилъ меня побольше писать для «Пчелы», далъ мнѣ порядочный авансъ и сказалъ, что всегда готовъ поддержать дружески, если только будетъ въ силахъ. Онъ горячо принимался за дѣло изданія, и его слова дышали вѣрою въ успѣхъ предпріятія. Очарованный любезностью и простотой художника и А. В. Прахова, я въ самомъ хорошемъ настроеніи духа вернулся домой въ Петербургъ, въ свою маленькую, но чистенькую

комнатку на Офицерской улицѣ. Была чудная лѣтняя ночь. Спать не хотѣлось. Я отправился гулять, встрѣтилъ Кр—ба, и мы, поужинавъ въ какомъ-то рестораникѣ, поѣхали кататься по Невѣ. Была именно такая ночь, про которую можно сказать:

Такихъ божественныхъ ночей не много, другъ:
Все дышитъ сладкою истомою вокругъ,
И воздухъ напоенъ любовью и весною.

А мы говорили не о любви, мы были далеки фетовской поэзіи. Мы говорили о Сербіи, о добровольцахъ, о томъ, что пора же открыто заступиться за братьевъ. Чего ждать? Я только что вернулся изъ глуши, гдѣ мнѣ пришлось наблюдать въ самой простой средѣ сцены большого сочувствія «славянамъ». Далекіе политическихъ соображеній, даже плохо знавшіе, «кто такіе болгары и сербы»,—простые люди сочувствовали единовѣрцамъ, страдающимъ отъ «мухамеданъ». При мнѣ одна старуха принесла священнику два рубля, накопленные ею съ большимъ трудомъ: «на, батюшка, пошли ихъ туда, къ тѣмъ, которыхъ турки рѣжутъ. Сиротамъ-то ихъ... отошли!».

Нельзя было оставаться равнодушнымъ при видѣ этой беззащитной любви.

— Ты бы написалъ стихи на эту тему,—сказалъ Кр—бъ.

Я обѣщалъ. Но меня предупредилъ Симборскій. Симборскій? Кто такой Симборскій?—навѣрное спроситъ читатель. Я не осужу его. Такой же вопросъ задалъ мнѣ недавно одинъ интеллигентный знакомый. Я не скажу—стыдно не знать Симборскаго русскому читателю. Нѣтъ, грустно, что его не знаютъ. Онъ рано погибъ, и скверно сложилась его жизнь. Это былъ выдающійся талантъ, и, какъ поэтъ, Симборскій могъ занять видное мѣсто на русскомъ Парнасѣ. Между тѣмъ ему приходилось писать юмористическіе газетные фельетоны, правда, сильные по своему дерзкому юмору и высокому паѳосу, какъ выразился про него другой поэтъ, но не эта работа могла способствовать развитію недюжиннаго таланта Н. В. Симборскаго. А прочтите его лучшіе стихи: сколько поэзіи, мощной энергіи и вдохновеннаго паѳоса! Онъ не любилъ плакать и писать въ минорномъ тонѣ. Онъ, страдая, проклиналъ, а не жалобился. Нашлись друзья—издали стихи Соймонова. Хорошо сдѣлали. Но Соймоновъ маленькая величина передъ Симборскимъ. Одно время ходили слухи, что Симборскаго издадутъ. Молодой поэтъ П. А. Тулубъ даже писалъ мнѣ объ этомъ изъ Кіева. Но слова не перешли въ дѣло. Г. Тулубъ издалъ стихи Косуновича, а Симборскій попрежнему никому неизвѣстенъ. Тяжело сложилась жизнь поэта, не вынесъ онъ мученій и самовольно прервалъ нить жизни. Одни говорили, что неудачная любовь, какъ послѣдняя капля, переполнила чашу страданій. Другіе называли иные мотивы, о которыхъ неудобно гово-

рять. Я думаю, что послѣдніе ближе къ правдѣ. А, быть можетъ, то и другое вмѣстѣ... Что бы то ни было, а поэтъ погибъ въ разцвѣтѣ силъ.

Я познакомился съ Симборскимъ, благодаря стихотворенію, написанному имъ по поводу тогдашнихъ политическихъ событій. Общее воодушевленіе росло; влекомые симпатіями къ сербамъ, русскіе люди рвались на защиту угнетенныхъ, а нашъ корабль не двигался еще. Ждали только слова: впередъ! Ждали, полные мучительной тревоги. Это настроеніе я и хотѣлъ выразить въ своихъ стихахъ. Но Симборскій предупредилъ меня, написавъ сильное и прекрасное стихотвореніе. Я не помню всего его, но вотъ отрывки, уцѣлѣвшіе въ моей записной книжкѣ:

А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
Недвижный нашъ корабль стоитъ, какъ изваянье;
Раскинувшись надъ нимъ, сияютъ небеса
Въ бездушной красотѣ, въ торжественномъ сіяньѣ..
Расплавленнымъ стекломъ легла громада водъ,
Вся блескомъ залита, но мертвая, нѣмая..
Сознанье тяжкое безсилія, какъ гнетъ,
Ложится на сердце, что, страстно замирая,
Стремится съ мукою туда, гдѣ полоса
Родной земли, для глазъ чуть видная, темнѣетъ..
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И тишь и блескъ кругомъ, а въ сердцѣ злоба зрѣетъ!
И тишь и блескъ кругомъ... Галлюцинацій рядъ,
Терзанъ и дразня, проходятъ предъ глазами:
Вотъ волны рѣкъ родныхъ играютъ и гремятъ,
И мчатся, сжатые крутыми берегами.
Вонъ вкругъ убогихъ селъ убогія поля,
Облитыя слезой обильною и кровью..
И вся желанная, далекая земля,
Какъ будто тутъ, въ глазахъ... Съ привѣтомъ и любовью
Шумятъ по скатамъ горъ зеленые лѣса,
Манятъ, зовутъ къ себѣ... Рванулся-бъ къ нимъ скорѣе,
Но вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ! Повисли паруса,
И тишь и блескъ кругомъ, и злоба все сильнѣе..
Нѣтъ пытки тяжелой: стоятъ передъ врагомъ,
Съ нимъ рваться въ бой и знать, что тщетны всѣ усилія,
И въ бѣшенствѣ тупомъ, подстрѣленнымъ орломъ,
Безплодно поднимать ираненныя крылья!
Близка стремленье цѣль. Въ мечтѣ ужъ подъ ногой
Шуршитъ, скрипитъ песокъ на пристани родимой,
И, тѣша жадный взоръ, открылся предъ тобой
Давно желанный видъ, знакомый и любимый,
Ужъ слышишь, чудятся родимыхъ голоса,
Ужъ видишь ихъ къ тебѣ протянутыя руки,
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И рвется сердце вонъ отъ скорби и отъ муки!

Окончаніе еще ярче и сильнѣе, но оно не уцѣлѣло въ моей книжкѣ. Стихотвореніе Симборскій написалъ для «Пчелы» и читалъ намъ всѣмъ въ редакціи. Мнѣ оно особенно понравилось, и я въ самыхъ

горячихъ выраженійхъ выразилъ мой восторгъ. Поэтъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и съ этого дня началось наше сближеніе. Цензура не пропустила стихотворенія, и оно появилось не въ «Пчелѣ», а въ «Русскомъ Обзорѣніи», издаваемомъ тогда Гр. К. Градовскимъ. Почтенный публицистъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться уже гораздо позже, когда я довольно дѣятельно работалъ въ «Новостяхъ» (1886—1887 гг.), находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ поэтомъ, любилъ его и высоко цѣнилъ его талантъ. Во время войны Симборскій былъ корреспондентомъ какой-то газеты съ того же театра войны, съ котораго писалъ и Гр. К. Градовскій. Симборскій временами сильно пилъ и дѣлался рѣзко и даже дерзко. Если бы не заступничество Гр. К. Градовскаго, поэту-корреспонденту пришлось бы очень тяжело поплатиться за одну изъ своихъ необузданныхъ выходокъ. Благодаря же Градовскому, находившемуся въ добрыхъ отношеніяхъ съ лицомъ, отъ котораго зависѣла въ данномъ случаѣ судьба Симборскаго, этотъ послѣдній избѣгъ тяжелой кары и былъ только высланъ.

На квартирѣ у Симборскаго я никогда не былъ. Но мы часто встрѣчались съ нимъ въ редакціи «Пчелы», особенно въ ту пору, когда она помѣщалась на Васильевскомъ островѣ. Я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Пчелы», взявъ на себя веденіе «Журнальной хроники», библіографіи и отчасти критическаго отдѣла. Молодой писатель А. В. Арсеньевъ сталъ писать фельетоны изъ общественной жизни («Фельетонные наброски» онъ подписывалъ «Азъ-Рцы-Слово»). Приходилось часто бывать въ редакціи и помимо тѣхъ дней, когда производилась выдача гонорара. Въ эти дни Симборскій бывалъ уже обязательно. Нерѣдко подолгу приходилось ждать и «министра финансовъ», какъ мы шутили, и самого редактора. Соскучимся и пойдемъ въ ближайшій трактиръ—закусить, попить чайку. Симборскій чаю не пилъ. Онъ предпочиталъ «воду жизни». Сколько разъ я замѣчалъ ему: «не пейте вы такъ много... вредно»...

Онъ только рукой махнетъ:

— Все равно... Вы не знаете!

Я «не зналъ»... А онъ ничего не объяснялъ... Разспрашивать было не ловко.

Случалось, что «министръ финансовъ» совсѣмъ не пріѣзжалъ. Выдача отлагалась до слѣдующей пятницы. Поэтъ хмурился и восклицалъ:

— Ну... долго ли же насъ будутъ кормить пятницами?

Впрочемъ, это случалось не часто. За то, когда можно было, выдавались щедро авансы, и радушіе издателя всѣхъ насъ умиляло и мирило съ маленькими невзгодами... Я говорю о времени, когда «Пчела» цвѣла. Во дни ея заката было уже не то. Но это происходило не отъ сквалыжничества, не отъ желанія «не платить», а просто отъ невозможности уплатить въ срокъ. Издатель всегда оставался че-

ловѣкомъ, готовымъ раздѣлить съ сотрудниками все, что было. Русскій человѣкъ—человѣкъ широкой натуры. Почтеннаго художника-издателя многіе очень нагло обирали и эксплуатировали. Я считалъ его всегда и считаю до сихъ поръ человѣкомъ добрымъ. Уже во времена упадка журнала, когда дѣла шли не важно, онъ не одинъ разъ и меня и другихъ выручалъ изъ «бѣды», дѣлясь, чѣмъ могъ. Помню случай. Пришелъ юный писатель и просить аванса. Жена больна, за квартиру не заплачено.

— Сколько въ кассѣ?—спросилъ издатель у кассира.

— Сто рублей.

— Ну, дайте г. NN. 50 рублей...

Самое свѣтлое время «Пчелы» совпало съ общимъ оживленіемъ русскаго общества, которое горячо откликнулось на страданія балканскихъ братьевъ.

Конечно, въ увлеченіи не обошлись безъ ошибокъ. Ловкіе люди, пользуясь случаемъ, сумѣли наловить рыбки «въ мутной водичкѣ»... Искреннее увлеченіе часто переходило границы и крыло чужую крышу, когда текла своя. Такъ одно земство (одно ли?) послало солидную сумму денегъ на славянское дѣло, въ то время, какъ сельскіе учителя не могли получить жалованья за свой каторжный трудъ. Одинъ мой пріятель писалъ мнѣ: «И вотъ сижу я безъ гроша. Спасибо, помогъ писарь, но вѣдь этимъ я становлюсь къ нему въ кабалу. Просилъ предсѣдателя дать хотя 20 рублей. Отвѣтилъ: нѣтъ денегъ; а сербамъ послали 1.000 рублей!».

Теперь на многое смотримъ иначе, и то, что тогда казалось хорошимъ, святымъ, надъ тѣмъ теперь многіе посмѣиваются. Положимъ, и старость осмѣиваетъ тѣ пылкія увлеченія, которыми свѣтла юность. Но въ данномъ случаѣ для поздней ироніи есть и достаточно сильныя причины. Тогда нельзя было видѣть и предугадать даже то, что теперь ясно для всѣхъ. Какъ бы то ни было, въ то время царило нервное возбужденіе, всѣ были приподняты и настроены воинственно. Либерализмъ не мѣшалъ, ибо дѣло шло о свободѣ. Покойный А. Г. Ерошенко, павшій подъ Алексинацемъ 10-го августа 1876 года, былъ либераль, но онъ съ восторгомъ пошелъ бить враговъ сербовъ, потому что они были и враги—свободы, палачи ея... Молодой кандидатъ Спб. университета, А. Г. Ерошенко, не былъ зауряднымъ добровольцемъ, и ему нелишне посвятить нѣсколько строкъ. По словамъ покойнаго профессора Ор. Миллера, Ерошенко родился 12-го февраля 1851 года въ небогатой семьѣ, владѣвшей небольшимъ хуторомъ въ Полтавской губерніи. Рано лишившись матери, онъ съ сестрами остался на рукахъ отца и старухи тетки, которые видѣли въ мальчикѣ единственное свое утѣшеніе и надежду. Они любили его и баловали. Прежде чѣмъ попасть въ университетъ, Алексѣй Григорьевичъ побывалъ во многихъ заведеніяхъ. Кончивъ Роменское уѣздное училище, онъ поступилъ

въ Полтавскую гимназію, откуда, исключенный за дѣтскую шалость, перешелъ въ Нѣжинскій лицей. Съ званіемъ студента Нѣжинскаго лицея онъ переходитъ въ лицей Ярославскій, оттуда въ Петербургское военно-юридическое училище, а изъ него въ университетъ, который онъ окончилъ весной 1876 года.

Чрезвычайно даровитый, горячо преданный наукѣ, патриотъ въ самомъ благородномъ значеніи этого слова, А. Г. Ерошенко, безъ сомнѣнія, съ честью и пользой послужилъ бы родинѣ, но судьба рѣшила иначе.

Я познакомился съ Ерошенко у Сильчевского (если не ошибаюсь). Онъ сразу произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Онъ очаровалъ меня. Изъ А. Г., если бы онъ стался живъ, вышелъ бы самый пламенный народникъ, и, конечно, народникъ серьезный, не одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ только сладко пѣть о мужичкѣ или возводить въ культъ даже темныя стороны народной жизни. А. Г. сложился бы въ народника дѣятельнаго. Онъ и хотѣлъ посвятить себя изученію русскаго быта... Но вдругъ забурлило великое славянское море... На сцену явились униженные и оскорбленные, которые были всегда такъ близки сердцу пылкаго юноши. Онъ не утерпѣлъ. Онъ полетѣлъ къ нимъ. Сначала онъ поѣхалъ въ Сербію только въ роли корреспондента отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (Полетики), но онъ не могъ «писать и глядѣть», когда надо было дѣйствовать, когда кругомъ другіе умирали за свободу. Онъ бросилъ перо и кинулся въ бой. Пуля въ горло 10-го августа подъ Алексинацемъ прекратила эту молодую жизнь, полную надеждъ, навсегда угостила пылкое сердце, бившееся горячей любовью къ угнетеннымъ.

«Пчела» помѣстила портретъ Ерошенко, сдѣлавъ надпись сверху: «больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя». Затѣмъ въ журналѣ прошла цѣлая галлерея русскихъ добровольцевъ, отправившихся въ Сербію.

Поддавшись общему теченію, рѣшилъ ѣхать въ Сербію и нашъ пріятель Я. Зюбинъ, молодой техникъ.

Замѣчательно веселый человѣкъ, Зюбинъ любилъ повеселить и другихъ, какъ выражался онъ. Онъ иногда школьничалъ, какъ мальчикъ, а если принимался острить, такъ вся кампанія умирала со смѣху. Онъ обладалъ при этомъ еще поразительной силой, чѣмъ удивлялъ незнакомыхъ людей, потому что съ виду былъ худой, тощій субъектъ, про котораго можно сказать: «въ чемъ душа держится». И вдругъ такой лядащій человѣчекъ — богатырь!

Не могу сказать, на сколько помогъ Зюбинъ дѣлу «освобожденія братьевъ», но онъ получилъ тяжелую рану въ спину и просидѣлъ два мѣсяца въ турецкой крѣпости.

Если вѣрить его словамъ (а я не вижу, почему бы не вѣрить), то многіе наши «герои-добровольцы», которые потомъ красно пи-

сали о братушкахъ, въ свою бытность на войнѣ очень плохо обращались съ братушками и оставили въ нихъ не особенно лестное воспоминаніе о русскихъ благодѣтеляхъ.

Въ послѣдній годъ изданія «Пчелы» я въ ней работалъ уже мало. За весь годъ я помѣстилъ только нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно приобрѣло большую извѣстность, благодаря тому, что оно переложено госпожей Славянской на музыку и вездѣ распѣвается Славянскимъ: это—«А изъ рощи, рощи темной».

Для характеристики «нѣкоторыхъ нравовъ» я остановлюсь на этой пѣснѣ. Я написалъ пѣсню еще въ 1873 году и на столько забылъ, что когда услышалъ ее на концертѣ Славянскаго, то не призналъ даже сразу за свое твореніе.

— Хорошенькій мотивъ,— сказала мнѣ знакомая дама, съ которой я былъ въ концертѣ.

— Да, и слова какъ будто знакомыя... я гдѣ-то ихъ читалъ, должно быть... Гдѣ только?..

И вдругъ въ антрактѣ я вспомнилъ.

— Боже мой, да это же мои стихи... Въ «Пчелѣ» они были помѣщены...

— Да что вы?.. Неужели вы такъ могли забыть?— удивилась дама.

— Забылъ!..

Вѣроятно, еще и оттого, что въ переложеніи два первые куплета отброшены, и пѣсня начинается прямо со словъ: «А изъ рощи, рощи темной».

Я въ антрактѣ отправился къ Славянскому, который на память поднесъ мнѣ ноты. Не знаю, почему-то тамъ стояло: слова N. N.

Г. Суворовъ въ своихъ «Запискахъ о прошломъ» сообщаетъ, между прочимъ, что романсъ мой г-жей Славянской переложень въ Сибири, при обстоятельствахъ не совсѣмъ ординарныхъ. «Смѣлая и рѣшительная (пишетъ г. Суворовъ) О. Х. Славянская забирается въ самую глушь Восточной Сибири и разрѣшается отъ бремени въ дрянной деревушкѣ, безъ медицинской помощи. Кажется, уже смерть подходитъ къ ея изголовью, а въ ея артистическомъ сердцѣ въ эти страшныя минуты зарождаются звуки мелодичнаго романса: «А изъ рощи, рощи темной, пѣснь любви несется» («Русское Обозр.», 1894 г., сентябрь).

Утеравъ съ переѣздами ноты, подаренныя Славянскимъ, я зашелъ купить ихъ въ какой-то магазинъ (дѣло было въ Москвѣ).

Мнѣ подають. Гляжу—новая аранжировка моего романса, принадлежащая какому-то Имберду. Но слова приписаны уже какой-то М. Валуевой. Такъ прямо и сказано: слова М. Валуевой, муз. Имберда. Кто такая Валуева, я ея знаю, но зачѣмъ ей захотѣлось присвоивать себѣ чужой романсъ, уже напечатанный,—не могу понять. Вѣдь ложь всегда можетъ быть обнаружена. Или она,

на подобіе юноши, присвоившаго себѣ псевдонимъ Теофана Зяблова, тоже только пошутила?.. Но не въ этомъ дѣло. А я не могу понять слѣдующаго: зачѣмъ понадобилось въ переложеніи на музыку слово «сердце» замѣнять словомъ «она»? Пѣть приходится ѡна (дѣлая удареніе на ѡ), а, во-вторыхъ, и смысла не выходить. Я думаю, что подобное коверканіе текста вовсе не нужно. Вѣдь не коверкали другіе композиторы моего текста, напримѣръ, Арнольдъ, написавшій музыку къ стихотворенію: «Солнышко свѣтитъ и день на землѣ», Шенкъ, очень мило положившій на музыку мой романсъ: «Да, я вижу, дитя», или Алоизъ, остановившійся на моемъ стихотвореніи: «Ты свѣжа, какъ утро мая?».

Въ 1877—1878 гг. я писалъ особенно много стиховъ. Не мало ихъ было помѣщено въ дѣтскихъ журналахъ, въ «Пчелѣ», «Руси» Микѣшина (неудачная попытка издавать народный журналъ) и затѣмъ въ «Всемирной Иллюстраціи», «Дѣлѣ», «Недѣлѣ» и «Свѣтѣ» профессора Н. П. Вагнера, а также въ литературномъ прибавленіи къ «Русскому Міру» и въ «Нивѣ». Здѣсь кстати будетъ упомянуть о свѣтлой личности В. П. Попова, редактировавшаго тогда «Всемирную Иллюстрацію». Скромный, деликатный, но высокообразованный, Василій Петровичъ былъ полнымъ антиподомъ тѣмъ юнымъ выскочкамъ, которые, попавъ по капризу судьбы на редакторское кресло, начинаютъ третировать почтенныхъ и заслуженныхъ писателей. Одинъ изъ такихъ господъ (*nomina sunt odiosa*), напримѣръ, позволилъ себѣ такую милую выходку.

Приносятъ въ редакцію одного иллюстрированнаго журнала (нынѣ не существующаго) статью.

Редакторъ посмотрѣлъ на подпись и возвращаетъ.

— Почему?

— Мы печатаемъ только лицъ извѣстныхъ.

Каково было литературное образованіе редактора, если онъ къ числу неизвѣстныхъ отнесъ извѣстнаго всей интеллигентной Россіи блестящаго публициста!

В. П. Поповъ былъ не изъ такихъ. Онъ былъ настоящій литераторъ, умѣлъ составить кружокъ писателей около «Всемирной Иллюстраціи», и годы его редактированія надо по справедливости признать самыми блестящими годами журнала, который потомъ пошелъ было къ упадку и только съ недавняго времени (когда редакцію взялъ на себя опытный редакторъ П. В. Быковъ) снова поднялся на должную высоту.

Послѣ долгаго перерыва въ «Дѣлѣ» я дебютировалъ рассказомъ въ стихахъ «Маленькій герой», изъ герцеговинской жизни. Вторымъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ «Дѣлѣ», было «Въ забытомъ селѣ» и третьимъ «Акробатъ». За симъ шли мелкіе стихи. «Акробатъ» очень понравилось Шеллеру, и онъ писалъ мнѣ: «это стихотвореніе вамъ особенно удалось». Черезъ 3 года съ этой пьеской

случился курьезъ. Мнѣ ея не пропустили въ отдѣльномъ сборникѣ, изданномъ для дѣтей.

— Почему?—спрашиваю цензора.

— Помилуйте, вы хотите напечатать стихотвореніе М. Михайлова.

Тогда стихи М. Михайлова еще не были разрѣшены для отдѣльнаго изданія.

— Это мое, а не Михайлова.

— Нѣтъ-съ, его!

— Я лучше знаю.

— У него былъ «Акробатъ».

— Можетъ быть, но не это.

— Докажите!

Какъ я могъ доказать? Въ какомъ изданіи М. Михайловъ напечаталъ стихи, цензоръ не зналъ. Не зналъ и я. Я даже не увѣренъ, что у Михайлова дѣйствительно было стихотвореніе «Акробатъ». Такъ мой «Акробатъ» и былъ выкинутъ изъ сборника.

Въ «Недѣлѣ» я помѣстилъ нѣсколько стихотвореній. Одно изъ нихъ, «Встрѣча», посвященное учащимся женщинамъ и написанное вскорѣ послѣ открытія «Высшихъ женскихъ курсовъ», такъ понравилось покойному П. А. Гайдебурову, что онъ отмѣтилъ его въ своемъ фельетонѣ, а отъ женщинъ я получилъ болѣе десятка благодарственныхъ писемъ. Женщина вообще отзывчива. Когда я въ «Новостяхъ» (уже въ 1886 г.) помѣстилъ статью «Женщинѣ дорогу!»—женщины буквально засыпали меня письмами.

«Свѣтъ» профессора Вагнера едва ли имѣлъ большое распространеніе въ публикѣ. Но это былъ очень симпатичный и серьезный журналъ... Я случайно увидѣлъ № «Свѣта», онъ мнѣ понравился, я досталъ остальные №№, прочелъ и рѣшилъ, что надо попасть въ «Свѣтъ».

— Да, да, пора тебѣ въ «Свѣтъ» выѣзжать,—пошутилъ пріятель-учитель.

Я переписалъ два-три стихотворенія и зимой (или, вѣрнѣе, поздною осенью) отправился въ редакцію «Свѣта», т. е. въ квартиру Вагнера, въ зданіе университета. Я поѣхалъ вечеромъ, часовъ въ 7, съ рискомъ не застать редактора или быть непринятымъ въ такое позднее время.

Но на мой вопросъ:

— Дома ли баринъ? Можно ли его видѣть?

Горничная отвѣчала мнѣ, что баринъ дома, а можно ли видѣть его, она сейчасъ узнаетъ.

Н. П. принялъ и встрѣтилъ меня очень любезно.

Я подалъ стихи.

— Что же, я напечатаю,—сказалъ Н. П., пробѣжавъ ихъ.—Почемъ желаете?

Я назначилъ шаблонный четвертакъ.

Н. П. сосчиталъ строчки и вручилъ деньги. Это было очень кстати. Я хотѣлъ было сейчасъ же уйти, но любезный профессоръ оставилъ меня пить чай, и я просидѣлъ болѣе часа. Н. П. безпрестанно нюхалъ эфиръ, вѣроятно, у него болѣла голова... Онъ много говорилъ о литературѣ, и его замѣчанія, мнѣнія были чрезвычайно оригинальны и мѣтки. Коснулись одного критика, который тогда шелъ еще въ «пристяжкѣ», какъ говорится, а теперь держитъ себя коренникомъ и генераломъ въ одной изъ ежедневныхъ газетъ.

— Право, во всѣхъ его статьяхъ я не нашелъ ни одного умнаго слова,—простоудушно, но очень вѣрно замѣтилъ профессоръ.

Я ушелъ, очень довольный тѣмъ, что попалъ въ сотрудники «Свѣта» и познакомился съ талантливымъ авторомъ «Сказокъ Кота Мурлыки».

— Приносите еще, когда будутъ,—сказалъ Н. П., пожимая мнѣ руку на прощанье.

Черезъ мѣсяцъ я еще принесъ стиховъ, между прочимъ, «Новогодніе тосты», которые, не смотря на свою безобидность, не прошли въ двухъ мѣстахъ... Въ «Свѣтѣ» они прошли пѣликомъ.

Въ мартѣ слѣдующаго года я уѣхалъ въ Цигры, а когда вернулся оттуда, редакціей «Свѣта» завѣдывалъ уже Л. Е. Оболенскій, который скоро сдѣлался и полнымъ хозяиномъ журнала, переименовавъ его въ «Мысль».

Я совсѣмъ случайно познакомился съ Леонидомъ Егоровичемъ. Въ одной изъ осеннихъ книжекъ «Свѣта» шло мое стихотвореніе, принятое еще Вагнеромъ. Я отправился въ типографію продержать корректуру и тамъ встрѣтился съ новымъ редакторомъ.

Это былъ коренастый, плотный, невысокаго роста человѣкъ, который въ ту минуту, когда я вошелъ въ комнату, былъ весь углубленъ въ чтеніе гранокъ.

— Мнѣ бы просмотрѣть корректуру,—сказалъ я типографщику.

— А вотъ они читаютъ,—указалъ онъ на человѣка, который оказался Оболенскимъ.

Я назвалъ себя.

— А—а! очень пріятно! А я ваши стихи и читаю...

Л. Е. протянулъ мнѣ руку. Я присѣлъ, и мы разговорились.

Въ то время мы особенно не сблизились. Я заходилъ изрѣдка къ Л. Е., но только по дѣлу. Онъ жилъ скромно, и когда бывало ни зайдешь, всегда застанешь его за работой. Онъ писалъ очень много, большинство статей въ каждомъ № журнала принадлежало самому хозяину. Когда «Мысль» прекратилась, и Л. Е. купилъ «Русское Богатство», меня не было въ Петербургѣ. По возвращеніи на берега Невы, я встрѣтился съ Оболенскимъ въ «Пушкинскомъ кружкѣ», о которомъ стоитъ поговорить, и я поговорю

отдѣльно и подробно. Въ «Русскомъ Богатствѣ» я помѣстилъ всего одинъ разсказъ: «Бабье горе». Журналъ держался научнаго направленія, и беллетристика являлась въ немъ въ видѣ чего-то такого, что «было терпимо» и не считалось особенно важнымъ элементомъ. Журналъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе, но именно своимъ философско-научнымъ отдѣломъ и отчасти критическимъ (въ качествѣ критика г. Оболенскій иногда проявлялъ очень тонкое пониманіе и дѣлалъ оригинальные и мѣткіе приговоры). Беллетристика въ послѣднее время была только придаткомъ; редакція, видимо, дѣлала уступку требованіямъ тѣхъ читателей, которые безъ этого не стали бы подписываться на изданіе.

Съ 1887 года я уже не жилъ въ Петербургѣ, только время отъ времени пріѣзжалъ въ него по дѣламъ. Послѣ большого промежутка времени я встрѣтился снова съ Оболенскимъ въ Одессѣ, гдѣ, послѣ разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній, мы сошлись довольно близко съ Л. Е., котораго я всегда уважалъ, какъ честнаго писателя. Но о пребываніи своемъ въ Одессѣ, объ одесской журналистикѣ и очень интересныхъ явленіяхъ и типахъ ея я поговорю когда нибудь впослѣдствіи.

А теперь возвращаюсь къ зимѣ 1878 года.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, не задолго до поѣздки въ Щигры, я познакомился съ писателемъ, выпедшимъ изъ народа, М. А. Козыревымъ.

Когда-то въ Москвѣ кружокъ писателей-самоучекъ былъ очень многочисленъ. Во главѣ его стоялъ покойный И. З. Суриковъ, считающійся преемникомъ Никитина и пользующійся теперь посмертною извѣстностью, какой не достигли остальные члены кружка. Безспорно Суриковъ выше всѣхъ цѣлою головою: это признавали и всѣ члены кружка, изъ числа которыхъ надо отмѣтить Родіонова, обладавшаго несомнѣннымъ талантомъ, М. А. Козырева и А. Разоренова.

Родіоновъ умеръ очень молодымъ отъ чахотки, и я его ни разу не видѣлъ. Съ Разореновымъ я познакомился черезъ пріятеля и земляка Вл. Ал. Гиляровскаго (поэта и издателя «Спорта»), у котораго гостилъ въ Москвѣ въ 1882 году. Въ то время Гиляровский работалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ качествѣ хроникера. Онъ былъ замѣчательнымъ хроникеромъ, съ которымъ по части пріобрѣтенія новостей никто не могъ соперничать. Онъ зналъ всѣ закоулки Москвы. Вообще это очень оригинальная личность. Онъ жилъ и среди бурлаковъ, тянулъ съ ними барки, былъ и пластуномъ на войнѣ, служилъ и въ актерахъ. Силачъ, ловкій, онъ носился по Москвѣ въ своей буркѣ, какъ вихорь: утромъ вы его видите на одномъ концѣ города, въ полдень на другомъ.

Шутя про Гиляровскаго говорили: онъ наканунѣ знаетъ все, гдѣ что совершится. Вся Хитровка ему знакома... И нюхъ у него чертовскій, настоящій репортерскій: какъ гончая слышитъ дичь,

онъ за день чувствуетъ скандалъ, событіе... Онъ Шрейера за поясъ заткнетъ.

Да, серьезно, онъ лучше былъ Шрейера. Тотъ на половину вралъ, а Гиляровский почти никогда не ошибался въ своихъ репортерскихъ сообщеніяхъ. При этомъ онъ писалъ стихи, которые потомъ и издалъ сборникомъ. Въ немъ попадаются недурныя вещички. Настроеніе Гиляровскаго, какъ поэта, бодрое, въ противоположность большинству современныхъ «пѣвцовъ».

Онъ, по-моему, рожденъ быть корреспондентомъ, и на Западѣ, въ Америкѣ онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался бы знаменитымъ хроникеромъ. Въ Россіи еще не на столько развито газетное дѣло, чтобы такіе хроникеры цѣнились по достоинству...

— Хочешь познакомиться съ очень интереснымъ человѣкомъ? — спросилъ меня какъ-то Гиляровский.

— Конечно. Кто онъ?

— Поэтъ-самоучка.

— Фамилія?

— Разореновъ. Уже старикъ. Торгуетъ въ лавочкѣ.

Въ этотъ же день мы отправились къ поэту-торговцу.

Его лавочка была похожа на шкафчикъ. Самъ онъ — добродушный старикъ, сѣдой, очень симпатичный, разговорчивый, умный. Мы поговорили о томъ, о семъ, выпили бутылочку квасу вкуснаго, русскаго квасу, и простились съ поэтомъ. Я обѣщался зайти къ нему передъ отъѣздомъ, но не успѣлъ. Потомъ я еще раза два, пріѣзжая въ Москву, бывалъ у Разоренова. Незадолго до своей смерти, въ 1890 г. (когда я жилъ всю зиму въ Москвѣ), Разореновъ подарилъ мнѣ книжку свою («Продолженіе и окончаніе Евгенія Онѣгина, А. С. Пушкина») съ слѣдующею надписью: «молодому отзывчивому писателю, А. В. Круглову, въ знакъ уваженія къ его литературнымъ трудамъ, отъ самоучки-простеца-автора. А. Разореновъ. Москва, 27 апрѣля 1890 г.».

Стихомъ Разореновъ владѣлъ недурно (относительно, конечно), что видно хотя изъ слѣдующихъ стиховъ которыми начинается поэма:

Татьяна, жалкая Татьяна!
Еще ты любишь все тирана,
Который жизнь твою сгубилъ:
Твоей любви не оцѣнилъ,
Когда въ порывѣ увлеченья
Ему ты высказалась въ ней,
И онъ отвергъ безъ сожалѣнья
Весь юный пылъ души твоей,
Твои надежды и желанья,
Твои завѣтныя мечты,
И далъ тебѣ одни страданья.
Такъ губить юные цвѣты
Морозъ нежданный въ майски дни,

И вянуть бѣдные они..
 Настала ночь. Она въ волненьи,
 Въ постели грустная лежитъ,
 И вотъ въ ея воображеньи—
 Предъ ней Онѣгинъ все стоитъ:
 Вотъ онъ колѣни преклоняетъ,
 Блѣднѣетъ, плачетъ и дрожитъ,
 Какъ сильно бѣдный онъ страдаетъ!
 И робко въ очи ей глядитъ,
 Какъ полонъ горькою тоскою
 Его потухшій нѣжный взоръ!..
 Онъ, какъ преступникъ предъ судьбою,
 Себѣ ждетъ строгій приговоръ;
 Вотъ руку онъ ея беретъ,
 Цѣлуетъ пламенно и жметъ.
 И какъ, руки не отнимая,
 Она смотрѣла на него,
 Любви съ нимъ чувства раздѣляя,
 И упрекала какъ его.
 Плдутъ тяжелыя мгновенья;
 Ужъ полночь. Сонъ отъ ней бѣжитъ,
 А онъ, какъ будто привидѣнье,
 Въ мечтахъ предъ нею все стоитъ.
 И сердцу стало больно, больно,
 Сильнѣй раскрылись раны въ немъ,
 И слезы жаркія невольно
 Текуть изъ глазъ ея ручьемъ,
 Сильнѣй въ груди вскипѣла кровь,—
 Сильнѣй тоска, сильнѣй любовь...

«Конецъ Евгенія» по формѣ не вполне выдержанное произведение; попадаютъ стихи очень неудачные, но по содержанію романъ А. Разоренова, если смотрѣть на Онѣгина, какъ на натуру глубокоую, очень правдоподобенъ и довольно удаченъ.

Покойному Разоренову принадлежитъ всѣмъ извѣстная пѣсня «Не брани меня, родная, что я такъ его люблю». Поэтъ-самоучка обладалъ еще непонятной силой гипноза. Стоило ему упорно и долго смотрѣть на человѣка, какъ тотъ лишался силъ, изъ его рукъ все падало, и онъ самъ падалъ.

М. А. Козыревъ—одинъ изъ молодыхъ членовъ кружка самоучекъ. Онъ долгое время имѣлъ свой собственный кестоваренный заводъ въ Москвѣ, за Тверской заставой. Теперь онъ занимается извознымъ промысломъ и живетъ въ прекрасномъ собственномъ домѣ.

Это—типъ русскаго человѣка и по характеру и по наружности. Высокаго роста, плотный, дородный блондинъ, кровь съ молокомъ, что называется, М. А. Козыревъ на конкурсѣ національной русско-й мужской красоты могъ бы взять одинъ изъ первыхъ призовъ. Онъ и теперь таковъ, а въ 1878 году, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ писаннымъ русскимъ красавцемъ. Держался онъ и держится просто, порусски, одѣвается помосковски,

покупчески, и укладъ его жизни московскій и складъ его рѣчи — русскій, московскій. Онъ любитъ литературу, обладаетъ талантомъ, но говорить о себѣ не охочъ, о дарованіи отзывается небрежно и старается казаться болѣе торговымъ человѣкомъ, чѣмъ поэтомъ, писателемъ, хотя и продолжаетъ «творить» на досугѣ. Именно на досугѣ, ибо живетъ онъ, благодаря своему промыслу, которому и обязанъ всей матеріальной обстановкой. Онъ умѣлый торговый человѣкъ, котораго не обманешь. Стихи — стихами, а дѣло — дѣломъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурного. Напротивъ, даже желательно, чтобы писатель жилъ не на литературный заработокъ... Вынужденное творчество не нормальное. При обезпеченномъ положеніи лучше создавать и вынашивать свои произведенія. Хорошо и то, когда писатель не только кабинетный человѣкъ, а и человѣкъ жизни. Но, къ сожалѣнію, въ Козыревѣ торговый человѣкъ, кажется, начинаетъ побѣждать и убивать писателя... Въ 1878 году М. А. выпустилъ книжку «Изъ народнаго житья-бытья», встрѣченную очень благосклонно критикою. Затѣмъ появились его «Замоскворѣцкіе типы», и писатель замолкъ. Между тѣмъ, обладая симпатичнымъ, хотя и не крупнымъ, дарованіемъ, зная прекрасно народную жизнь, быть рабочаго, мелкаго промышленника, М. А. могъ бы съ пользой для общества работать на поприщѣ беллетристики, гдѣ часто подъ видомъ народной правды подносится выдуманная правда, сочиненная въ кабинетѣ.

Отправляясь въ Цигры, я далъ слово заѣхать къ М. А. Козыреву. Дорогой я познакомился съ однимъ финляндцемъ-офицеромъ, большимъ любителемъ русской литературы и очень интересующимся самоучками-писателями. Я прочелъ ему одно стихотвореніе Козырева. Оно ему понравилось, и онъ сказалъ, что непременно переведетъ его на финскій языкъ. Узнавъ, что я заѣду къ поэту, онъ попросилъ и его взять съ собой.

Я согласился, и мы прямо съ вокзала отправились къ М. А. Я забылъ точный адресъ, извозчикъ къ тому же еще сбился съ пути, и мы едва не замерзли въ полѣ (дѣло было въ морозный февральскій день). Мы уже повернули обратно въ Москву, но вблизи Тверскихъ воротъ попался солдатъ и кое-какъ объяснилъ намъ, гдѣ находится заводъ Козырева. Въ это время у поэта-самоучки былъ еще старый, маленькій домикъ, въ которомъ мы и нашли наконецъ радушный пріютъ, горячій чай и обильную закуску. Поздно вечеромъ уже поэтъ проводилъ меня на Курскій вокзалъ.

Въ этотъ разъ и мнѣ, и офицеру-финну хотѣлось познакомиться съ Суриковымъ.

Послали мальчика за нимъ въ лавку.

— Сейчасъ Иванъ Захарычъ придутъ, — принесъ отвѣтъ мальчикъ.

Прошло полчаса — нѣтъ поэта.

Опять послали за нимъ.

— Сейчасъ будутъ.

Нѣтъ его! Снова посланіе отъ М. А.: «иди, они уѣзжаютъ».

— Иванъ Захарычъ куда-то уѣхали.

Такъ мы и не видѣли поэта. Чѣмъ объяснить его столь странное поведеніе, не знаю. Мнѣ онъ незадолго передъ этимъ послалъ поклонъ и «спасибо» за разборъ его книжки стиховъ.

Суриковъ вскорѣ заболѣлъ и ѣздилъ лѣчиться на кумысъ. Я такъ и не видѣлъ поэта. Когда онъ умеръ, я помѣстилъ статью, посвященную его памяти, въ «Россіи», издававшейся Спичаковымъ.

Кстати: послѣ смерти И. З. Сурикова осталась прекрасная библіотека. Говорятъ, что жена (простая русская женщина) все продала за безцѣнокъ. Правда ли? Очень жаль, если это вѣрно, потому что покойный любилъ дѣлать свои замѣчанія на книжкахъ, читая ихъ. Нужды продавать не было: послѣ покойнаго поэта остался прекрасный домъ, лавка и капиталъ. Последнее изданіе стихотвореній Сурикова принадлежитъ извѣстному меценату Солдатенкову, который обогатилъ русскую литературу, въ качествѣ издателя, многими капитальными сочиненіями. К. Т. Солдатенковъ очень любилъ поэта; остается пожалѣть, что г. Солдатенковъ не приобрѣлъ библіотеки поэта и не принесть ея въ даръ какому нибудь учрежденію.

Вообще надо сказать, что самоучки-писатели, за исключеніемъ немногихъ, въ матеріальномъ отношеніи устроятся очень хорошо. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что они, съ одной стороны, меньше витаютъ въ идеальныхъ сферахъ, обладаютъ смѣткой и практической выдержкой русскаго простаго человѣка, а съ другой—потому, что умѣютъ до поры до времени жить очень скромно и, подкапливая, создаютъ себѣ будущую почву. Въ этомъ отношеніи у нихъ не мѣшаетъ поучиться, не боясь упрёка, какой дѣлаетъ одинъ критикъ писателямъ, пожелавшимъ обезпечить себѣ хотя скромныя похороны. Быть независимымъ для каждаго человѣка пріятно. Писателю независимость, быть можетъ, нужнѣе, чѣмъ всякому другому.

Шигры — это тотъ самый знаменитый городъ Шиши, который фигурируетъ въ романѣ Е. Маркова — «Черноземныя поля».

Городъ какъ городъ: и грязи много, и сплетня царитъ во всей красѣ. Библіотеки нѣтъ, трактиры благодушествуютъ.

Я пріѣхалъ къ родственникамъ погостить и отдохнуть отъ литературной работы. Но... сама жизнь заставила меня превратиться въ обличителя.

Замѣчательные почтовые порядки царили въ Шишахъ.

Надо вамъ купить марку: нельзя. Почтмейстеръ спитъ.

Надо деньги получить съ почты: ждите! Почему? Почтмейстеръ чай кушаетъ.

Не утерпѣлъ я и послалъ корреспонденцію въ «Будильникъ», въ которомъ я началъ работать еще при Н. Орловѣ, послѣ котораго редакція журнала перешла къ покойному Николаю Петровичу Кичееву.

Корреспонденція произвела сенсацію вдвойнѣ. Вышелъ курьеръ, какого и ожидать было нельзя.

За моей корреспонденціей шла корреспонденція изъ другого города, и въ этой корреспонденціи мѣстный хроникеръ сообщалъ о воровствѣ жены одного мѣстнаго дѣятеля, которую звали также, какъ и жену одного щигровскаго чиновника. Щигровская барыня, не разобравъ, что началась уже другая корреспонденція (хотя ясно былъ названъ другой городъ), обвинила меня въ клеветѣ.

— Васъ хотятъ привлечь къ суду,—сказалъ мнѣ родственникъ.

— За что?

Онъ сказалъ.

— Помилуйте, это другая уже корреспонденція!

Даму убѣдили. Она примирилась. Но фактъ остался. Какъ же читаютъ газеты шишовскія дамы?

Упомянувъ «Будильникъ», я скажу кстати уже нѣсколько словъ о немъ, о его порядкахъ и выскажу мнѣніе, которое давно просится подъ перо.

Когда-то «Будильникъ» наравнѣ съ «Искрой» имѣлъ большое значеніе и пользовался успѣхомъ. Положимъ, я согласенъ отчасти съ Воынскимъ, что наша сатирическая журналистика никогда не отличалась особеннымъ пуританствомъ, необходимой осторожностью. Бичуя настоящее зло, она не рѣдко переходила границы приличія, была налѣво и направо, зря, безъ разбора, задѣвая почтенныхъ дѣятелей и осмѣивая явленія, едва ли достойныя осмѣянія. Напримѣръ, Минаевъ, не отличавшійся большой разборчивостью, довольно грубо смѣялся надъ Полонскимъ, Фетомъ, не понимать которыхъ можетъ только человѣкъ, лишенный всякаго поэтического чутія. Но при всемъ этомъ между сатирическими и юмористическими изданіями прежнихъ лѣтъ и теперешними дистанція «огромнаго размѣра». И Курочкины, и Степановы—были литературные люди и не вербовали они себѣ сотрудниковъ съ улицы, съ борки и сосенки... Посмотрите, кто работалъ въ «Искрѣ»: Н. А. Добролюбовъ, М. Михайловъ, Некрасовъ, Щедринъ, Полонскій, Панаевъ, Мей, Максимовъ, Курочкины, Минаевъ, Вейнбергъ, Кроль, Жемчужниковъ. А теперь? Недавно еще одну московскую газету редактировалъ оцѣнщикъ изъ ломбарда, можетъ быть, очень хорошо понимающій толкъ въ драпѣ, но едва ли имѣющій право на оцѣнку литературнаго творчества. «Развлеченіе» Миллера, когда работалъ въ немъ Боборыкинъ, и «Развлеченіе» теперешнее, въ которомъ работаютъ писатели, для которыхъ литература столько же дорога, какъ любому хитровцу,—изданія весьма различныя.

Н. П. Кичеевъ былъ человѣкъ безспорно литературный, даровитый, но онъ не былъ человѣкомъ крѣпкихъ убѣжденій, многое осмѣивалъ безъ достаточнаго основанія, тѣмъ не менѣе онъ держалъ журналъ на той высотѣ, на которой долженъ стоять сатирическій литературный органъ, не желающій превращаться въ органъ. «Будильникъ» давалъ мѣткія каррикатуры и недурный текстъ. Въ немъ работали Граве, Трефолевъ, Пальминъ, Михневичъ, Ясинскій, Нилъ Адмирари, Суриковъ, Минаевъ, Ивановъ-Классикъ и др.

Въ личныхъ сношеніяхъ Кичеевъ, пользовавшійся большою популярностью въ театральномъ мірѣ, какъ рецензентъ, понимающій дѣло, былъ очень милъ, любезенъ, въ уходили отъ него очарованными. Но положиться на его слово было большою наивною. Онъ многое обѣщалъ и мало исполнялъ... Забывалъ онъ постоянно, при чемъ вывертывался очень дипломатически. Такъ какъ онъ не былъ хозяиномъ, а только редакторомъ, то расчеты съ сотрудниками ему причиняли немало хлопотъ. Ему приходилось скрываться, сказываться больнымъ и «заговаривать зубы» болѣе энергичнымъ литераторамъ. Съ дамами онъ бралъ изысканной любезностью и комплиментами, но, когда и это не помогало, онъ обращался въ бѣгство. Такъ, разъ одна дама очень энергично требовала гонораръ.

— Погодите... завтра, можетъ быть...

— Но вы уже два раза говорили: завтра... когда же?

— Что дѣлать! Нѣтъ денегъ.

— Какое мнѣ дѣло? Да и не правда! Издательница — богатая женщина, это всѣмъ извѣстно. Скажите ей, что я требую деньги... Дома она?

— Да... дома.

— Идите къ ней.

— Хорошо-съ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и... больше не возвращался.

Со мной онъ тоже разъ сыгралъ милую шутку.

Возвращаясь изъ Щигровъ въ Петербургъ, я зашелъ въ редакцію «Будильника».

Конечно, милая встрѣча.

— Стиховъ, стиховъ еще принесъ поэтъ! Радъ! Граве отъ вашего послѣдняго стихотворенія—въ восторгѣ. Не вѣрите? Читайте!

Онъ показалъ мнѣ письмо Граве.

— Это отлично,—сказалъ я,—но я за деньгами.

— Только не сегодня!

— Завтра?

— Завтра, черезъ день, но не сегодня... Сегодня послѣдній отдалъ Пальмину.

— Я завтра ѣду.

— Когда?

— Въ полдень.

— Отлично. Заходите въ 11-ть часовъ—деньги будутъ.

— Вѣрно?

— Клянусь тѣнью Пушкина!

Заѣзжаю на другой день.

— Николая Петровича нѣтъ дома,—сказала горничная.—А вотъ вамъ записка...

Читаю:

«Милѣйшій изъ поэтовъ и дорогой сотрудникъ «Будильника», деньги вамъ будутъ высланы на этой недѣлѣ въ Петербургъ: оставьте свой адресъ».

Что было дѣлать? Клялся тѣнью Пушкина, да вѣдь это ничего не значить. Оставляю адресъ.

Черезъ недѣлю въ Петербургъ получаю заказное письмо и въ немъ на 50 рублей гербовыхъ марокъ! Н. П. писалъ: «продайте кому нибудь, рублей 40 дадутъ».

И досадно и смѣшно!

Я немедленно вернулъ марки, прося выслать деньги. «Если мнѣ и придется судиться съ вами,—писалъ я,—то все же на 40 рублей марокъ очень много». Мое письмо было рѣзко.

Черезъ двѣ недѣли я, наконецъ, получилъ деньги при любезномъ письмѣ. При новой встрѣчѣ—ни слова объ инцидентѣ. Н. П. милъ, любезенъ и остроуменъ.

Кичеевъ былъ челоуѣкъ безспорно добрый, мягкій, готовый услужить. Онъ охотно покровительствовалъ дебютантамъ, молодымъ литераторамъ. Такъ онъ участливо встрѣтилъ молодыхъ поэтовъ А. Ѳедорова и А. Коринфскаго, которые теперь издали сборники стиховъ. Тогда они только что дебютировали и, конечно, нуждались въ поддержкѣ и добромъ словѣ. Жизнь поставила Кичеева въ ненормальныя условія; онъ былъ изъ тѣхъ, которые хотятъ видѣть въ ней водевилъ, а не драму. Тѣмъ не менѣе, она ему была перѣдко тяжелой драмой. Умеръ онъ скоропостижно въ поѣздѣ, мечтая объ осуществленіи одного журнальнаго плана.

Покойный не былъ сатирикомъ. Но юмористическая жилка у него была. Онъ писалъ остроумно, бойко, и у него явились подражатели, доведшіе легкій жанръ до переливанія изъ пустого въ порожнее. Впрочемъ, теперь трудно вести сатирическія изданія. Нельзя же сатирику повторять зады и бичевать урядника, или по поводу кражи трехъ рублей призывать громы небесныя на злодѣя... Болѣе талантливые люди это давно поняли и пробавляются легкимъ юморомъ, или сатиру со столбцовъ каррикатурныхъ журналовъ перенесли на газетныя столбцы. Это все-жъ удобнѣе. Но не только въ этомъ дѣло. Чтобы писать и эзоповскимъ языкомъ Щедрина, нужно обладать талантомъ и вѣрой. У большинства современныхъ обличителей нѣтъ ни таланта, ни «бога» въ душѣ.

Имъ дорогъ одинъ пятакъ, который можетъ подвинуть на пасквиль, на порнографію, но не способенъ зажечь въ душѣ огонь святого вдохновенія, пробудить въ сердцѣ праведный гнѣвъ.

Конецъ 1878 года былъ тяжелъ для меня.

Я простудился, купаясь въ морѣ, и схватилъ острое воспаленіе кишечника. Началось лѣчение; болѣе двухъ лѣтъ я былъ вѣрнымъ данникомъ латинскихъ поваровъ и эскулаповъ, а болѣзнь превратилась въ хроническую, продолжая мучить меня. Всѣ «прелести предыдущихъ лѣтъ», то-есть: жизнь въ сырыхъ подвалахъ, столваніе въ кухмистерскихъ и ночныя работы, сказались и принесли свои послѣдствія. «Мои нервы раскачались», и поднялись такія головныя боли, что я былъ готовъ биться головою о стѣну. Мнѣ было всего 26 лѣтъ, а въ волосахъ показалось серебро.

Совсѣмъ больной писалъ я свой первый рассказъ для «Русской Рѣчи». Это былъ «Бездипломный учитель»; я хотѣлъ нести его въ «Отечественныя Записки», но мнѣ понравилось внутреннее обозрѣніе въ январскомъ номерѣ «Русской Рѣчи», и я отправилъ рассказъ въ этотъ журналъ. Въ одинъ день со мною П. Волоховъ понесъ свой очеркъ къ Щедрину.

Его очеркъ понравился великому сатирику; мой рассказъ былъ принятъ въ «Русской Рѣчи». «Рассказъ вашъ превосходенъ,—писалъ мнѣ редакторъ «Русской Рѣчи»:—и я пушу его первымъ въ мартовскую книгу».

Это былъ первый мой рассказъ въ толстомъ журналѣ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ его появленія и того, какъ отзовется о немъ критика.

Она встрѣтила очень сочувственно. Критикъ журнала «Свѣтъ», изд. Вагнеромъ, сказалъ слѣдующее о первомъ моемъ дебютѣ: «Хорошій, теплый, прочувствованный рассказъ! На многія думы онъ наводитъ, много грустныхъ и свѣтлыхъ мыслей пробуждаетъ въ душѣ. Не лишенъ онъ и художественности и жизненной правды. Хорошій, положительно хорошій рассказъ, какихъ пишется въ послѣднее время немного. У Круглова есть то, чего нѣтъ у многихъ писателей: это искренней, задумчивой теплоты, чуждой напускнаго, искусственнаго прикрашиванія и утрировки, есть способность любить своихъ дѣйствующихъ лицъ, дать въ нихъ типичные образы, есть способность цѣльно слить чувство, идею и художественность. Для начинающаго повѣствователя это даже много».

Нѣкто Гингстъ, писавшій изъ Петербурга о русской литературѣ въ «Magazin fur die Litterature des Auslandes», такъ отозвался о «Бездипломномъ учителѣ»: «прекрасное молодое дарованіе. Онъ пишетъ отъ полноты души, чуждъ всякой искусственности, обладаетъ способностью влюбляться въ начерчиваемые имъ образы, давать имъ типическія формы».

Критика провинціальныхъ изданій также отзывалась очень одобрительно и даже восторженно о моемъ «Бездипломномъ учителѣ».

Конечно, я былъ очень доволенъ. Удачный дебютъ (а въ толстой журналистикѣ очеркъ былъ моимъ дебютомъ) много значить. Окрыленный и ободренный принялся я писать второй очеркъ.

Когда я принесъ его редактору «Русской Рѣчи», онъ передалъ мнѣ, что мой первый рассказъ очень понравился одному изъ нашихъ заслуженныхъ (а не мельхиоровыхъ) корифеевъ художественной литературы. Это было для меня уже настоящей наградой.

Съ мая 1879 года я дѣлаюсь постояннымъ сотрудникомъ «Русской Рѣчи».

Александръ Кругловъ.

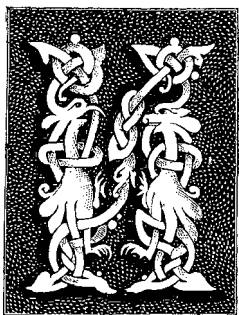

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ¹⁾

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

I.

Въ Тиму.—Взглядъ на корреспонденціи провинціальныхъ читателей.—Маленькое разсужденіе.—«Русскій Міръ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости».—Моя первая статья въ «Новостяхъ».—О пріютѣ и квартирѣ для литераторовъ.—Крестьянинъ-поэтъ С. Д. Дрожжинъ.—Разсказъ охотника о Некрасовѣ.—«Сицилистъ» въ деревнѣ.—С. Дрожжинъ у московскаго генералъ-губернатора.—Нѣсколько словъ о «Русской Рѣчи».—Лѣто 1879 года.—Мои первыя двѣ книги для дѣтей.—Критика о нихъ.—Наши субботы.—Поэтъ-богачъ.—Лже-Альбовъ.—В. К. Мюрь.—Мечты объ изданіи газеты.—Художникъ А. А. Наумовъ.—Д. Н. Садовниковъ.—Татьяна Петровна Пассекъ и ея журналъ «Игрушечка».—«Игрушечка» въ новыхъ рукахъ.

ЗЪ ЩИГРОВЪ, гдѣ я гостилъ у моего родственника И. А. Спельта, я отправился къ его отцу въ Тимъ. Трудно рѣшить, который изъ двухъ городковъ лучше или хуже. Оба грязны, оба скучны. Въ томъ и другомъ развита картежная игра, всесильна сплетня. Книга, особенно серьезная, въ пренебреженіи. Бульварный романъ еще, пожалуй, интересуется. Я говорю о томъ, что было. Конечно, «тройка», о которой упоминаетъ Гоголь, мчится быстро, но едва ли настолько быстро, чтобы въ 15—16 лѣтъ жизнь сильно измѣнилась. Относительно картъ и книгъ она пошла даже назадъ. Теперь

¹⁾ Предыдущія главы воспоминаній А. В. Круглова, подъ заглавіемъ: «Наканунъ», «Первые шаги» и «О живыхъ и мертвыхъ».—напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1894 года.

въ карты играютъ съ увлеченіемъ юноши и молодыя дѣвицы. Ни одинъ изъ журъ-фиксовъ не обходится безъ картъ. Въ этомъ отношеніи писатели не уступаютъ обыкновеннымъ смертнымъ. Соберутся литераторы и скучаютъ, пока не раскроются ломберные столы. Какъ-то спрашиваю нашего талантливаго «вѣчнаго странника», Вас. Ив. Немировича-Данченка:

— Отчего вы не бываете на журъ-фиксахъ у NN?

— Чтò тамъ дѣлать? Въ карты я не играю... а тамъ все дѣло въ винтъ.

Онъ былъ правъ. Вотъ вамъ и литературные журъ-фиксы!

Лѣтъ 15—20 тому назадъ, въ Вологдѣ, напримѣръ, молодежь много читала, брала на расхватъ серьезныя книги. Теперь молодежь предпочитаетъ пиво.

Неужели «тройка» повернула назадъ?

Однако, не буду «философствовать», обращаюсь къ фактамъ и продолжаю разсказъ.

Въ Тиму газету читали охотнѣе, чѣмъ книгу. Въ газетахъ искали сенсационное, даже прямо бьющее на скандалъ.

На другой же день моего пріѣзда въ Тимъ, старикъ-Спельтъ сказалъ мнѣ, подавая «Современныя Извѣстія»:

— Вотъ вамъ газетка... сегодня особенно интересна.

— Почему?—спросилъ я.

— Н—иху пробрали. Отлично ее описали! Вообще забористо пишеть онъ...

— Значить корреспонденція изъ Тима?

— Нѣтъ, фельетономъ пущено.

— Но сказано, что изъ тимской жизни?

— Нѣтъ, какъ можно!

— Почему же вы узнали, что это о вашемъ городѣ?

— Ясно. Всѣ факты, имена тѣ же самыя или слегка измѣнены. А обстановка, лица—какъ фотографія! Всѣ подробности семейной жизни.

— Тогда это—пасквиль!—сказалъ я.

— Ну... просто раскритиковалъ... Пробралъ!.. Интересно... И вѣрно... ужъ что вѣрно—могу поручиться... Всѣ знаютъ... Гласность, батюшка, не то, что прежде... Чтò не такъ—сейчасъ въ газету!

— Но это никому неинтересно.

— Чтò вы, какъ неинтересно!.. Вотъ была тоже статейка про нашу старушку одну: ей 65-ть лѣтъ, а она влюбилась въ 23-лѣтняго, на свиданіе ходила... умора! Ее описали... такъ газету-то съ руками рвали, номеровъ 25, а то и всю полсотню выписали!

— Это не задачи печати. Газета не сплетница. У корреспондента другія задачи.

— О чемъ же ему писать?—изумленно спросилъ тимецъ.

— О томъ, что имѣетъ общественное значеніе. Напримѣръ, вопросы экономическіе...

— Э,—перебилъ Спельтъ:—это—скучно. Кто станетъ объ этомъ читать? Одинъ, было, началъ такъ-то, да никто не читалъ, и газета перестала печатать, что ей: никто не выписываетъ! А тутъ, глядишь, полсотенки и наберется номерковъ...

Вотъ гдѣ разгадка того, что большинство газетъ печатаетъ только «интересныя корреспонденціи», а письма, въ которыхъ поднимаются серьезные вопросы, не попадаютъ на газетныя страницы. Издатели стараются угодить читателямъ. Явился и новый читатель, которому всецѣло служатъ столичныя уличныя газетки, да и большія—въ провинціи. Для «приличія» онѣ имѣютъ также и серьезные отдѣлы, приглашаютъ въ сотрудники и писателей, но центромъ газеты является балаганъ, главными силами—тѣ забавники, которые исполняютъ въ газетѣ роль цирковыхъ клоуновъ... Раза два въ годъ напечатаютъ и письма о школахъ, о больницахъ, etc. Но сила вся въ корреспонденціяхъ, въ которыхъ описываются убійства, скандалы и пикантныя событія. Невольно вспоминаются слова А. М. Коробова: «работайте для общей цѣли, пропускайте тѣ явленія, которыя мелки. Работайте для общей идеи, поднимайте читателя, будите въ немъ душу. И тогда будетъ царство Христа на землѣ».

Голоса этихъ идеалистовъ смолкаютъ. Ихъ перекрикиваютъ голоса тѣхъ, которымъ надо собрать побольше пятаковъ, создать свое благополучіе хотя бы путемъ развращенія и нравственнаго растлѣнія читателя—для нихъ все равно... Не ужасно ли такое явленіе?

Изъ Тима я послалъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» небольшой эскизъ «Въ госпиталѣ» и стихотвореніе «Смерть героя»—въ «Русскій Міръ», издаваемый тогда г. Раппомъ. Стихи были мною написаны подъ впечатлѣніемъ одного сербскаго разсказа въ 1876 году и отданы въ «Пчелу». Но цензура, по своей склонности къ излишней подозрительности, не пропустила стихотворенія. Я послалъ въ «Будильникъ», гдѣ стихамъ также не пришлось увидать свѣта, благодаря красному карандашу. Наудачу я послалъ въ «Русскій Міръ», который издавался безъ предварительной цензуры и притомъ «дерзаль». Стихи были напечатаны. Вотъ начало ихъ:

Какъ истинный герой—онъ встрѣтилъ приговоръ.

И твердой поступью онъ шелъ на мѣсто казни,

И ни лицо его, ни кроткій, свѣтлый взоръ

Не обнаружили ни муки, ни боязни.

Въ «Русскомъ Мірѣ» я помѣстилъ еще нѣсколько стихотвореній, бібліографическихъ статей и отрывокъ изъ этнографическаго труда, который потомъ вышелъ отдѣльной книгой, подъ названіемъ «Лѣсные люди» ¹⁾.

¹⁾ «Лѣсные люди», очерки и впечатлѣнія. Спб., 1887 годъ, изд. Федорова, цѣна 60 коп.

Съ «Русскимъ Міромъ» я началъ сношенія еще въ то время, когда имъ завѣдывалъ Ѳ. Н. Бергъ, оставившій тогда «Ниву», редакція которой перешла къ извѣстному романисту Дм. Ив. Стахѣву. Однажды, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я зашелъ въ редакцію «Русскаго Міра» съ предложеніемъ посылать путевыя письма. Для объясненій со мной вышелъ А. Н. Молчановъ, получившій потомъ громкую популярность въ качествѣ корреспондента «Новаго Времени». Какую роль въ редакціи игралъ А. Н. Молчановъ—я не знаю. Онъ сказалъ мнѣ только, что «скоро уѣзжаетъ», и просилъ зайти для переговоровъ черезъ нѣсколько дней. Я уѣхалъ въ Курскую губернію, а когда вернулся—засталъ хозяиномъ газеты г. Раппа, ближайшимъ сотрудникомъ котораго и соредакторомъ по изданію состоялъ извѣстный теперь публицистъ г. Слонимскій. Тогда это былъ еще очень молодой человѣкъ, скромный, застѣнчивый, всегда любезный. Онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и я любилъ изрѣдка заходить въ редакцію перемолвиться словечкомъ. На С—омъ лежала почти вся главная работа по газетѣ. «Русскій Міръ» шелъ не бойко, терпѣлъ «извѣстное давленіе», денежныя дѣла газеты находились не въ блистательномъ положеніи. Въ редакціи «Русскаго Міра» я познакомился съ С. А. Венгеровымъ, писавшимъ въ газетѣ литературные фельетоны. Онъ тогда еще только что выступилъ на литературное поприще, на которомъ занялъ теперь прочное и почетное положеніе.

Очеркъ «Въ госпиталѣ» былъ охотно принятъ «С.-Петербургскими Вѣдомостями». Послѣ личнаго свиданія съ В. В. Комаровымъ, я получилъ отъ него предложеніе принять болѣе дѣятельное участіе въ газетѣ. Я охотно согласился. Я помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько статей, усердно работалъ по отдѣлу библіографіи, напечаталъ двѣ передовыя статьи («Къ вопросу о русскомъ сѣверѣ» и «Грамотность и просвѣщеніе») и написалъ очеркъ «Высшіе женскіе курсы», который былъ набранъ по приказанію Усова, завѣдывавшаго редакціей, но въ газету не попалъ, потому что г. Комаровъ нашелъ очеркъ неподходящимъ къ направленію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Помню, между нами возникъ споръ. Издатель былъ противъ «курсистокъ», основываясь на словахъ какого-то знакомаго человѣка, а я опирался на показанія извѣстнаго профессора и руководителя курсовъ Бестужева-Рюмина, къ которому нарочно ѣздилъ прежде, чѣмъ писать статью. Этотъ споръ уже нѣсколько охладилъ наши отношенія, а затѣмъ моя замѣтка, подчеркивающая отрицательныя стороны классическаго образованія, явилась причиной полнаго нашего разрыва. Замѣтка была напечатана въ отсутствіе Комарова, который придалъ ей «извѣстное значеніе», и мое сотрудничество въ газетѣ прекратилось. Все это произошло давно. Относясь къ дѣлу безпристрастно, я не могу считать себя вполне пра-

вымъ. Съ моей стороны это было просто юношескимъ задоромъ, бравадой: возставать противъ классической системы—въ органѣ, такъ или иначе причастномъ къ министерству народнаго просвѣщенія. У молодости есть свои «грѣхи».

Впослѣдствіи этотъ «инцидентъ» былъ забытъ и между мной и В. В. Комаровымъ возстановились хорошія отношенія. Въ «Звѣздѣ», которую онъ издавалъ потомъ, я помѣстилъ нѣсколько стихотвореній.

Статью «Вышіе женскіе курсы» я снесъ (въ гранкахъ) въ «Новости», которыя тогда еще не были той большой газетой, какой стали впослѣдствіи. О. К. Нотовичъ изъявилъ полное согласіе на помѣщеніе статьи въ своемъ изданіи. Наши взгляды на предметъ вполне сошлись. Здѣсь кстати замѣтить, что въ 1876 году я написалъ статью, въ которой проводилъ мысль о необходимости устроить пріютъ для больныхъ и престарѣлыхъ литераторовъ и высказывалъ желаніе, чтобы Литературный фондъ пріобрѣлъ домъ, въ которомъ писатели нанимали бы квартиры на удобныхъ условіяхъ. Я подробно развивалъ мысль, детально разработавъ свой проектъ. Эта статья редакціей «Новостей» была признана «неудобной» и самая мысль неподходящей. Я и теперь думаю, что правда на моей сторонѣ, и съ большимъ нетерпѣніемъ жду, какъ осуществится отчасти эта мысль въ устраиваемомъ пріютѣ отъ казны. А пора позаботиться самимъ литераторамъ о себѣ и позаботиться такъ, чтобы не было нищихъ-писателей, умирающихъ въ углахъ и даже на улицѣ. На спокойную старость имѣетъ право каждый труженикъ слова, честно работавшій долгіе годы на своемъ посту, а не только выдающіеся таланты и писатели съ «почетной извѣстностью», которымъ предполагается давать государственныя пенсіи. Подобное «распредѣленіе» дѣятелей слова должно породить не мало недоразумѣній, щекотливыхъ вопросовъ и, пожалуй, нарушить справедливость.

Помѣстивъ статью о женскихъ курсахъ, я началъ писать для «Новостей» очеркъ изъ учительскаго быта, но въ это время у меня завязались сношенія съ «Русскою Рѣчью», и ей я посвятилъ всѣ мои силы, если не считать небольшого участія въ дѣтскихъ журналахъ. Къ «Новостямъ» я примкнулъ уже гораздо позже (1886 г.).

«Русская Рѣчь» играла большую роль въ моей литературной карьерѣ.

Въ этомъ журналѣ я серьезно дебютировалъ въ роли беллетриста, въ немъ помѣстилъ рядъ очерковъ и рассказовъ, обратившихъ на себя вниманіе критики, заслужившихъ одобреніе тѣхъ, мнѣнія которыхъ для меня всегда были дороги и особенно были цѣнны на первыхъ порахъ,—цѣнны, какъ ободряющая рѣчь учителя, какъ санкція моихъ трудовъ. Съ этого времени я преимущественно посвящаю себя беллетристикѣ, и съ этого же времени круто измѣ-

няется мое матеріальное положеніе. Я принужденъ попрежнему жить литературнымъ трудомъ, но почва становится тверже и трудъ даетъ обезпеченіе. Несмотря на всѣ случайности и колебанія, которыхъ не чужда жизнь всякаго писателя, не имѣющаго «наслѣдственного», хорошаго служебнаго мѣста, или «ворожащей бабушки» — все-таки ужасы прежней жизни навсегда (я не загадываю о будущемъ) отходятъ въ область преданія. Всѣмъ этимъ я обязанъ «Русской Рѣчи», отношенію ко мнѣ ея редакціи. Но прежде чѣмъ говорить о моемъ сотрудничествѣ въ этомъ журналѣ (насколько это возможно), я хочу познакомить читателя съ крестьяниномъ-поэтомъ, Спиридономъ Дмитріевичемъ Дрожжинымъ, съ которымъ я сошелся ближе именно въ концѣ 1878 года.

Стихотворенія Дрожжина вышли уже вторымъ изданіемъ. Разумѣется, Дрожжинъ не Кольцовъ и не Никитинъ, даже и не Суриковъ, но надо взять во вниманіе и то, что Дрожжинъ почти всю жизнь находился въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, мѣшавшихъ развитію его таланта. Такихъ условій не было ни у кого изъ названныхъ поэтовъ. Только просвѣты и давали возможность Дрожжину отдѣлывать сколько нибудь свои стихи, непосредственно выливавшіяся изъ наболѣвшей души въ минуты горя и въ тяжелые годы жизни. Надо помнить еще и то время, когда выступилъ, напримѣръ, Никитинъ. То было время горячее, эпоха пробужденія, особеннаго интереса «мужичкомъ». Теперь не то. Конечно, Никитинъ былъ и образованнѣе, и талантливѣе на цѣлую голову не только Дрожжина, но и Сурикова. Зато у Никитина было и счастливое преимущество: говорить впервые о томъ, о чемъ снова пришлось повторять хотя бы тому же Сурикову. Можетъ быть, поэзія Дрожжина и не достаточно ярка, но она вся проникнута искренностью («въ стихахъ, какъ въ началѣ своихъ опытовъ, такъ и послѣ, я не могъ насиловать своего чувства»), — пишетъ въ дневникѣ Дрожжинъ), теплотой, правдой и любовью къ брату. Въ ней нѣтъ той дѣланности, которою отличаются стихи многихъ поэтовъ, и положеніемъ и душой далекихъ деревнѣ, но находящихъ нужнымъ писать о ней. Дрожжину деревня дѣйствительно близка и родна. Наконецъ, самая жизнь самоучки-поэта очень интересна во многихъ отношеніяхъ; вотъ почему я хочу коснуться ея, пользуясь и записками самого поэта.

С. Д. Дрожжинъ родился 6-го декабря 1848 года, въ деревнѣ Низовкѣ, Тверской губерніи (и уѣзда). Дѣдъ поэта былъ временно-обязанный крестьянинъ Г. М. Безобразова. Отецъ поэта, человѣкъ грамотный, проявлялъ способность къ рисованію, но, конечно, эта способность была заглушена жизнью. Онъ служилъ то лакеемъ, то кучеромъ, то извозчикомъ. Будущій поэтъ росъ безъ отца, на рукахъ матери, дѣда и бабушки, которымъ и обязанъ своимъ воспитаніемъ. Семья очень нуждалась. Отецъ, жившій на чужой сторонѣ, ничего не помогалъ. «Помнится, — рассказываетъ Дрожжинъ, —

разъ передъ Рождествомъ бабушка замѣсила и поставила послѣднюю квашонку; продать или заложить было нечего». Дожло до того даже, что старый дѣдъ пошелъ собирать по міру и милостыней жили всю зиму.

У мальчика рано пробудилась любовь къ грамотѣ, но только десяти лѣтъ попалъ онъ въ ученіе къ дьячку. Ученіе продолжалось не долго. На двѣнадцатомъ году Дрожжінъ былъ увезенъ въ Петербургъ двоюроднымъ дядей и опредѣленъ «въ мальчики», при черной половинѣ одного трактира. На обязанности мальчика лежало прислуживать мастеровымъ и ломовымъ извозчикамъ, постояннымъ посѣтителемъ заведенія. «Я долженъ былъ угождать пьянымъ половымъ гостиницы,—разсказываетъ Дрожжінъ:—выслушивать ихъ брань, выносить тяжелые побои и быть на ногахъ отъ 4 час. утра до 12-ти ночи, послѣ 12-ти мыть полы, слѣдовательно спать не болѣе 3-хъ часовъ въ сутки».

Мальчикъ получалъ на «чай» и эти деньги шли на покупку книгъ и разрозненныхъ №№ журналовъ. За чтеніе Дрожжину сильно доставалось. Буфетчикъ такъ билъ его, что голова пухла. Но скоро буфетчикъ смиростивился. Ему понравился голосъ Дрожжина и онъ заставлялъ мальчика пѣть пѣсни. Пѣніе смягчало буфетчика, звѣря превращая въ человѣка.

Изъ гостиницы, послѣ 19-го февраля 1861 года Дрожжінъ поступаетъ въ табачную лавку; служа здѣсь, онъ посѣщаетъ театръ, покупаетъ книги.

Въ 1865 году, начитавшись «Искры», Дрожжінъ пробуетъ самъ написать что нибудь. Первое его стихотвореніе заканчивалось слѣдующими строчками:

Локомотивъ вдругъ застучалъ
И въ Петербургъ меня умчалъ.
И вотъ теперь ужъ пятый годъ
Я милыхъ сердцу не видалъ.

Побывавъ на родинѣ, Дрожжінъ поступаетъ на службу въ торговый домъ Габай и Мичри, продолжая всѣ деньги, остающіяся отъ удовлетворенія первыхъ нуждъ, тратить на книги. Онъ пріобрѣтаетъ Кольцова, Никитина, Шевченка и др. Съ 1867 года онъ ведетъ дневникъ, который мѣстами очень любопытенъ. Его значеніе въ томъ, что онъ писался не для печати. Самый тонъ—наивный и простодушный—подкупаетъ васъ.

Дальнѣйшая судьба Дрожжина—полна превратностей. То онъ служитъ и кое-какъ обезпеченъ, то остается безъ мѣста, голодный бродить по улицѣ и ночуетъ на гранитныхъ спускахъ набережной Большой Невы, на Адмиралтейскомъ бульварѣ и въ Александровскомъ паркѣ. Такой вопіющей нужды не приходилось испытывать ни Кольцову, ни Никитину, ни Сурикову. Ночуя на улицѣ, юноша

дни, впроголодь, проводить въ Публичной библіотекѣ, читая Добролюбова. На это способна только здоровая молодость!

Въ 1870 году Дрожжинъ рѣшается послать нѣсколько стихотвореній въ редакцію «Иллюстрированной Газеты». Ея редакторъ, почтенный писатель, самъ поэтъ и человѣкъ съ отзывчивой душой—Влад. Рафаиловичъ Зотовъ, пишетъ юному поэту слѣдующее: «стихи слабы, невыдержаны и не отдѣланы и потому не могутъ быть напечатаны; но авторъ можетъ писать и впослѣдствіи печатать, если будетъ избѣгать избитыхъ сюжетовъ и общихъ мѣстъ, а—главное—будетъ строгъ къ себѣ и будетъ тщательно отдѣлывать стихи».

Жизнь не улыбается Дрожжину. Онъ живетъ въ углу, въ самой ужасной обстановкѣ, продолжая читать и писать... Судьба снова опредѣляетъ его въ трактирные служителя. Потомъ онъ ѣдетъ домой, попадаетъ въ Москву, служитъ одно время лакеемъ у помѣщика И. К. В., оставляетъ мѣсто, снова попадаетъ въ Москву, гдѣ чуть не женится, и—дебютируетъ въ «Грамотеѣ» стихотвореніемъ «Пѣсня про горе добра-молодца». Но нужда бьетъ, и Дрожжинъ снова на службѣ лакеемъ. Однако, не выносить ее и бѣжитъ въ Петербургъ, откуда съ какимъ-то армяниномъ отправляется въ качествѣ его приказчика въ Ташкентъ. Тамъ не везетъ ему. Не безъ труда добирается онъ до родины и въ 1875 году женится на крестьянской дѣвушкѣ Маріи Чуркиной. Въ слѣдующемъ году онъ поступаетъ въ школу молочнаго хозяйства Н. В. Верещагина. Поэтъ съ добрымъ чувствомъ вспоминаетъ это время. Въ школѣ онъ главнымъ образомъ занимался изученіемъ скотоводства, сыроваренія и жилъ въ отведенной ученикамъ комнатѣ. «Въ свободные часы изъ библіотеки Верещагина я бралъ книги, набрасывалъ стихи,—сообщаетъ поэтъ въ запискахъ.—Верещагинъ, узнавъ о моемъ авторствѣ, приглашалъ меня къ себѣ въ домъ и знакомилъ съ гостями». Здѣсь Дрожжинъ познакомился съ писателемъ изъ народа С. Я. Деруновымъ, который не мало потрудился и въ качествѣ земскаго дѣятеля.

Дѣла Верещагина пошли плохо, и ученики были распущены. Дрожжинъ отправился въ Петербургъ, гдѣ опять поступилъ на службу въ табачный магазинъ, а жена поэта опредѣлилась къ хозяину въ прислуги. Въ дневникѣ отъ 5-го августа поэтъ пишетъ: «Когда-то я читалъ «Подлиповцевъ» Рѣшетникова, и теперь читаю ихъ въ собраніи сочиненій. Какая страшная правда! Рѣшетниковъ вполнѣ и истинно-народный писатель! Мнѣ кажется, его книга въ будущемъ прочтется каждымъ грамотнымъ крестьяниномъ.—7-го августа. Какъ хорошо бы намъ жилось, если бы изъ насъ сильные не обижали слабыхъ. «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліе исповѣмы»,—что значитъ: братья и сестры, безъ различія религіи и народности, соединимся въ одну семью и будемъ жить, какъ одинъ человѣкъ. Вотъ гдѣ предѣлъ человѣческому стре-

мленію къ счастію на землѣ». 29-го декабря онъ описываетъ смерть Некрасова, котораго поэтъ нашъ всегда любилъ. Здѣсь кстати будетъ привести рассказъ о Некрасовѣ одного крестьянина, который часто ходилъ на охоту съ авторомъ «Коробейниковъ». За этотъ рассказъ, имѣющій значеніе для характеристики Некрасова (на котораго нападали очень много, выставляя его лицемѣрную любовь къ народу и сердечную сухость), конечно, отвѣтственность всецѣло лежитъ на Дрожжинѣ. Вотъ что передаетъ онъ.

— «Мы отправились на охоту съ Макарычемъ. Долго мы шли молча, а потомъ разговорились объ охотѣ въ новгородскихъ лѣсахъ и объ охотникахъ въ особенности. Макарычъ сильно воодушевился и, перебравъ въ памяти, махая одностволкой, множество знакомыхъ охотниковъ, вдругъ громче обыкновеннаго проговорилъ:

— А никогда не было лучше и веселѣй охоты, какъ съ покойнымъ нашимъ батюшкой—царство ему небесное!—Николай Алексѣичемъ Некрасовымъ!

— Ты развѣ его зналъ?

— Еще бы, моего благодѣтеля-то, Николая-то Алексѣича, да не знать,—Господи Іисусе! Братъ мой, Иваномъ звали, тоже теперь покойникъ, служилъ у него камердинеромъ, а я егеремъ много разъ сопровождалъ его на охоту. Собакъ это у него было разныхъ—сколько! Собаки все ученыя, одна другой лучше.

— Какъ же ты это мнѣ, Макарычъ, раньше не говорилъ, что зналъ Некрасова?

— Поди-жъ ты, никогда вѣдь не приходило мнѣ, старому дураку, объ этомъ и въ голову-то, а вотъ пришлось теперь къ слову и вспомнилъ.

— Расскажи же мнѣ, что знаешь о Некрасовѣ,—упрашивалъ я, чрезвычайно заинтересованный знакомствомъ съ нимъ Макарыча.

Мы вошли въ березовый лѣсъ, который стоялъ неподвижно, весь пронизанный золотыми лучами полуденнаго солнца. Макарычъ, точно боясь нарушить его спокойствіе, откашлялся нѣсколько разъ въ ладонь и началъ:

— Я сопровождалъ на охоту Николая Алексѣича большею частью въ Тихвинскомъ уѣздѣ, въ зимнюю пору, и жилъ обыкновенно въ своей деревнѣ, а когда онъ, бывало, собирался на эту самую охоту, то всегда за нѣсколько дней до своего приѣзда изъ Питера писалъ мнѣ, чтобъ я встрѣтилъ его въ такой-то день на станціи и приготовилъ лошадей. Эти записки я и теперь храню дома въ шкатулкѣ на память. Подписывался онъ подъ ними всегда неполной фамиліей, а только двумя буквами: Н. Н.

Братъ мой, Иванъ, постоянно находился у него при имѣніи въ Ярославской губерніи, и баринъ въ немъ, какъ и во мнѣ, души не чаялъ. Разъ у Ивана, когда Некрасовъ жилъ въ Петербургѣ, рублей на 800 украли господскихъ вещей.

Пріѣзжаетъ баринъ, видитъ по лицу брата, что нибудь у него да не ладно, и спрашиваетъ:

— Что съ тобой, Иванъ?

Иванъ объяснилъ въ чемъ дѣло. Некрасовъ на это только улыбнулся да и говорить:

— Есть о чемъ тревожиться, а я думалъ и Богъ вѣсть что случилось. Ну, Иванъ, воръ, который укралъ, навѣрное не разбогатѣетъ, а я теперь въ состояніи пріобрѣсти украденныя вещи.

Какъ сейчасъ вижу его, покойника! На охоту онъ всегда одѣвался въ тулупъ на волчьемъ мѣху и въ такую, какъ у васъ на портретѣ при его сочиненіяхъ, большую шапку, и опоясывался шелковымъ кушакомъ. Вотъ разъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими господами, прибывшими съ нимъ, поѣхали на охоту; мы съ баринкомъ ѣдемъ впереди всѣхъ; дорога ухабистая-разухабистая; онъ лежалъ въ саняхъ, растянувшись, — должно быть, хотѣлъ отдохнуть. Я, то и знай, кричалъ при каждомъ ухабѣ на ямщика, чтобы ѣхалъ поосторожнѣй и не свалилъ барина какъ нибудь въ канаву или сугробъ; ямщикъ, нечего сказать, слушался и придерживалъ тройку. Когда мы благополучно возвратились съ охоты, баринъ, сверхъ положеннаго, далъ еще ямщику 2 рубля на чай.

— А это тебѣ, Макаровъ, за то, что ты всю дорогу спасалъ мою жизнь, — проговорилъ онъ, подавая мнѣ три синенькихъ. — Вотъ какой былъ доброй души покойникъ, — въ заключеніе промолвилъ Макарычъ вздыхая и, немного погодя, продолжалъ: — заѣхали мы какъ-то съ нимъ по пути въ деревню «Забиче» пообогрѣться. Вошелъ онъ въ избу одного крестьянина и увидѣлъ въ ней эту бѣдность-то крестьянскую, не покрытую. Ребятишекъ полная изба и малъ-мала меньше, такіе всѣ худенькіе да оборванные, ужастъ! а мужикъ, отецъ этихъ ребятишекъ-то, сидитъ въ переднемъ углу, да лапотъ ковыряетъ. Баринъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него, да и спрашиваетъ:

— А что, отецъ, плохо, видно, живетъ съ дѣтишками-то?

— Плохо, родимый, ужъ такъ-то плохо, что не приведи Царица Небесная.

— А гдѣ же у тебя хозяйка-то?

— Да собирать пошла, — отвѣтилъ мужикъ.

Посмотрѣлъ опять онъ на мужика и прослезился... постоялъ такъ-то съ минуту, досталъ изъ бумажника десять рублей, подалъ ихъ торопливо мужику, бросился вонъ изъ избы, и мы поѣхали дальше.

Помнится также, пришлось дѣлать для него облаву на медвѣдя. Собралъ я для этого мужиковъ и ребятишекъ.

— Что, Макаровъ, — спрашиваетъ баринъ, — людей нанялъ?

— Нанялъ, — говорю, — Николай Алексѣичъ!

— За сколько?

— Да мужикамъ-то по 45, а ребятишкамъ по 25 копѣекъ, — отвѣтилъ я.

— Ладно,—промолвилъ онъ и сталъ собираться въ дорогу.

Приѣхали мы на охоту и вдругъ мужиковъ и ребятишекъ по моему счету оказалось больше, чѣмъ слѣдуетъ. Что дѣлать? сталъ я браниться и отгонять лишнихъ-то; баринъ услыхалъ это, подошелъ ко мнѣ и говорить:

— Для чего ты, Макаровъ, гонишь ихъ?

— Да тутъ, Николай Алексѣичъ, — говорю, — оказалось много лишнихъ, которыхъ я не нанималъ.

— Ну, что-жъ дѣлать, Макаровъ, — говоритъ онъ, — пусть остаются: и лишніе тоже хотятъ ѣсть хлѣбъ, не даромъ же сюда пришли. Не гони ты ихъ, ради Бога!

Такъ всѣхъ и оставилъ, добрая душа.

Охота на этотъ разъ удалась какъ нельзя лучше. Медвѣдя баринъ убилъ, и онъ всѣхъ круглымъ счетомъ рассчиталъ по 50 копѣекъ, а мужикамъ, сверхъ того, далъ еще и на водку. А какъ его покойника любили ребятишки! Куда бы онъ ни приѣзжалъ, вся какъ есть эта мелюга-то, такъ, бывало, и вывалить къ нему навстрѣчу, и всегда ждутъ его, точно свѣтлаго праздника. Любилъ онъ ихъ очень, ну, и льнули къ нему...

Приѣхали мы тоже какъ-то въ одну деревушку, морозъ былъ страшный, а нужно было сдѣлать облаву. Баринъ по случаю сильного мороза запретилъ мнѣ брать ребятишекъ, и когда я набралъ только взрослыхъ, то нѣкоторые ребятишки подняли ревъ.

— Что это они, Макаровъ, плачутъ? — спрашиваетъ Николай Алексѣичъ.

— На охоту, — говорю, — вяжутся!

— Вотъ глупые!

Проговоривъ это, онъ подоввалъ ребятишекъ къ себѣ и далъ имъ на гостинцы...

— Да что тутъ говорить, — сказалъ, вздыхая, Макарычъ: — такихъ господъ, какъ Николай Алексѣичъ, нынче нѣтъ, да, пожалуй, и не будетъ». —

Въ 1878 году одинъ изъ маленькихъ литераторовъ случайно познакомился съ Дрожжинымъ и сейчасъ же оповѣстилъ своихъ знакомыхъ, что онъ нашелъ, «открылъ» новаго Кольцова. Кружокъ писателей, художниковъ и людей разныхъ интеллигентныхъ профессій, собиравшійся въ квартирѣ С. П. Глазенапа, встрѣтилъ поэта очень привѣтливо и оказалъ поддержку. Благодаря А. А. Ольхину и другимъ, стихи Дрожжина появляются въ «Дѣлѣ» и «Словѣ». Но судьба попрежнему не балуетъ поэта. Онъ уважаетъ въ деревню, потомъ служитъ въ библиотекѣ Морева, снова пашетъ землю, опять возвращается въ городъ, поступаетъ приказчикомъ въ книжный магазинъ, въ Москву, а затѣмъ въ книжный же магазинъ, въ Харьковъ.

Теперь Дрожжину подь пятьдесятъ лѣтъ. Это простой, душевный человекъ. Онъ живетъ бѣдно, но, какъ русскій человекъ, и въ горѣ — поетъ пѣсни. Когда-то у Дрожжина былъ чудный голосъ. Я gostилъ у него какъ-то на Вишерѣ, гдѣ онъ служилъ одно время. Цѣлый вечеръ онъ, его жена и свояченица — пѣли русскія пѣсни, и какъ пѣли! То плакать хотѣлось, то въ жаръ бросало отъ удалой пѣсни!

Недавно мнѣ удалось добыть у поэта его добавленія къ запискамъ, въ которыхъ онъ безпритязательно, съ простотой и наивностью лѣтописца, повѣствуетъ о своей жизни. Приведу изъ нихъ два-три характерные эпизода.

Поэтъ только-что вернулся въ деревню.

— «Ночь была темная (разсказываю текстуально словами Дрожжина) и такая морозная, что рамы въ избѣ насквозь заиндѣвли. Я спалъ съ женой и дѣтьми при входѣ въ избу, у лежанки. Мой письменный столикъ былъ снятъ изъ холоднаго мезонина и поставленъ за перегородкой, рядомъ съ книжнымъ шкапомъ. Вдругъ послышался стукъ въ окно; всѣ проснулись, не исключая и моей шестилѣтней дочери Даши. Что за оказія, думаю себѣ, не пожаръ ли? Отецъ слѣзъ съ печки, подошелъ къ окну, спрашиваетъ: «кто тамъ?» — «Староста! Отопри!». Минуту спустя двери въ избу отворились, обдало холодомъ, раздался лязгъ чего-то металлическаго, и задвигались люди. Кто-то строго проговорилъ: «ты, сотскій, стой тутъ и никого не выпускай». Я лежалъ и смотрѣлъ. Что-то будетъ дальше. А дальше было вотъ что: всѣ вошедшіе, въ сопровожденіи отца, прошли въ переднюю, которая вскорѣ освѣтилась. Къ моей кровати приблизилась испуганная мать. Наклонившись къ моему уху, она прошептала: «Спирюшка, вѣдь это къ тебѣ изъ Твери полиція-то пріѣхала зачѣмъ-то!» Не зная за собою вины, я сталъ успокаивать мать и потомъ жену, которыя сильно волновались. Между тѣмъ, за перегородкой допрашивали отца: велика ли у него семья, да гдѣ сыновья находятся. Наконецъ, дошла очередь и до меня. Вызвали въ переднюю. Я живо надѣлъ валенки, окутался въ шубу и вышелъ, отдавъ всѣмъ общій поклонъ. «Что вамъ угодно?» — «А вотъ, видите ли, по предписанію тверскаго жандармскаго управленія, — сказалъ жандармскій офицеръ, — я присланъ сдѣлать въ домѣ осмотръ вашихъ книгъ и бумагъ, какія только здѣсь имѣются». Я тотчасъ же открылъ свой книжный шкафъ, а унтеръ-офицеръ началъ вытаскивать изъ него книги и бумаги и раскладывать на столѣ. — «Что это такое у васъ?» — спросили вдругъ меня, указывая на четверостишіе въ рукописи:

И всякой с... перчатку
Въ лицо охотно онъ бросалъ,
Любилъ родную правду-матку
И за нее горой стоялъ.

Взглянувъ, я отвѣтилъ, что это черновой набросокъ одного неоконченнаго мною разсказа. Это было единственное мѣсто въ моихъ рукописяхъ, остановившее на себѣ вниманіе жандарма. Уѣзжая отъ меня, офицеръ и урядникъ извинились за причиненное безпокойство, но все-таки взяли съ меня слово не отлучаться изъ Нивовки впредь до особаго распоряженія высшаго начальства. Для этой же цѣли меня экстренно вызывали черезъ нѣсколько дней къ приставу въ станovou квартиру, находившуюся отъ Нивовки въ 35-ти-верстномъ разстояніи. Морозъ былъ выше 20-ти градусовъ и къ вечеру поднялась вьюга. Я запрягъ въ розвальни свою лошадь и отправился съ нарочнымъ. Въ темнотѣ мы часто сбивались съ замеченной слѣгомъ дороги. Лошадь по брюхо увязала въ сугробахъ. Наконецъ, кое-какъ къ полуночи добрались мы до становой квартиры. Вышелъ становой и вручилъ мнѣ для подписи бумагу, которой обязывали меня не отлучаться изъ Нивовки впредь до распоряженія высшаго начальства. И это все. Затѣмъ я вернулся домой. Причину испытанныхъ непріятностей я объяснилъ себѣ тѣмъ, что отецъ, въ брани, нерѣдко обзывалъ меня «сицилистомъ». Слово это проникло и къ намъ въ деревню. Затѣмъ еще одно обстоятельство: года два тому назадъ наша сосѣдка просила меня взять съ собою въ Петербургъ и устроить тамъ ея тринадцатилѣтняго сына Оедю. Я исполнилъ ея желаніе и помѣстилъ мальчика въ одинъ табачный магазинъ. На этомъ мѣстѣ Оедя оставался около года, послѣ чего самъ перешелъ на другое, съ котораго его, однако, вскорѣ прогнали. Онъ долго гдѣ-то блыкался и пересталъ писать въ деревню. Я тоже потерялъ его изъ виду. Мать Оеди встревожилась. Одна глупая кумушка увѣрила ее, что я продалъ Оедю за границу «сицилистамъ»,—потому-де онъ самъ тоже «сицилистъ». На этомъ основаніи, когда я вернулся въ Нивовку, сосѣдка приступила ко мнѣ съ требованіемъ возвратить ей сына, или же указать, по крайней мѣрѣ, куда я его продалъ. Чтò могъ я отвѣтить ей на это? Я только пожималъ плечами, да посоветовалъ ей обратиться къ петербургскому градоначальнику съ прошеніемъ о розыскѣ ея сына. Между тѣмъ, Оедя, вдоволь напатавшись въ Петербургѣ, вернулся, наконецъ, пѣшкомъ въ родную деревню. Такъ окончилась тогда эта непріятная для меня исторія».—

Не менѣе характеренъ разсказъ поэта о побѣдѣ въ Москву, по вызову генераль-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукаго.

— «Въ 1887 году,—говоритъ Дрожжинъ,—я нуждался и искалъ себѣ мѣста. М. И. Семевскій по этому поводу писалъ обо мнѣ московскому генераль-губернатору, князю В. А. Долгорукову. Вскорѣ получена была мною черезъ канцелярію тверскаго губернатора бумага о вызовѣ меня въ Москву. Я занялъ у священника денегъ и отправился въ путь. Прибывъ въ Москву, остановился въ го-

стиницѣ. На другой день, въ 10 часовъ утра, явился въ канцелярію губернатора. Здѣсь мнѣ сказали, чтобы я пошелъ черезъ главный подъѣздъ губернаторскаго дома. Отправляюсь, прохожу мимо часовыхъ съ ружьями. Дверь помогаетъ мнѣ отворить швейцаръ въ красной ливреѣ. — «Что вамъ угодно?» — спрашиваетъ меня. Я говорю, что мнѣ нужно видѣть его сіятельство. — «Зачѣмъ?» — «По вызову». — «Его сіятельство сегодня больше не принимаетъ», — и швейцаръ выразительно взялся за ручку двери. Нечего было дѣлать, пришлось уйти и снова вернуться въ канцелярію, гдѣ я и сообщилъ о своей неудачѣ чиновнику. Этотъ направилъ меня къ другому, старшему. Тотъ сказалъ, что дѣйствительно обо мнѣ есть въ канцеляріи приказаніе князя, по которому я долженъ явиться къ послѣднему. Чиновникъ далъ мнѣ сторожа, который повелъ меня другимъ ходомъ, но мы вышли опять въ тотъ же главный подъѣздъ съ краснымъ швейцаромъ. Не обращая вниманія на послѣдняго, я сбросилъ съ себя шубу и сѣлъ на дубовую скамью въ ожиданіи вызова. Мимо меня то-и-дѣло проходили генералы и офицеры. Наконецъ, обо мнѣ доложили. Съ лѣстницы спустился адъютантъ князя. Онъ сталъ разспрашивать: какъ, зачѣмъ и для чего нужно мнѣ видѣть князя. Я коротко отвѣтилъ опять, что явился по вызову. Тогда адъютантъ сказалъ тоже, что раньше и швейцаръ, то-есть, что пріемъ оконченъ, и просилъ прійти завтра. Дѣлать было нечего. Я вздохнулъ, накинулъ на себя шубу и снова отправился въ канцелярію, помѣщавшуюся за угломъ губернаторскаго дома. Чиновникъ опять направилъ меня къ старшему. Этотъ написалъ записку, далъ ее находившемуся тутъ же околоточному и сказалъ: «Проведите, пожалуйста, г. Дрожжина прямо къ его сіятельству, и сами доложите о его пріѣздѣ». Околоточный взялъ записку и повелъ меня опять черезъ черный ходъ. Въ третій разъ очутился я на парадной лѣстницѣ. Сбросилъ съ себя шубу и положилъ ее на ту же деревянную скамью. Но теперь мы, съ околоточнымъ, прямо поднялись во второй этажъ. Двери распахнули передъ нами два гайдука, одѣтые въ короткія красныя ливреи и сѣрыя гамаши. Мы очутились въ роскошномъ залѣ. Я остановился близъ дверей. Черезъ залъ въ это время тихо проходилъ самъ князь, съ опущенной внизъ головой. Одѣтъ онъ былъ въ простой синій сюртукъ съ аксельбантами и крестомъ на шеѣ. Околоточный, вытянувшись, громко доложилъ обо мнѣ. Князь обернулся и поманилъ меня рукою къ себѣ. Я приблизился и раскланялся. Онъ повелъ меня въ кабинетъ.

— Мнѣ писалъ о васъ М. И. Семевскій. Вы—крестьянинъ, пишете стихи и очень нуждаетесь?—сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ утвердительно. Въ это время мы вошли въ кабинетъ. Князь указалъ мнѣ на кресло и сѣлъ самъ. Но я не воспользовался его предложеніемъ и продолжалъ разговаривать стоя,

опираясь лишь рукою на спинку кресла. Князь освѣдомился: велика ли у меня семья, что я дѣлаю въ деревнѣ и т. п., и, наконецъ, пожелалъ узнать о томъ, какое бы я хотѣлъ получить мѣсто. Я отвѣтилъ. Князь сказалъ, что въ настоящее время онъ ничего не можетъ сдѣлать для меня, но что будетъ имѣть въ виду. Тогда я сказалъ о занятыхъ мною на дорогу деньгахъ. Князь хотѣлъ выдать мнѣ бесплатный билетъ до Твери, но потомъ, какъ бы сообразивъ что, прибавилъ: «Впрочемъ, я прикажу моему кассиру выдать вамъ на дорогу 5 рублей, которые вы и получите изъ кассы въ канцеляріи». Онъ взялъ со стола листокъ бумаги, набросалъ на немъ синимъ карандашемъ нѣсколько словъ и отдалъ его вошедшему человѣку въ красной ливреѣ.

Аудіенція была кончена и я ушелъ. Въ канцеляріи меня ввели въ небольшую комнату съ желѣзнымъ шкапомъ за деревянной рѣшеткой. Кассиръ подаль мнѣ для подписи листочекъ князя, гдѣ значилось: «Выдать г. Дрожжину 10 рублей». Такимъ образомъ я получилъ отъ князя двойную проѣздную плату. И послѣ всѣхъ испытанныхъ въ это утро мытарствъ, я, успокоенный и довольный, отправился въ обратный путь».—

Эти строки очень ярко свидѣтельствуютъ о добродушіи поэта-крестьянина, на которомъ я остановился такъ долго потому, что изъ живущихъ самоучекъ-поэтовъ онъ самый выдающійся, и его біографія наводитъ невольно на многія размышленія. Въ самомъ дѣлѣ: его пѣсни распѣваются въ деревняхъ Тверской губерніи, окрестные крестьяне говорятъ о немъ съ почтеніемъ и гордостью, его стихи печатаются въ разныхъ журналахъ, а онъ не можетъ выбиться изъ нужды, жилъ въ Москвѣ чуть не въ подвалѣ, не можетъ вернуться на родину и обзавестись хозяйствомъ. Кажется, не стыдно было бы Фонду помочь; или его ошибку исправить новая комиссія, отъ которой зависитъ поддержка писателей изъ суммъ, ассигнованныхъ на нужды литераторовъ. Это было бы очень хорошо, потому что не за прилавкомъ мѣсто крестьянину-поэту, ему слѣдуетъ работать въ деревнѣ.

Перехожу къ «Русской Рѣчи».

Объявленіе объ изданіи ея я прочелъ, живя въ Тиму. Но только послѣ выхода первой книжки я отправился въ редакцію. Попавъ не въ редакціонный день, я получилъ короткій отвѣтъ отъ лакея, который отперъ дверь: «сегодня приѣма нѣтъ». Я передалъ мою карточку и сталъ спускаться съ лѣстницы. Вдругъ слышу голосъ:

— Вернитесь... баринъ проситъ васъ!

Возвращаюсь. Редакторъ встрѣтилъ меня очень любезно, извинился, что спѣшитъ, и потому не можетъ удѣлить много времени. Я передалъ стихотвореніе, которое сейчасъ же имъ было прочтено и принято.

— Но вы пишете и прозу?

— Да... Я началъ одинъ разсказъ.

— Когда кончите, принесите мнѣ.

Этотъ разсказъ и былъ «Бездипломный учитель», который встрѣтилъ одобреніе корифея русской литературы. Разсказъ появился въ № 3 «Русской Рѣчи». Въ майской книжкѣ былъ напечатанъ другой, въ іюнѣ—третій и четвертый, и я становлюсь постояннымъ сотрудникомъ журнала. Мои очерки нравятся публикѣ, заслуживаютъ одобреніе критики. Это пробудило у меня вѣру въ себя, и я съ жаромъ отдался работѣ. Писать мнѣ приходилось по ночамъ. Я жилъ въ меблированной комнатѣ, недорогой и недурно обставленной. Но хозяйка вела открытую жизнь; днемъ—гости, шумъ. Въ квартирѣ воцарялась тишина около 12-ти часовъ, а нерѣдко только около часу ночи. Я садился за работу и писалъ до утра. Это вредно отозвалось на моемъ здоровьѣ, и на лѣто я рѣшился ѣхать на дачу. Мои знакомые взяли дачи въ Знаменкѣ, близъ Петергофа, а я нанялъ двѣ комнаты близъ Стрѣльны, въ нѣмецкой колоніи. Въ этой же колоніи поселились: Н. П. Столпянскій, поэтъ Головинъ (переводчикъ шведскихъ и финляндскихъ поэтовъ), Головинъ (Н. А.), управляющій типографіи Котомина, художникъ Маттз, а въ сосѣдней колоніи—извѣстная писательница М. К. Цебрикова. Въ Стрѣльнѣ же въ это время жилъ Сухонинъ-Шардинъ, авторъ романовъ «Родъ князей Зацѣпиныхъ» и др. Между Петергофомъ и Стрѣльной жила переводчица А. Г. Сахарова. Подъ Ораниенбаумомъ поселились: С. М. Лобода-Крапивина, В. Н. Жукъ, авторъ книги «Мать и дитя», и В. Д. Сиповскій, редакторъ «Женскаго Образованія».

Это было первое лѣто, проведенное мною на дачѣ. Я съ удовольствіемъ вспоминаю о немъ. Несмотря на то, что приходилось не мало работать, я все-таки отдохнулъ и освѣжился. Нервы успокоились. Я много гулялъ въ лѣсу, въ полѣ, одинъ или съ Н. П. Столпянскимъ и Головинымъ. Вечернія бесѣды, за самоваромъ въ саду, съ симпатичнымъ поэтомъ и съ душевнымъ Н. П. Столпянскимъ, бодрили меня и доставляли большое наслажденіе. Пріѣзжали знакомые изъ Петербурга, я посѣщалъ ихъ и жившихъ въ окрестностяхъ на дачахъ по Балтійской дорогѣ.

Случалось, что я пѣшкомъ дѣлалъ по десяти и пятнадцати верстѣ. Иногда кое-кто собирался у меня, и мы, въ видѣ развлеченія, устраивали игры въ серсо, въ лапту, въ городки. Это было отдыхомъ отъ работъ, отъ чтенія, отъ горячихъ споровъ. Ахъ, хороша молодость! Благодатная весна жизни, когда еще столько надеждъ впереди, столько силъ чувствуется! Это вѣрно, что надо веселье имѣть внутри себя—и будетъ весело. Все веселить, все вѣять радостью, когда молодость съ тобою и радость въ сердцѣ. Какъ-то недавно я встрѣтилъ доктора N, который теперь пользуется извѣстностью и богатъ.

— Хорошо живется?—спрашиваю его.

— Да... А знаете: гораздо лучше жилось тогда... во время студенчества. Жилъ я въ коморкѣ, а чувствовалось отлично. Теперь я ѣмъ роскошныя кушанья, а, право, они меня меньше удовлетворяютъ, чѣмъ тогда двадцатипяти-копеечныя обѣды. Роскошная квартира, карета своя... а не весело!.. Вотъ тутъ-то не то,—заклучилъ докторъ, указывая на сердце.

И онъ оживился, помолодѣлъ, когда начали вспоминать жизнь на Выборгской сторонѣ. Я позволю себѣ привести слѣдующее мое стихотвореніе, написанное въ минуту раздумья подъ такимъ настроеніемъ.

Такъ же все въ подлунномъ мірѣ,
Какъ и было въ старину:
И теперь пѣвцы на лирѣ
Славятъ розу и весну,
Воспѣваютъ милой ласки,
Нѣжный говоръ тихихъ струй,
И плѣнительныя глазки,
И горячій поцѣлуй!
Тѣ же въ мірѣ счастья звуки,
Столько-жъ свѣта и тепла,
Какъ и прежде тѣ же муки,
И не больше слезъ и зла.
Отчего же намъ казалось
Въ дни былые жизнь свѣтлѣй?
Сердце менѣ пугалось
И парила мысль вольнѣй?
Отъ того, что въ годы вѣры
Въ насъ самихъ былъ свѣтлый рай:
И любилось безъ мѣры,
И жилось черезъ край!

Да, въ этомъ вся разгадка!.. «Первый заработанный четвертакъ дороже дальнѣйшихъ сотенъ рублей», — говорилъ мой дядя, — и вѣрно. Развѣ теперь я съ такимъ чувствомъ встрѣчаю выходъ въ свѣтъ своей новой книжки, съ какимъ тогда я ждалъ выхода первыхъ двухъ сборниковъ рассказовъ для дѣтей: «Зимніе досуги» и «Подарокъ на елку»? Первый изъ нихъ я продалъ еще весной, до переѣзда на дачу; изданіе мнѣ устроилъ В. П. Бородинъ. Произошло это совсѣмъ неожиданно. Я заѣхалъ въ редакцію «Дѣтскаго Чтенія». Между прочимъ, покойная жена Бородина коснулась моего рассказа «Янки Вологодскаго уѣзда».

— Ахъ, это прелестный рассказъ!—сказала она. — Я сама его съ увлеченіемъ прочла два раза.

— А мальчики въ восхищеніи отъ него!—замѣтилъ Вячеславъ Петровичъ.

— Отчего вы не издадите отдѣльной книжкой вашихъ рассказовъ? Вѣдь ихъ не мало уже? — спросила меня М. В. Бородина.

— На книжку будетъ... Пожалуй, и больше!
 — Отчего же не издадите?
 — У меня нѣтъ денегъ.
 — Продайте!
 — Кому? На «рынкѣ» у меня еще нѣтъ имени...
 — Что вы! Вы въ дѣтской литературѣ уже замѣтны... Столько писемъ получается отъ подписчиковъ... Дѣти любятъ васъ—я сама слышала...

— Но не купцы, М. В!.. Не возьмутъ... Да вотъ пускай В. П. издаетъ!

— Постойте, я вамъ, можетъ быть, устрою это,—сказалъ В. П. Я заѣхалъ черезъ недѣлю къ Бородину.
 — Хотите продать книжку?—спросилъ онъ.
 — Конечно.
 — Я нашелъ вамъ издателя... Поѣзжайте къ Головину. Онъ живетъ у Обуховскаго моста.

— Береть?
 — Да, но даетъ дешево!
 — Это все равно.
 — Поѣзжайте скорѣе...

Я въ тотъ же день отправился къ Г—ну, захвативъ съ собою тѣ рассказы, оттиски которыхъ были у меня.

Дѣло уладилось въ какой нибудь часъ. Г—нъ покупалъ у меня сборникъ за сто рублей. Онъ не сталъ читать рассказовъ, пожившись на одобрение редакцій, написалъ мнѣ условіе и выдалъ всѣ деньги.

Я былъ очень доволенъ. Мнѣ такъ хотѣлось издать рассказы отдѣльно. Это шагъ впередъ. Рассказы извлекались изъ журналовъ и болѣе удобнымъ способомъ проникали въ публику. Наконецъ, критика должна была высказаться болѣе опредѣленно.

Еще неожиданнѣе для меня состоялась продажа второго сборника. Это было уже въ сентябрѣ, по переѣздѣ съ дачи въ городъ.

Въ этотъ годъ я впервые покинулъ меблированныя комнаты и нанялъ квартиру — въ Измайловскомъ полку. Вообще, это было время пріятныхъ неожиданностей для меня.

Зайдя какъ-то въ редакцію «Русской Рѣчи» въ концѣ лѣта, я коснулся въ разговорѣ съ А. А. Н—мъ меблированныхъ комнатъ и того неудобства, какое испытываетъ каждый умственный работникъ, живя въ шамбръ-гарни.

— Возьмите квартирку, это не дороже!—сказалъ редакторъ.
 — Да, но нужна обстановка!—возразилъ я.—А гдѣ деньги?
 — Развѣ много надо?
 — Рублей 100, 150! А-то и всѣ 200!
 — Такъ возьмите же, я дамъ... А вы частями, по возможности, будете погашать долгъ!

Я нанялъ квартирку и справилъ скромно новоселье.

На другой день, встрѣтившись въ одномъ домѣ съ С—ой, я сообщилъ, между прочимъ, о предстоящемъ выходѣ моей книжки; въ это время она уже печаталась.

— Отчего вы не предложили ее Битепажу?—спросила С.

— Да я никому не предлагалъ... В. П. Бородинъ устроилъ мнѣ.

А что, развѣ Битепажъ издалъ бы?

— Я увѣрена... Я его знаю хорошо.

— Такъ предложите. У меня еще на книжку наберется.

С—ва обѣщалась.

Спустя недѣли двѣ, я снова встрѣтился съ ней.

— Что же Битепажъ?—спрашиваю.

— Пойдемте къ нему сейчасъ!

— Но у меня съ собой нѣтъ матеріала.

— Это все равно. Переговорите!

Мы поѣхали.

С—ва вошла вмѣстѣ со мною къ Битепажу, магазинъ котораго помѣщался въ Гостиномъ дворѣ,—указала мнѣ на высокаго, очень приличнаго вида господина, что-то ему сказала, и сейчасъ же исчезла.

Я очутился не совсѣмъ въ ловкомъ положеніи, изъ котораго меня выручилъ самъ книгопродавецъ.

— Вы что-то предложить хотите?

— Вамъ г-жа С. ничего не говорила?

— Ничего... А вы что имѣете сообщить?

— Она говоритъ, что вы охотно бы издали книжку.

— Да, я издаю... Теперь, по правдѣ сказать, уже поздно... скоро Рождество... А у васъ что?

— Съ собой ничего... Но если угодно, я принесу.

Б—жъ подумалъ и сказалъ:

— Принесите.

Я принесъ, онъ оставилъ у себя посмотреть, назначивъ прійти за отвѣтомъ черезъ три дня. Черезъ три дня все было кончено. Онъ согласился издать книжку. Я получалъ за нее тоже сто рублей. Но это было уже выгодноѣ для меня, потому что Г—ну я отдалъ матеріала вдвое, если не втрое болѣе.

Обѣ книжки вышли къ Рождеству. Битепажовская буквально за день до сочельника. Обѣ онѣ были изданы не особенно хорошо. «Подарокъ на елку» безъ всякихъ иллюстрацій.

— Торопился, некогда было,—оправдывался Битепажъ.

Кажется, впоследствии онъ вклеилъ одну или двѣ картинки. «Зимніе досуги» пошли хорошо, и впоследствии были выпущены вторымъ изданіемъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, подъ новымъ названіемъ. Ихъ издалъ Павленковъ со множествомъ рисунковъ, нарядно, изящно. «Подарокъ на елку» — на книжномъ рынкѣ не имѣлъ такого успѣха.

Но критика объ книжки встрѣтила очень радушно. Даже строгій критикъ «Воспитанія и Обученія» отзывался съ похвалою, сказавъ, между прочимъ: «Эту книгу не надо смѣшивать съ великимъ множествомъ «подарковъ на елку», которые поставляютъ книгопродавческая спекуляція. Изданіе недурно, содержаніе также, а нѣкоторыя вещи положительно хороши. Стихотворенія выдѣляются изъ массы рѣмованной прозы, поставляемой для дѣтей». И дальше, касаясь фребелевскихъ премированныхъ изданій, критикъ замѣчаетъ: «они недурны, но и нѣкоторые рассказы г. Круглова (въ вышедшихъ книжкахъ) ничуть не хуже, если не лучше рассказовъ, удостоенныхъ преміи Фребелевскимъ обществомъ». Въ «Педагогическомъ Листкѣ» критикъ, разбирая книжки, сказалъ: «Г. Кругловъ уже давно извѣстенъ какъ талантливый и симпатичный дѣтскій писатель. Его книжка («Зимніе досуги»), надо сказать правду, изъ всѣхъ имѣющихся у насъ подъ руками дѣтскихъ книгъ, изданныхъ въ настоящемъ году,—едва ли не самая лучшая».

Я былъ счастливъ, какъ писатель. Къ мнѣніямъ критики присоединились и читатели, письма которыхъ хранятся у меня и до сихъ поръ. Значитъ, я не даромъ работалъ, не безплодно потрачены силы, проведены безсонныя ночи... Кто пишетъ не только ради денегъ, кто избралъ литературное поприще не только потому, что на другомъ не повезло, или потому, что «надо же гдѣ нибудь работать»,—а вступилъ на него по страстному влеченію, для кого писать—значитъ жить,—тотъ пойметъ мое счастье,—счастье писателя, убѣдившагося въ полезности своего труда. Я переживалъ хорошія минуты, которыя заставляли забывать о личныхъ невзгодахъ, мирили меня съ неудачами, мѣшавшими мнѣ устроить свѣтлѣе и лучше свою личную жизнь.

Начались «вечера» и «собранія» у С*, А. Н. Тюфяевой-Толифровой, Алѣева, у Мюра. У С*, котораго я зналъ раньше, я познакомился съ Алѣевымъ; на вечерѣ у этого — съ Мюромъ, а у Мюра—съ покойнымъ Садовниковымъ. Если память не измѣняетъ мнѣ, около этого же времени, или нѣсколько позже, я познакомился съ молодыми беллетристами—М. Н. Альбовымъ и К. С. Баранцевичемъ, и съ художникомъ А. А. Наумовымъ, сенсационная картина котораго «В. Г. Бѣлинскій передъ смертью» вскорѣ сдѣлала ему имя и приобрѣла популярность среди интеллигентной публики. Съ Соловьевымъ-Несмѣловымъ, авторомъ многихъ учебниковъ и дѣтскимъ писателемъ, я познакомился еще въ 1877 г. у Бородина. На вечерахъ у С* я встрѣчался еще съ нѣкимъ Калліопинымъ, учившимся на средства графа Шереметева въ консерваторіи. Это былъ феноменальный басъ. Молодого человѣка ждала блестящая карьера. Но онъ не сумѣлъ беречь себя: спился и погибъ для сцены. Кажется, онъ даже умеръ.

Необыкновенно симпатичное впечатлѣніе производилъ на всѣхъ

Дм. Ник. Садовниковъ, человѣкъ любящей, мягкой души, поэтъ съ большимъ талантомъ, критикъ-художникъ, едва ли не первый, вѣрно и прекрасно опредѣлившій музу гр. Голенищева-Кутузова, увѣнчаннаго на-дняхъ полной пушкинской преміей отъ Академіи Наукъ. Садовниковъ былъ очень недуренъ собою, обладалъ стройной фигурой и гордо носилъ голову съ кудрявыми волосами золотистаго цвѣта, которые въ видѣ ореола обрамляли его блѣдное лицо. Онъ и въ жизни былъ художникомъ-поэтомъ, какимъ являлся въ каждой строчкѣ своихъ стиховъ. Къ сожалѣнію, онъ не пользуется извѣстностью. Его заслонили стихотворцы, умѣющіе поддѣлываться подъ вкусъ интеллигентной массы. И забывается симпатичный поэтъ, несмотря на опѣнку г. Чуйко и на то, что г. Коринфскій, добывая откуда-то ненапечатанные отрывки изъ стиховъ покойнаго Садовникова, изрѣдка напоминаетъ о немъ публикѣ. Да позволять читателямъ привести мнѣ слѣдующее небольшое стихотвореніе Садовникова, посвященное памяти Пушкина и написанное Д. М. подъ впечатлѣніемъ открытія памятника въ Москвѣ гениальному творцу «Онѣгина»:

«Въ отрадный часъ желаннаго рожденья,
Все, что въ наслѣдство передалъ апрѣль,
Послѣдній даръ весенняго цвѣтенья
Весна тебѣ кидала въ колыбель.
Май отцвѣталъ, идя навстрѣчу лѣта,
И думалъ онъ, переходя ко сну:
«Я встрѣтилъ день рожденія поэта,—
Онъ воскреситъ увядшую весну».
Ты оправдалъ святыя ожиданья:
Заслышавъ пѣсни первыя твои,
Въ отжившемъ сердцѣ ожили желанья,
Въ нѣмомъ лѣсу заплѣли соловьи.
Но мы любили спорною любовью,—
Давно-ль у насъ топтали твой вѣнокъ?
Но ты простишь минутному злословью,
Сознаніемъ прекраснаго высокъ,—
Простишь ты намъ, что рѣчь, тебѣ родная,
Вплела шипы въ лавровый твой вѣнокъ!
Теперь мы всѣ сошлись на праздникъ мая—
Твой первый день привѣтствовать, пѣвецъ,
И въ честь тебя, поэта чародѣя,
Пѣвца святой любви и красоты,
Весна, какъ встарь, кидаетъ, не жалѣя,
Къ твоимъ ногамъ душистые цвѣты!».

Это вполнѣ вѣрно, что Садовниковъ оригиналенъ и своеобразенъ даже тамъ, гдѣ обычные установившіяся формы заставляютъ держаться опредѣленнаго тона. Какая масса стиховъ, посвященныхъ Пушкину, при открытіи памятника! Въ большинствѣ случаевъ все это шаблонно (если исключить стихи Полонскаго и стихотвореніе Андреевскаго), ограничивалось общими мѣстами. Садовниковъ от-

кликнулся своеобразно, поэтически, безъ многословія. Прекрасныхъ стихотвореній у Садовникова не мало, и приходится жалѣть, что смерть похитила поэта съ крупнымъ талантомъ преждевременно, а никто до сихъ поръ не издалъ его произведеній... Кому принадлежитъ право? Живы ли его дѣти (осталось послѣ его смерти, кажется, двое)? Большой поклонникъ поэта и знающій его родню—г. Коринфскій не можетъ ли дать отвѣтъ на эти вопросы и помочь увидѣть свѣтъ чуднымъ поэтическимъ пьесамъ усопшаго собрата?

Полную противоположность Садовникову по внѣшней фигурѣ представлялъ другой поэтъ В. Мюръ. Это—толстенькій человѣкъ, невысокаго роста, съ замѣтной лысиной. Румяное, полное лицо, ослѣпительно-сверкающіе бѣлые зубы, веселые, голубые глаза и вѣчная улыбка на толстыхъ губахъ,—все свидѣтельствовало, что онъ изъ тѣхъ, про которыхъ принято говорить: они—*terre à terre*. И поэтъ Мюръ былъ именно таковъ. Я не зналъ человѣка практичнѣе его. Онъ писалъ стихи къ «ней», воспѣвалъ луну, розы, соловья и пускался въ различныя практическія предпріятія. Онъ лѣтомъ заготовлялъ стихи къ осени, на масляницѣ—къ Пасхѣ. Шутя, Садовниковъ говорилъ: «Нашъ М—ръ заранѣе написалъ стихи на смерть всѣхъ великихъ людей!». В. Мюръ много работалъ во «Всемирной Иллюстраціи» при покойномъ Германѣ Гоппе. Стихомъ онъ владѣетъ хорошо и многія его лирическія пьески очень изящны и музыкальны.

Въ началѣ 80-хъ годовъ М. исчезъ изъ Петербурга и долгое время я не зналъ, гдѣ онъ. Оказалось, что онъ живетъ въ Москвѣ. Одно время онъ редактировалъ «Новости Дня», потомъ издавалъ листки. Теперь онъ готовитъ къ изданію сборникъ своихъ стиховъ.

А. Е. Алѣева мы всѣ звали богачомъ, потому что онъ женился на богатой женщинѣ, а потомъ еще получилъ наслѣдство отъ отца. Алѣевъ дебютировалъ въ «Дѣлѣ», а потомъ издалъ книжку стиховъ, подъ названіемъ «Смѣхъ и слезы», потонувшую въ Летѣ, или, правильнѣе, въ амбарахъ Апраксинскаго рынка. О ней далъ очень злой, и—какъ всегда—остроумный отзывъ В. П. Буренинъ.

«Захожу какъ-то къ Алѣеву, — рассказываетъ Н. Соловьевъ,— поэтъ лежитъ на диванѣ, а на полу лужа чернилъ.

— Что это такое?—удивленно спрашиваю я.

— Пишу.

— А чернила зачѣмъ на полу?

— Лежа писать удобнѣе. Лежу и макаю.

Это было очень «оригинально».

А. Е. мы еще прозвали лже-Альбовымъ. Вотъ почему. Оказалось, онъ нѣкоторымъ говорилъ, что Альбовъ—это его псевдонимъ. Когда правда открылась, А. Е., смѣясь, оправдывался:

— Я шутилъ... ради шутки говорилъ.

Тоже очень «оригинальная» шутка.

Алѣевъ уѣзжалъ изъ Петербурга, жилъ въ провинціи, потомъ опять возвратился, издалъ новый сборникъ своихъ сочиненій, помогъ издать сборникъ «Красный цвѣтокъ»—памяти Гаршина, издалъ сочиненія В. С. Лихачова, еще что-то и снова исчезъ. Гдѣ онъ теперь—я не знаю.

Онъ подарилъ мнѣ книгу своихъ стиховъ со слѣдующей надписью: «Предупреждаю—работа топорная—ерунды много». Правъ ли онъ, говоря такъ самъ о себѣ—рѣшать не буду. Мнѣ кажется, что такіе любители литературы сдѣлали бы несомнѣнно больше, если бы вмѣсто сочинительства—занялись издательствомъ, развили дѣло, находящееся теперь въ рукахъ рыночниковъ и спекулянтовъ. Но у всѣхъ этихъ господъ «охота смертная» непремѣнно «сочинять». Недавно, одинъ издатель, едва владѣющій грамотой, хотѣлъ въ своемъ органѣ (органѣ?) печатать романъ собственнаго сочиненія. Его стали убѣждать—бросить затѣю.

— Отчего?

— Ну, зачѣмъ вамъ писать... ваше дѣло—издавать.

— Развѣ не могу? Глупъ?

— Нѣтъ... но...

Насилу убѣдили «новаго писателя» оставить романъ въ портфель.

Въ одномъ собраніи на квартирѣ у Ал—ва кто-то предложилъ издавать небольшую газету на паяхъ. За эту мысль ухватились и начали вырабатывать программу. С* прежде всего интересовался: поскольку будутъ получать главные члены редакціи. Я написалъ письмо къ одной далекой родственницѣ, съ которой въ ранней юности поссорился изъ-за религіозныхъ вопросовъ. Художница и образованная женщина, она сочувственно отнеслась къ мысли объ изданіи и давала въ займы 5 тысячъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ: уплачивать ей безъ процентовъ по тысячѣ рублей въ годъ, начиная со второго года изданія. Въ случаѣ краха—долгъ шелъ на смарку. Это было очень выгодное условіе. Но 5 тысячъ — слишкомъ маленькая сумма. Я уже хотѣлъ просить объ увеличеніи займа, но все дѣло расклеилось. С* очень былъ недоволенъ этимъ. Человѣкъ почти совсѣмъ неизвѣстный въ литературѣ, С* пописывалъ статьи и рассказы. Онъ выдумалъ коротенькіе монологи и серьезно увѣрялъ, что онъ открылъ чуть ли не новый родъ беллетристики. Въ бойкости письма ему, конечно, отказать нельзя. Сообщу одинъ фактъ, характеризующій стадность нашей интеллигентной молодежи. С* ужасно любилъ читать на вечерахъ, въ собраніяхъ, наивно воображая себя замѣчательнымъ чтецомъ. Въ одномъ собраніи онъ прочелъ что-то очень ужъ «забористое»—и молодежь пришла въ телячій восторгъ. Она начала кучами ходить за С*, который тутъ же былъ произведенъ въ заслуженные литераторы. Ко-

гда одинъ журналистъ спросилъ: «кто такой С*?», ему отвѣтили рѣзко: «развѣ не стыдно не знать заслугъ извѣстнаго С*!» Но очень печально кончилось минутное торжество С*: генераль-губернаторъ Гурко посадилъ его подъ арестъ на двѣ недѣли за чтеніе недозволенныхъ вещей. «Гражданинъ» горько плакалъ, но скоро забылъ урокъ и, выйдя изъ кутузки, снова охотно читалъ, хотя уже остерегался выбирать очень «пикантныя» вещи. Здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ фактѣ, характерномъ для пишущей среды. Одинъ господинъ пустилъ гнусную сплетню объ С*. И сейчасъ почти всѣ повѣрили, хотя то, что сообщали объ С*, было неправдоподобно до очевидности. Добрый малый, жуиръ, немножко лѣнтяй, немножко нарциссъ, С* не былъ способенъ на что нибудь гнусное. Его встревожила клевета. Онъ полетѣлъ объясняться съ авторомъ ея. Тотъ величественно изрекъ: «Я не желаю отвѣчать!».— «Я побью его!»—горячился С*.—Мы отсовѣтовали ему дѣлать это. Онъ послушался, и хорошо поступилъ.

Съ 1880 года въ Петербургѣ началъ издаваться новый дѣтскій журналъ «Игрушечка». Во главѣ журнала стала Татьяна Петровна Пассекъ, авторъ извѣстной всей читающей публикѣ книги «Изъ дальнихъ лѣтъ», бывшая въ дружескихъ отношеніяхъ со многими видными литературными дѣятелями сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Другъ Огарева, Герцена, Татьяна Петровна много видала на своемъ вѣку, много интереснаго поразказала въ своей книгѣ, а на старости лѣтъ захотѣла поработать на пользу дѣтей, которыхъ она страстно любила. «Бабушка Пассекъ» была извѣстна почти всѣмъ писателямъ, жившимъ въ Петербургѣ. Такъ многіе и говорили: «пойдемъ къ бабушкѣ!». Ее всѣ любили, охотно навѣщали ее въ ея скромной квартиркѣ. За послѣднее время она всѣхъ принимала, лежа въ постели, въ которой и работала. Такою она и представлена на портретѣ прекрасной работы, висащемъ теперь въ конторѣ редакціи «Игрушечки».

Я познакомился съ Татьяной Петровной лѣтомъ 1880 года, когда жилъ на Волховѣ, въ имѣніи М. И. Өедотовой. Мыза «Степаньково» расположена въ глуши, окружена рѣками и лѣсами. Когда-то она отличалась благоустройствомъ, а въ 1880 году уже представляла собою только остатки былого величія: домъ полуразрушенъ, дворовыя постройки пришли въ упадокъ. Неопытная женщина, Өедотова отдала имѣніе въ аренду, а часть лѣса на срубъ волховскому лѣсопромышленнику Өедору Дыр—ву, который преспокойно срубилъ на дрова чуть не весь лѣсъ... Одинъ изъ арендаторовъ продалъ скотъ тирольской породы и бѣжалъ. Когда мы пріѣхали въ имѣніе, въ домѣ всѣ стекла оказались выбитыми. Нѣсколько дней мы жили, какъ на бивуакѣ. Я былъ очень доволенъ, что попалъ въ глушь, гдѣ такъ хорошо отдыхать. Несмотря на многіе недочеты, все-таки деревня лѣтомъ рай,

и именно деревня, а не дача. Какая масса воздуха, пропитанного ароматомъ лѣса! Какая ширь! Живется безъ стѣсненія. Я вставалъ рано, бродилъ по лѣсу и проводилъ цѣлые часы на рѣкѣ, катаясь въ лодкѣ и даже засыпая въ ней. Причалишь лодку къ берегу, въ кусты—и лежишь. Вольно дышитъ грудь, птицы поютъ (по утрамъ и вечерамъ соловьи давали свои концерты), лодку качаетъ слегка... и засыпаешь, словно убаюканный волною. Въ это лѣто я и написалъ стихотвореніе, такъ нравившееся Садовникову:

Позавчера, полуденной порою,
Въ простомъ рыбацкомъ челнокѣ,
Близъ берега, подъ тѣнью ивъ густою,
Я плылъ тихонько по рѣкѣ.
Лѣнливою дремотою объята,
Кусты склонялись надъ водой,
И ароматъ струился дикой мяты
Неосязаемой волной... и т. д., и т. д.

Я послалъ это стихотвореніе Н. А. Соловьеву, который былъ ближайшимъ помощникомъ Татьяны Петровны по «Игрушечкѣ». Онъ жилъ лѣтомъ въ помѣщеніи редакціи на Подъяческой улицѣ и чуть не ежедневно бывалъ у Пассекъ, въ Лѣсномъ. Стихи мои были напечатаны въ «Игрушечкѣ», понравились Татьянѣ Петровнѣ и она просила меня писать для журнала. У меня уже давно была задумана повѣсть для дѣтей, и вотъ, набросавъ первыя двѣ главы, я повезъ ихъ къ Соловьеву.

Два слова о немъ.

Это человѣкъ невысокаго роста, коренастый, съ медлительными движеніями, съ унылымъ видомъ, съ волжскимъ выговоромъ. Мало обращающій вниманія на внѣшность, философски смотрящій на жизнь, онъ часто игралъ роль успокоителя друзей, въ минуты ихъ личныхъ невзгодъ. Его призывали рѣшать даже семейные споры, ему довѣряли друзья свои интимныя тайны. Ему первому объявляли они о своемъ личномъ счастьѣ или горѣ. При многихъ семейныхъ разрывахъ ему пришлось быть невольнымъ судьей. Другъ дѣтей, онъ всегда встрѣчался въ знакомыхъ семьяхъ дѣтвoroй, какъ желанный гость. Онъ умѣлъ прекрасно обращаться съ малышами и занимать ихъ. Его всѣ любили и прощали ему то, чего никогда бы не простили другимъ. Чрезвычайно деликатный, онъ не имѣлъ смѣлости требовать своихъ заработанныхъ денегъ. Разъ съ нимъ случилась слѣдующая исторія. Онъ зашелъ къ одному издателю получить деньги за проданную книжку. Издатель очень любезно принялъ его.

— Вамъ слѣдуетъ двѣсти рублей?

— Да, двѣсти.

— Распишитесь, пожалуйста.

Онъ расписался.

Поговорили и ужъ на прощанье издатель вручилъ ему пачку кредитокъ. Стѣсняясь провѣрить деньги, Соловьевъ положилъ ихъ въ карманъ, и только на лѣстницѣ вынулъ и сосчиталъ. Вмѣсто двухсотъ рублей оказалось сто. Соловьевъ возвращается и говоритъ издателю, что онъ, вѣроятно, ошибся. Но издатель не призналъ ошибки и... довѣрчивый педагогъ-литераторъ получилъ вмѣсто двухсотъ всего сто рублей. Это такъ, однако, его поразило, что онъ около часу просидѣлъ на скамейкѣ у воротъ.

У Пассекъ онъ получалъ мало, а работалъ много. У него иногда не было денегъ на конку, и онъ пѣшкомъ возвращался изъ Лѣснаго.

— Отчего ты не скажешь Татьянѣ Петровнѣ?

— Неловко... Ни слова она сама... Какъ же...

Она забывала или просто не воображала, что у Ника (такъ она звала Соловьева) нѣтъ гривенника на конку. Она вообще очень наивно разсуждала о гонорарѣ. Когда, напримѣръ, я прочелъ ей первыя двѣ главы повѣсти «Иванъ Ивановичъ и Комп.», она сказала:

— Очень хорошо, Ал. Вас., очень хорошо. Что же... Это я напечатаю съ большимъ удовольствіемъ...

Помолчала и добавила:

— А вы недорого возьмете за разсказъ-то?

Я сказалъ.

— Что же... надо дать... оно дорогонько... да, хорошо... Нынче всѣ хотятъ денегъ... а прежде не такъ было... даромъ писали... право!..

Это было не совсѣмъ вѣрно. Но я замѣтилъ только:

— Тогда условія жизни были другія, Татьяна Петровна.

— Это вѣрно... такъ, такъ... Крѣпостное право было...

— Вотъ видите. А теперь у писателей нѣтъ оброчныхъ кормителей.

— Да, да...

Но въ одинъ изъ слѣдующихъ моихъ визитовъ «бабушка» снова выразила сожалѣніе, что писатели теперь за статьи денегъ требуютъ... тогда, какъ прежде, и т. д. Но она не удивлялась, что теперь издатели хотятъ жить на барыши отъ журналовъ.

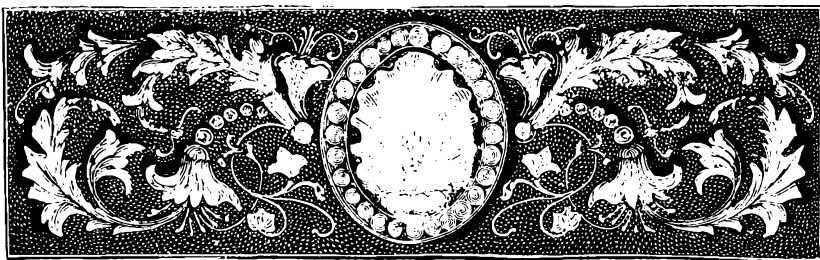
«Иванъ Ивановичъ и Комп.» былъ напечатанъ въ «Игрушечкѣ» за 1880 годъ.

Въ 1882 году подписка на «Игрушечку» начала падать. Этому причинъ не мало. Во-первыхъ, конторскіе беспорядки сильно вредили журналу. Многіе его не получали совсѣмъ, другіе—неаккуратно. Затѣмъ онъ началъ наполняться статьями, непригодными для дѣтей,—произведеніями, которыя принимались или потому, что дешево покупались, или потому, что у «бабушки» не хватало духу отказывать. Особенно ее умѣли осаждаютъ дамы. Бѣдному Нику было

не мало возни съ дамскими работами. Иныя чуть не заново передѣлывались имъ или самой Пассекъ. Между тѣмъ, здоровье ея ухудшалось и мѣшало серьезной работѣ. Вѣсть о смерти «бабушки» застала меня въ провинціи. Скоро умеръ и родственникъ Татьяны Петровны, Пашковъ, руководившій одно время журналомъ. «Игрушечка» перешла къ г-жѣ Тюфяевой-Пѣшковой, которой удалось снова поднять значеніе журнала и привлечь къ нему симпатіи публики. Одно время всѣ думали, что журналъ долженъ прекратиться. Однако, съ переходомъ въ новыя руки, онъ ожилъ и сталъ улучшаться. Дѣло, начатое «бабушкой», уцѣлѣло. Этому можно только порадоваться.

Александръ Кругловъ.

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ¹⁾.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

II.

На Волховѣ.—Я являюсь адвокатомъ рыбаковъ, какъ представитель печати.—Взглядъ соснинцевъ на корреспондента.—Большое мѣсто нашей прессы и забытый сѣверъ.—«Новгородскій Листокъ» и кое-что изъ его исторіи.—Доброе слово о трудящихся новгородцахъ.—Могила С. С. Пашкова.

ВТОМЪ 1880 года, живя на мызѣ М. И. Оедотовой, я часто ѣздилъ на Волхово, въ Соснинскую пристань, обитатели которой занимаются рыболовствомъ (хотя не исключительно только имъ). Я познакомился съ нѣкоторыми рыбаками, ѣздилъ съ ними на тони, изучалъ самый промыселъ. Въ августѣ я совсѣмъ переехалъ на пристань и прожилъ здѣсь до половины сентября.

Рыбаки не разъ спрашивали меня: чѣмъ я занимаюсь. «Какое твое ремесло?»—говорили они.

— А какъ вы думаете?

— Да Богъ ты знаетъ... либо чиновникъ, либо... изъ учителей... А гдѣ служишь, кто ты знаетъ...

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 340.

Я сказалъ, что нигдѣ не служу, а пишу книги.

— Стало быть, сочинитель?

— Да...

— А это не ты сочинялъ, есть у меня забавная книжка: «Разбойникъ атаманъ Буря»?—спросилъ одинъ рыбакъ.

— Нѣтъ, вѣдь тамъ сказано, кого сочиненіе.

— А я и не примѣтилъ... А ты какія же пишешь книги?

— Разныя...

— И въ газетахъ пишешь?

— Пишу.

— Въ этомъ твоя служба?

— Въ этомъ.

— А кто же тебѣ деньги платитъ?

— Кто издаетъ газету.

Я въ краткихъ словахъ объяснилъ дѣло.

— Такъ!.. Стало быть, у каждой газеты свой хозяинъ...

— Ну, да, конечно.

— Въ родѣ, какъ бы купецъ... а вы... у него на жалованьи... какъ бы приказчики, такъ будемъ говорить.

— Немножко не такъ,—съ улыбкой сказалъ я и еще сдѣлалъ кое-какія поясненія.

— А сколько же ты зарабатываешь?

— Разно... Не всегда одинаково... кромѣ того, между нами не всѣ одинаково зарабатываютъ. Есть такіе, которые въ годъ получаютъ тысячь 7, 8 и болѣе.

Рыбаки съ недоувѣріемъ поглядѣли на меня.

— И не врешь?—спросилъ обладатель «Атамана Бури».

— Не вру.

— Да это больше нашего становаго... богатство выходитъ!

Они съ любопытствомъ читали мою корреспонденцію изъ «Державинской Званки», помѣщенную въ «Новомъ Времени».

— Вѣрно, все такъ и есть... не ложь, что говорить! Вотъ теперь и тѣ знаютъ о Званкѣ, которые не бывали, не слышали о ней...

Волховъ славится сыртями и сигаами. Въ то лѣто «сигъ хорошо шелъ», но богатый мужикъ Набоковъ «сдѣлалъ утѣшеніе». Онъ наставилъ въ порогахъ рѣшетки и ловилъ рыбу чуть не руками. Это онъ позволялъ себѣ уже не первый годъ. Соснинцы жаловались, хлопотали, но ничего не выходило. Рубль большая сила.

И вотъ рыбакамъ пришла мысль обратиться за помощью къ газетѣ.

Рано утромъ пришли они толпою ко мнѣ.

— Ну, А. В., выручай.

— Въ чемъ?

— Да какъ ты теперь въ газетахъ пишешь, и въ этомъ твоя служба, самъ сказывалъ... такъ вѣдь?

— Такъ.
— Ну, послужи, стало, помоги намъ... не дай въ обиду!
— Развѣ я могу?
— Какъ не можешь! На тебя вся надежда.
— Въ чемъ дѣло?
— Набоковъ задушилъ насъ... Рѣшетки поставилъ... и беретъ сига руками, почитай, а мы—голодай! Развѣ законно и возможно такъ-то?

— Что же вы не жалуетесь?
— Эво! Да нѣшто мы не пытались!
— Ну?
— Ничаво! Богатѣй—одно слово. Бумажка кредитная—лучшій другъ... А ты все отпиши... Пусть тѣ узнаютъ, кому надоть... Онъ и побойтся, да и тѣ, что теперь ему мирволятъ. Чай, газету и большое начальство читаетъ?

— Читаетъ.
— Вотъ! Отписывай!
— Я же ничего не видалъ, господа!
— Зачѣмъ дѣло стало! Снаряжайся, огляди все... ѣдемъ! Не откажешься?

Я согласился, и на другой день мы отправились на пароходѣ къ тому мѣсту, гдѣ стояли рѣшетки.

Черезъ нѣсколько дней я написалъ корреспонденцію и послалъ ее въ «Новое Время». Всѣ рыбаки съ нетерпѣніемъ ждали ея появленія. Они заходили ко мнѣ и спрашивались.

— Что нѣтъ?
— Нѣтъ еще.
— А будетъ?
— Должно быть, фактъ не ничтожный...
— А ты еще напиши... чтобы, значить, безпремѣнно пропечатали...
Прошло около недѣли. Корреспонденція не являлась.
Рыбаки приуныли.
— Гляди, не будетъ ничего! Должно такъ!
— Почему думаете?
— Богачъ! Богачу вездѣ мирволятъ.
— Ну, здѣсь его богатство не имѣетъ значенія!
— А закупить онъ не можетъ?
— Да онъ и не знаетъ, что послано... И во всякомъ случаѣ ни о какой закупкѣ не можетъ быть и рѣчи.
— А застрапать?
— Его не боятся... Не о такихъ, какъ онъ, пишутъ!
Но вотъ корреспонденція появилась.
Рыбакъ, у котораго я нанималъ квартиру, приближалъ ко мнѣ.
— Пропечатано!—воскликнулъ онъ весело.—Все, какъ есть... что ты читалъ, все и въ газетѣ... Чудесно!

— Гдѣ-жъ ты видѣлъ?

— На станціи читають. Теперь онъ держись!

Къ вечеру, когда я получилъ номеръ «Новаго Времени», у меня его выпросили почитать и... не вернули. Онъ былъ такъ «исчитанъ», что превратился въ ветошь. Читали въ одиночку, и потомъ цѣлой толпой. Читали на улицѣ, въ трактирѣ. Словомъ произошла сенсація.

— Теперь онъ держись!

— Ужъ что-ничто, а рѣшетки убереть!

Нашлись и скептики. Они не только не ждали отъ корреспонденціи благихъ результатовъ, но и боялись отвѣтственности. Въ этомъ ихъ поддерживалъ одинъ желѣзнодорожный агентъ.

Онъ говорилъ:

— Ждите... какъ же!.. не только вамъ, а и литератору достанется...

— За что?

— Не пиши!..

— А намъ за что?

— Вы какъ смѣли возить да показывать... Развѣ онъ ревизоръ? Что же, вы ему на начальство жаловались?

— Зачѣмъ!.. мы только, значить, насчетъ утѣшенія... пропечатать!

— Вотъ вамъ и пропечатають.

Рыбаки трусили.

— Слышь, что говорятъ? Правда?

— Ничего, не бойтесь!

— А ты?

— Я не боюсь... Все вздоръ. На правдивыя корреспонденціи обращаютъ вниманіе.

Желѣзнодорожный агентъ былъ посрамленъ. Корреспонденція имѣла вліяніе. Рѣшетки пришлось убрать.

Рыбаки ликовали.

— Знаешь что,—промолвилъ сѣдой рыбакъ:—какъ я погляжу, твоя служба очень пользительна. «Не ревизорій», говоритъ онъ (агентъ). Вотъ тебѣ и не «ревизорій», а въ родѣ него. Сейчасъ послушали... Стало быть, высшее начальство нарочно и сдѣлало такъ, чтобы вы ему правду сказывали... что не такъ—и въ газету... не укроешься!

Престижъ «корреспондента» въ глазахъ соснинцевъ поднялся. Ничто не дѣйствовало, а тутъ послушали. Значить, сила, могущественный человѣкъ. Надо бояться такого. Вскорѣ послѣ появленія корреспонденціи случился курьезъ. Какому-то соснинцу мѣстная лавочница отпустила мясо «съ душкомъ».

— Бери назадъ... припахиваетъ.

— Ладно, съѣшь, не князь... не возьму назадъ!

— Не возьмешь? погоди! Сейчасъ несу сочинителю, пусть осмотритъ... и въ газету. Достанется тебѣ!..

Лавочница испугалась и взяла обратно мясо.

Какъ-то хозяину окрестнаго завода говорить:

— А у васъ харчи-то не больно тѣво...

— Не баре,—ѣдятъ!

— Такъ-то такъ, а не пришлось бы и худо.

— Отчего? У меня все пріятели... Начальство—свои люди.

— Да что начальство... а вотъ тутъ сочинитель живетъ... Набокова прижали... Глядь, пріѣдетъ, опишетъ...

Харчи у рабочихъ вдругъ стали лучше. Я дѣйствительно заѣхалъ на заводъ посмотрѣть дѣло. Гляжу, хозяинъ встрѣчаетъ словно ревизора и проситъ попробовать, чѣмъ кормятъ рабочихъ. Я удивленъ странной просьбой, но исполняю ее.

— Вѣдь щи хорошія-съ?

— Хорошія...

— Я всегда на этотъ счетъ... главное, чтобы сыты были и довольны, не какъ прочіе другіе... ужъ вы, пожалуйста, если что... не пущайте морали...

На другой день одинъ соснинецъ объяснилъ мнѣ «загадку». Я посмѣялся, но былъ радъ, что хотя невольно могъ повліять на улучшеніе продовольствія рабочихъ.

Когда я уѣзжалъ съ пристани, помощникъ начальника станціи замѣтилъ мнѣ:

— Жаль, что вы уѣзжаете.

— А что?

— Страхъ наводили... Многіе попридерживались... Знаете, печатное слово — хорошая узда... Вонъ рабочіе вздохнули... не будь васъ—и рыбаки все бы терпѣли...

Да, провинція болѣе всего нуждается въ «гласности», въ печатномъ словѣ, потому что въ ея дебряхъ совершается масса такихъ безобразій, которыя возможны только при отсутствіи мѣстнаго органа печати. Столичная печать не можетъ сдѣлать то, что доступно мѣстной, областной. Столичная газета можетъ отмѣтить явленія болѣе крупныя, общія; если бы она захотѣла выйти изъ своихъ рамокъ, она взяла бы на себя невозможную задачу. Нельзя же столичной газетѣ превратиться въ органъ одного города, одной губерніи или даже цѣлой области. Она и отмѣчаетъ факты болѣе выдающіеся. Между тѣмъ и менѣе крупныя явленія изъ мѣстной жизни нельзя игнорировать.

Для этого необходимъ свой, областной органъ, который разрабатывалъ бы мѣстные матеріалы, боролся бы за интересы края, доводилъ бы до свѣдѣнія центра о нуждахъ области, помогая людямъ идеи въ борьбѣ, держалъ бы въ уздѣ хищниковъ и представителей беззаконія. Защищая столичныя газеты отъ несправедливыхъ упре-

ковъ, я долженъ, однако, признать, что вообще «внутренній отдѣлъ» — самое больное мѣсто нашей прессы. Прежде всего онъ не всегда находится въ рукахъ достаточно компетентныхъ. Случается, нерѣдко, что во главѣ его стоитъ человѣкъ, не знающій провинціи, не бывавшій никогда дальше столицы. Такому кабинетному журналисту часто кажется ничтожнымъ важное, вѣрнымъ невозможное, потому что провинція мѣрится на столичный аршинъ. А между тѣмъ тутъ дистанція — огромнаго размѣра. Затѣмъ плохо поставленъ самый отдѣлъ корреспонденцій. Онъ по большей части — случайныя, написанныя лицами неизвѣстными или мало извѣстными редакціи. Является ложь, тенденціозное освѣщеніе фактовъ. Нѣкто въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстной властью — и онъ восхваляетъ ея дѣятельность. Эти «пристѣпники», эти «корреспонденты-карьеристы» — явленіе довольно обыкновенное. Не много и корреспондентовъ, хорошо освѣдомленныхъ. Между тѣмъ отдѣлъ корреспонденцій — важный отдѣлъ. Теперь онъ часто играетъ роль «затычки». Посмотрите, какъ мало писемъ изъ провинціи. Одна, много двѣ корреспонденціи въ номерѣ. И какія корреспонденціи! Для публики этотъ отдѣлъ несомнѣнно важнѣе, чѣмъ всѣ театральныя хроники, вся болтовня газетныхъ юмористовъ, которымъ мѣсто въ юмористическихъ листкахъ. Даже слишкомъ много о «заграницѣ» и мало о Россіи. Мало потому, что невѣрно поставлено дѣло. Газета должна имѣть во всѣхъ мѣстностяхъ своихъ корреспондентовъ, извѣстныхъ хорошо редакціи, освѣдомленныхъ, честныхъ, на слово которыхъ можно положиться и которые въ это дѣло положили бы всѣ силы. У нихъ могутъ быть помощники, агенты, — это уже ихъ забота. Но они отвѣчаютъ передъ газетой за каждую строку. Лишь при такой постановкѣ отдѣлъ корреспонденцій получить серьезное значеніе, и слово печати приобрететъ довѣріе. Это будетъ стоить дорого, но вѣдь нельзя же выѣзжать на 2-хъ копейкахъ или даже на пяточкахъ, за которые только и можно получить случайныя письма случайныхъ корреспондентовъ. У газеты нѣтъ гарантіи, что она имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія. Она не можетъ требовать, чтобы корреспондентъ стоялъ на высотѣ своей задачи... Чтобы онъ могъ во все вникать, чтобы онъ, человѣкъ знанія и опыта, все время, всѣ силы посвятилъ дѣлу печати, онъ долженъ быть обезпеченъ и имѣть возможность исполнять достойно свою миссію.

И все-таки это не исключаетъ областной печати. Желательно развитіе журнальнаго и газетнаго дѣла въ провинціи. Надо, чтобы провинція сама какъ можно болѣе докладывала о себѣ, нужно, чтобы на свѣтъ Божій выплывали и такія явленія, которыя не интересны для общей прессы, но все-таки важны, потому что они имѣютъ значеніе для областной жизни. Развитіе областной печати полезно въ смыслѣ узды, какъ мѣтко выразился желѣзнодорожный

агентъ. Гдѣ есть свой органъ, тамъ менѣе повадно хищникамъ творить свои темныя дѣла. Мѣстный органъ печати можетъ явиться надежнымъ другомъ правительства въ его благихъ начинаніяхъ, помогая искоренять зло и объясняя читателямъ значеніе той или другой законодательной мѣры. Газета, настоящая, хорошая газета, а не лавочка новостями, конечно, полезна для края не менѣе всякой школы, школа для взрослыхъ. У насъ, гдѣ вся провинція никакимъ другимъ способомъ не имѣетъ возможности заявить о своихъ нуждахъ, областная печать получаетъ особенное значеніе. Не смотря на все это, очень мало провинціальныхъ органовъ, провинціальная печать не пользуется симпатіями въ сферахъ, отъ которыхъ зависитъ ея процвѣтаніе. Она какъ бы только терпима, къ ней точно только снисходятъ. Областныхъ органовъ печати мало, да и тѣ, которые есть, не пользуются правами столичныхъ собратьевъ. Почему-то признается, что писатель столичный можетъ пользоваться бѣльшими правами, чѣмъ провинціальный. Уличный столичный листокъ, преслѣдующій интересы лавочки, пользуется безцензурностью, а серьезный провинціальный органъ долженъ быть непременно подцензурнымъ. Между тѣмъ въ провинціи-то именно чаще всего и затрудняется правдивое слово, здѣсь-то ему, серьезному и честному слову, и надо дать необходимую свободу, чтобы оно звучало на пользу края, отечества и той власти, которая издревле ведетъ государственнй корабль впередъ по пути прогресса. Но и при тѣхъ, крайне стѣсненныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится вся областная печать, она все-таки можетъ дѣлать честно свое дѣло. Югу посчастливилось болѣе всѣхъ другихъ областей. Тамъ «Южный Край», «Кіевлянинъ», «Кіевское Слово», «Новороссійскій Телеграфъ», «Одесскій Листокъ», «Одесскія Новости», «Пріазовскій Край» и др. Въ Одессѣ—4—5 органовъ, въ Кіевѣ—3. Но сѣверъ совершенно обиженъ. Онъ совсѣмъ забытъ и не имѣетъ представителя въ хорѣ русской журналистики. Онъ обреченъ на жалкую судьбу—довольствоваться рѣдкимъ вниманіемъ центральной прессы. Громадный край (Вологодская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская, Пермская и Костромская губ.) лишены своего печатнаго органа, хотя имѣетъ насущныя нужды, чувствуетъ необходимость въ газетѣ, которая занималась бы дѣятельно разработкой мѣстныхъ интересовъ, неустанно докладывала бы о нихъ обществу и государству. Повторяю, что и при тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какія поставлена областная пресса, газета сѣвера могла бы принести не мало пользы.

Въ доказательство укажу на «Новгородскій Листокъ». Онъ существовалъ недолго, былъ далекъ отъ желаемого идеала, и тѣмъ не менѣе онъ оказалъ пользу краю. Здѣсь не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о «Новгородскомъ Листкѣ», который былъ единственнымъ печатнымъ органомъ, единственнымъ представителемъ въ журнальномъ мірѣ сѣвера, небольшого его уголка. «Листокъ»

прекратился 12 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ сѣверъ неустанно хлопочетъ объ основаніи новаго печатнаго органа. На сѣверъ обращено правительственное вниманіе, его значеніе признается, у него много своихъ нуждъ, нуждъ русскаго племени, нисколько не менѣе важныхъ, чѣмъ нужды другихъ угловъ Россіи,—и все-таки онъ, забытый пасынокъ, не можетъ добиться своего печатнаго органа. Вопросы назрѣли, мнѣнія мѣстныхъ авторитетныхъ лицъ, безъ сомнѣнія, желательно выслушать, но газеты нѣтъ! Имѣютъ газеты маленькіе города, малозначительные уголки, а громадный сѣверъ ея лишенъ, здѣсь почему-то газета считается ненужною, и всѣ хлопоты сѣвера разбиваются, какъ волны о скалу. Очень жаль, конечно, что погибъ «Новгородскій Листокъ», который могъ бы развиваться до областного органа и, исправля свои ошибки, сдѣлаться большою газетою сѣвера. Но онъ погибъ не по своей винѣ.

Коротка и грустна его повѣсть.

Онъ основанъ небольшимъ кружкомъ мѣстной интеллигенціи. Отвѣтственнымъ редакторомъ явился учитель гимназіи Еліашевичъ, который вложилъ въ газету всѣ свои средства. Изъ болѣе дѣятельныхъ и выдающихся сотрудниковъ надо назвать слѣдующихъ: д-ра Шпаковского, владѣющаго острымъ перомъ, извѣстнаго педагога—С. З. Бураковского, земскаго дѣятеля Нечаева, И. П. Можайскаго, Тетрюмова, Передольскаго... На призывъ редакціи сочувственно откликнулись представители земства, учителя и вообще интеллигентные люди, имѣвшіе что сказать, желавшіе подѣлиться съ публикой фактами и мыслями. Отдѣлъ корреспонденцій игралъ большую роль и всегда отличался солидностью, отзывчивостью; нѣкоторыя корреспонденціи были написаны нѣсколько рѣзко, но въ этой рѣзкости чувствовалась горячая любовь, возмущенное чувство гражданина.

1 № вышелъ 1 ноября 1881 года. Въ своемъ *profession de foi*, выраженномъ въ передовой статьѣ, редакція говоритъ между прочимъ: «выступая съ своимъ органомъ на поприщѣ общественной дѣятельности, мы заявляемъ себя горячими и искренними сторонниками великихъ преобразованій, глубоко убѣжденные, что только въ этихъ преобразованіяхъ и ихъ дальнѣйшемъ прогрессивномъ развитіи заключается залогъ будущаго величія нашего горячо любимаго отечества. Обращаясь къ ближайшимъ преслѣдуемымъ нами цѣлямъ, мы полагаемъ заняться всестороннею разработкою исключительно вопросовъ краевыхъ, вытекающихъ изъ мѣстныхъ нуждъ и пользы, убѣжденные, что только при такой постановкѣ дѣла провинціальная печать имѣетъ свой *raison d'être*. Мы посвятимъ свои силы и средства на всестороннюю, тщательную и вполне безпристрастную разработку вопросовъ, вытекающихъ изъ жизни земскаго и городского самоуправленія. Мѣстное сельское хозяйство, народное образованіе, положеніе сельскаго и городского пролетарія,

средство къ поднятію общаго благосостоянія трудящагося класса и тому подобныя неотложныя вопросы не будутъ сходять со страницъ нашей газеты».

Программа, какъ видитъ читатель, исполняемо и хорошо очерченная, и при томъ именно такая, какой слѣдуетъ держаться областному серьезному органу. Но задача, взятая на себя газетой, была не изъ легкихъ. Жизнь общественная и выдвигаемые ею вопросы такъ безчисленны и безконечно разнообразны, что требуютъ тщательнаго и солиднаго изученія. Эти вопросы, тѣсно связанныя съ политико-соціальными условіями государства и отъ нихъ зависящія, становятся нерѣдко подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій недоступными для изслѣдованій. Эта недоступность дѣлаетъ газетный органъ малосодержательнымъ. Такое условіе было извѣстно новой газетѣ, но кружокъ, руководившій ею, начиналъ дѣло съ свѣтлымъ взоромъ на настоящее, съ лучшими надеждами на будущее, полагая въ дѣло всю душу, при искреннемъ желаніи принести хотя малѣйшую пользу родинѣ.

И эта польза была принесена газетой. Она возбуждала серьезные вопросы, рѣшала ихъ съ знаніемъ дѣла; она являлась горячимъ словомъ, будившимъ спящихъ, бичевавшимъ людей мрака и застоя. Не обошлось дѣло безъ ошибокъ, безъ промаховъ. «Листокъ» иногда былъ буенъ и задоренъ, конечно, въ предѣлахъ дозволенности, но онъ всегда преслѣдовалъ высокую цѣль и не сходилъ съ почвы, внѣ которой газета дѣлается органомъ, а не органомъ. Къ концу года онъ сталъ сдержаннѣе и солиднѣе. Чтобы видѣть, какъ служилъ «Листокъ», достаточно назвать нѣсколько статей; укажемъ на слѣдующія: «Нужды сельскаго хозяйства Новгородской губерніи», «О неправильномъ взиманіи пошлинъ за раскурочныя марки», «Новгородскій городской банкъ», «Очерки кустарной промышленности Новгородской губерніи», «Крестьянскіе недоимки и уменьшеніе выкупныхъ платежей», «Волостной банкъ», «Попечители начальныхъ школъ», «Матеріалъ для біографіи Аракчеева», «Вниманію гг. аптекарей», «Народное образованіе въ Новгородскомъ уѣздѣ», «Какъ выгодно покупать крестьянамъ земли», «Замѣтки о санитарномъ состояніи Новгорода», «По вопросу о питейной торговлѣ» и т. д. У авторовъ всѣхъ этихъ статей видна серьезная эрудиція, основательное знаніе предмета, жизни. Этими качествами отличаются и статьи по чисто мѣстнымъ вопросамъ. Корреспонденція—живая, серьезная, часто своего рода тѣ же статьи и этюды, какъ, напримѣръ, письма изъ Тесова, Тихвинскаго уѣзда, Валдая и Руссы. Корреспонденты мало останавливаются, даже почти совсѣмъ не останавливаются на явленіяхъ мелкихъ, интересныхъ по внѣшности, криминальныхъ и тѣмъ болѣе скандальныхъ. Нѣтъ, они касаются вопросовъ экономическихъ, освѣщаютъ народный бытъ, даютъ рядъ картинъ изъ жизни народа, учителей, отмѣчаютъ все, что мѣшаетъ

развитію народнаго благосостоянія, тормозить образованіе, поддерживаетъ мракъ,—и выдають головой всѣхъ хищниковъ и народныхъ піявокъ, алчныхъ на мужицкій «грошъ» и жирный пирогъ. Рѣдко можно встрѣтить газету, въ которой корреспонденціи были бы столь значительны и интересны. Редакція успѣла найти корреспондентовъ, которые ставили на первое мѣсто дѣло, содержаніе, а не зубоскальство и пикантность. Корреспонденціи, а равно и городская и земская хроника, производили сенсацію и создавали въ то же время враговъ газетъ,—враговъ, съѣвшихъ безжалостную обличительницу ихъ безобразныхъ дѣяній и хищническихъ подвиговъ. Вотъ, напримѣръ, прекрасная статья г. Шпаковского: «Дѣтская бойня». Надо имѣть каменное сердце, чтобы спокойно читать эту статью, полную фактовъ, возмущающихъ душу, статью, написанную кровью сердца. Открываются картины, которыя заставляютъ сомнѣваться въ нашей принадлежности къ цивилизованному міру... Невольно думается: что же мы за лицеѣры, что же мы за фальшивые христіане! И какъ это мы, заботясь о собачкахъ и кошечкахъ, забываемъ совсѣмъ о дѣтяхъ, бѣдныхъ дѣтяхъ, работающихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ! Конечно, разоблаченія эти непріятны тѣмъ, кто привыкъ творить безобразіе подъ покровомъ темноты. Но въ этомъ-то и заслуга газеты!.. У честной газеты всегда много враговъ. И въ этомъ—ея лучшій аттестатъ. Грустно, что враги иногда сильны и губятъ газету, мѣшающую имъ. 1 ноября 1881 г. вышелъ 1 № «Новгородскаго Листка», а 7 ноября 1882 г. редакція выпустила послѣдній № газеты... Она прощается съ читателями... быть можетъ, на время, а, можетъ быть, и навсегда... Но она прощалась навсегда. Больно читать эти строки: «сегодня мы должны праздновать годовщину нашего изданія, но вмѣсто этого приходится оплакивать его прекращеніе, вызванное причинами, отъ насъ не зависящими. Грустное совпаденіе тѣмъ болѣе грустно, что мы лишены даже возможности откровенно переговорить съ тобою, читатель, о его причинахъ».

Дальше редакція говоритъ: «тернистъ и опасенъ путь провинціальнаго издательства, и въ особенности труденъ онъ на первыхъ порахъ, при началѣ изданія, когда нужно побороть апатію общества, отрицательно относящагося ко всякой новизнѣ, выработать извѣстную привычку къ гласности, привлечь кружокъ сотрудниковъ и читателей, однимъ словомъ создать болѣе или менѣе обширную аудиторію для публичнаго обсужденія всѣхъ мѣстныхъ вопросовъ и установить внутреннюю связь между изданіемъ и публикой».

Это газетѣ удалось. Ея значеніе росло, подписка увеличивалась, связь крѣпла. И... въ это-то самое время пришлось противъ воли прекратить дѣятельность. Фельетонистъ Dieudonné, перо котораго было бы очень полезно и не маленькій провинціальный газетѣ, разстается съ читателями въ сознаніи исполненнаго долга по си-

ламъ и возможности. «Ясно сознавъ всю необходимость мѣстной прессы,—говоритъ онъ,—въ интересахъ общественной жизни, въ видахъ пробужденія общественнаго самосознанія, ради освѣщенія свѣтомъ гласности тѣхъ темныхъ закоулковъ, гдѣ такъ привольно и удобно обмочивается рожь на обухѣ, гдѣ такъ роскошно зрѣютъ плоды самодурства и кулачества, мы бодро взялись за дѣло изданія, съ твердой увѣренностью въ его полезности. Мы мечтали о томъ, чтобы путемъ гласности ограничить хотя нѣсколько наглый произволъ, безцеремонную эксплуатацію общественнаго кармана шайками сплотившихся во имя наживы «дѣльцовъ», будучи твердо увѣренными въ томъ, что только въ атмосферѣ дневного свѣта и возможенъ тотъ широкій общественный контроль, безъ котораго немыслима дѣятельность нашихъ органовъ самоуправленія. Мы знали, что намъ предстояло задѣть интересы многихъ «сильныхъ» сознаниемъ своей безнаказанности, живучестью строя, который предполагаетъ удобныя лазейки для того, чтобы все было «шито и крыто».

Вотъ эти дѣльцы, сильные неправдой, и скушали газету. Сначала они старались оклеветать руководителей ея, называя ихъ людьми, у которыхъ нѣтъ ничего святого. Но ихъ клеветы не помогли. Газета пріобрѣтала популярность и симпатіи лучшей части общества. «Новг. Листокъ» крѣпъ. Тогда дѣльцы перемѣнили тактику. На насъ,—говоритъ фельетонистъ «Листка»,—посылали цѣлый ворохъ всевозможнѣйшихъ инкриминацій, тѣмъ болѣе опасныхъ, что онѣ, наносимыя въ ночной тиши, не давали намъ въ руки необходимыхъ средствъ защиты». Утѣшая будущихъ продолжателей дѣла, фельетонистъ заключаетъ: «своимъ наслѣдникамъ мы оставляемъ путь, значительно расчищенный, и много тѣхъ жалъ, которыя съ остервенѣніемъ направлялись въ нашу сторону, излили уже по нашему адресу опаснѣйшія порціи своего яда. Прощайте, читатели. Если въ васъ созрѣло убѣжденіе въ необходимости того дѣла, которому мы служили, то наше дорогое дѣло найдеть себѣ продолжателей».

Увы, продолженіе дѣла, о которомъ говоритъ фельетонистъ, не зависитъ отъ одного желанія. Оно было и есть, и все-таки новой газеты на сѣверѣ нѣтъ. Издатель «Новгородскаго Листка», учитель гимназіи, вынужденный или отказаться отъ своего педагогическаго дѣла или отъ изданія газеты, охотно и безвозмездно уступалъ свое право на газету. Но передача не могла состояться, опять-таки по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ.

И «Новгородскій Листокъ» умеръ.

Я потому такъ долго остановился на этой маленькой газетѣ, существовавшей всего годъ, что ея исторія поучительна, а она сама, какъ піонеръ на сѣверѣ, заслуживаетъ вниманія. Эта маленькая газета, можно сказать прямо, была одной изъ лучшихъ про-

винціальныхъ газетъ. На югѣ издается очень много газетъ, большихъ и распространенныхъ, но я ихъ не поставлю на одну доску съ этимъ маленькимъ «Листкомъ». Онъ тѣмъ рѣзко и отличался отъ всѣхъ своихъ собратьевъ, что ни разу не спускался за черту, за которой печатный органъ превращается въ органъ. Онъ не по-творствовалъ инстинктамъ толпы, не служилъ ея низменнымъ вкусамъ, не гнался за успѣхомъ розничной продажи, не допускалъ балагана на своихъ столбцахъ. Это была маленькая газета, имѣвшая большое значеніе для края. Каждая строка была проникнута горячей любовью къ родинѣ, каждое слово дышало убѣжденіемъ. Кружокъ людей, руководившій ею, не добивался наживы и началъ изданіе не съ цѣлью приобрести дома или имѣнія, а во имя долга гражданина. Онъ хотѣлъ служить родинѣ печатнымъ словомъ. Я упомянулъ о фельетонахъ г. Dieudonné. Это были желчныя, злые и остроумные фельетоны. Но это не остроуміе фигляра, которое допускаютъ многія газеты охотно ради подписки, изъ угожденія улицѣ. Это былъ смѣхъ сквозь слезы, это была сатира, бичъ, которымъ писатель-гражданинъ выгонялъ изъ храма правды торговцевъ истиной. Нельзя было читать фельетоновъ для сваренія желудка... Нѣтъ, вамъ хотѣлось плакать, вамъ дѣлалось больно, стыдно, за другихъ, за свое малодушіе, за свою трусливую молчаливость. У васъ пробуждалась энергія, и рождалось желаніе служить родинѣ и бороться во имя ея блага.

Такой писатель, какъ бы онъ ни былъ малъ по литературной табели о рангахъ, заслуживаетъ благодарности, какъ боецъ-журналистъ. А взглядъ Dieudonné раздѣляла вся котерія газеты, и вотъ почему газета была такъ цѣльна и имѣла такое значеніе въ краѣ. Уличный листокъ, какой бы громадной величины онъ ни достигъ, никогда не будетъ страшенъ людямъ мрака и дѣльцамъ, сильнымъ сознаніемъ своей безнаказанности. Они любятъ такіе листки и охотно ихъ поддерживаютъ. Литературные органчики забавны, но безопасны. Не таковъ былъ маленькій «Новгородскій Листокъ», и онъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Сѣверъ безъ газеты. Но она должна явиться. И, можетъ быть, ей придется дѣйствовать при лучшихъ условіяхъ, на болѣе прочной почвѣ. Промахи «буйнаго» ушкуйническаго «Листка» должны быть приняты во вниманіе. Конечно, люди мрака всегда будутъ врагами честной газеты. Преслѣдовали корреспондентовъ «Новгородскаго Листка» (они, на примѣръ, теряли мѣста) и самихъ руководителей. Ждутъ испытанія и будущихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Но «блаженны изгнанные правды ради». Давно извѣстно, что путь писателя — тернистый путь, особенно провинціального писателя. Такъ вѣдь за это дѣло и не должны браться люди, желающіе только жирнаго пирога и спокойствія. На свѣтѣ есть другія занятія, а на журнальномъ поприщѣ они всегда будутъ только лавоч-

никами или забавниками. Не ихъ ждетъ провинція, какъ своихъ адвокатовъ и пророковъ. Не они явятся и въ роли простыхъ, честныхъ тружениковъ на пользу той же провинціи.

Я засталъ «Новгородскій Листокъ» почти уже наканунѣ его смерти.

Я пріѣхалъ осмотрѣть новгородскія древности и зашелъ въ редакцію газеты. Въ редакціи я нашелъ самого издателя г. Еліашевича и ближайшаго сотрудника — Шпаковского. Они встрѣтили меня очень радушно, и въ какіе нибудь полчаса мы сблизились такъ, словно были давно знакомы. Послѣ душевной бесѣды мы отправились въ Колмовскую психіатрическую больницу, подъ Новгородомъ, директоромъ которой состоялъ Шпаковский. Помню курьезный случай. Еліашевичъ помѣстился на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Но какой-то ухабъ—онъ не удержался и упалъ съ козелъ.

— Ну, паденіе «Листка» совершилось,—произнесъ смѣясь Шпаковский.

Вскорѣ я познакомился съ Мерянскимъ, ватѣмъ съ И. П. Можайскимъ и года черезъ два съ Бураковскимъ, Ѳедоровымъ, Котельковымъ, Передольскимъ и съ молодой поэтессой О. Н. Чюминой.

Лѣто 1886 года я прожилъ въ Новгородѣ, и объ этомъ времени у меня осталось самое пріятное впечатлѣніе. Я не держусь того мнѣнія, что только самые крупные дѣятели на томъ или другомъ поприщѣ заслуживаютъ вниманія и представляютъ интересъ для общества. Добраго слова достойны всѣ честные, полезные работники, надѣленные талантомъ и употребляющие свое дарованіе на пользу ближняго. О знаменитыхъ людяхъ пишутъ очень много, не только о нихъ, но даже и о дѣтяхъ ихъ, нисколько незнаменитыхъ, а нерѣдко совершенно ничтожныхъ. Между тѣмъ болѣе скромные дѣятели проходятъ въ тѣни, о нихъ мы часто ничего не знаемъ, и для многихъ ихъ имена даже совсѣмъ остаются неизвѣстными. Мало ли русскихъ талантливыхъ людей забыто и не оцѣнено. Мы очень неблагодарны и стыдливы не въ мѣру. Если другіе народы умѣютъ не въ мѣру возвеличивать своихъ дѣятелей, то мы уже черезчуръ склонны умалять заслуги своихъ даровитыхъ людей. Мы удостоиваемъ вниманія звѣзды и передъ ними холопски падаемъ ницъ, за то среднихъ талантливыхъ людей, некрупныхъ дѣятелей мы готовы совсѣмъ игнорировать. Это несправедливо, и я хочу поэтому помянуть добрымъ словомъ «трудящихся и трудившихся, служащихъ и служившихъ родинѣ» скромныхъ новгородцевъ. Я начну съ доктора Сергѣева, труженика-врача новгородской земской больницы, умершаго 10 ноября 1881 г. въ клиникѣ душевныхъ болѣзней. Въ исторіи русскаго земства, какъ справедливо говорить некрологи въ «Новгородскомъ Листкѣ», всегда на почетной страницѣ будутъ записаны имена тѣхъ молодыхъ медиковъ, которые, презрѣвъ всѣ блага государственной

службы, стремились въ медвѣжьи углы нашего отечества, откликаясь на зовъ новаго учрежденія. Съ юношескимъ жаромъ они принялись за дѣло, отдались борьбѣ съ укоренившимися предразсудками массы по отношенію къ врачебной помощи. Это было время страстнаго увлеченія молодыхъ медиковъ тѣми отраслями науки, которыя, давая быструю и осязательную помощь (хирургія, офтальмологія, акушерство), сразу завоевывали имъ общественное довѣріе. Сколько мрака и предразсудковъ разсѣялось, благодаря ихъ энергичной и упорной дѣятельности! Сколько роженицъ, подвѣшиваемыхъ за ноги или опаиваемыхъ водкой во время труднаго родового акта, было спасено ими! И если ихъ усилія въ распространеніи болѣе здоровыхъ гигиеническихъ понятій въ практической сферѣ встрѣтили неодолимую преграду въ условіяхъ народнаго экономическаго быта, то тѣмъ не менѣе и на этомъ полѣ работа земскихъ врачей будетъ всегда воспоминаема съ благодарностью исторіей русской медицины.

Однимъ изъ такихъ людей былъ Николай Сергѣевичъ Сергѣевъ. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, Н. С. опредѣлился на службу въ Бѣлозерскъ уѣзднымъ врачомъ, но съ открытія земскихъ учрежденій перешелъ на службу земства сначала бѣлозерскаго, потомъ череповецкаго, наконецъ новгородскаго. Н. С. почти всю жизнь работалъ на пользу деревни. Ему обязана своимъ существованіемъ земская больница. Первые серьезныя операціи какъ хирургическія, такъ и офтальмологическія были совершены имъ. Послѣ осязательныхъ доказательствъ медицинской помощи, когда слѣпой сталъ зрячимъ, къ доктору повалила масса больныхъ изъ отдаленнѣйшихъ угловъ уѣзда. Н. С. заслужилъ беззавѣтную любовь народа не только знаніемъ, но и гуманнымъ отношеніемъ къ больнымъ, своимъ безкорыстіемъ — качествомъ рѣдкимъ среди современныхъ эскулаповъ, служащихъ охотнѣе Ваалу, чѣмъ наукѣ и ближнему.

О Сергѣевѣ я узналъ многое отъ Шпаковского, извѣстнаго психіатра, энергіи и знанію котораго обязана Колмовская больница своимъ улучшеніемъ, а Одесская психіатрическая — тѣмъ процвѣтаніемъ, какое отмѣчено всѣми авторитетными посѣтителями. Сторонникъ и пропагандистъ колоній, Шпаковский явился новаторомъ въ своемъ дѣлѣ и настоящимъ другомъ больныхъ, которыхъ прежде держали чуть ли не на цѣпи. Одесская психіатрическая больница, куда Шпаковский перешелъ изъ Новгородской-Колмовской, можетъ служить образцомъ для другихъ... Вы видите больныхъ, работающихъ на дворѣ, въ полѣ; у нихъ свой клубъ, гдѣ они отдыхаютъ и развлекаются. У нихъ свой театръ. Прежніе ужасы канули въ вѣчность. Шпаковский, когда я впервые познакомился съ нимъ въ Новгородѣ, произвелъ на меня впечатлѣніе нервнаго, подвижнаго субъекта, готоваго на борьбу со зломъ. Его

прельщали широкіе горизонты. Рѣчь его дышала сарказмомъ. Этимъ сарказмомъ проникнуты и всѣ его статьи—публицистическаго характера. Это — худощавый человѣкъ средняго роста, съ русыми волосами, съ желтымъ цвѣтомъ лица. Онъ слѣпо всегда находится подъ давленіемъ безпокойной мысли, овладѣвшей имъ идеи. Это—энергія, соединенная съ даровитостью, это натура—артистическая. Одно время онъ занимался адвокатствомъ, и его рѣчи были блестящи. Онъ не мало работалъ въ «Новгородскомъ Листкѣ»,—и его статьи отличались подчасъ сарказмомъ, ироніей Гейне и Бёрне. Если бы онъ не избралъ поприща психіатра, онъ могъ бы сдѣлаться замѣчательнымъ публицистомъ и фельетонистомъ. Можно только жалѣть, что онъ, живя въ Одессѣ, не пишетъ въ одесскихъ газетахъ. Онъ не былъ бы фельетонистомъ во вкусѣ улицы и балагана или кривлякой въ шапочкѣ полинявшаго либерала, но онъ былъ бы сатирикомъ, который, подобно умершему Дьякову, больно хлесталъ бы всѣхъ, заслуживающихъ бича, и стрѣлы сарказма попадали бы въ самое больное мѣсто нашей соціальной жизни.

Сергѣй Захаровичъ Бураковскій—скромный, полезный и даровитый дѣятель. Ему теперь 53 года. Это—изящнаго бѣлокурый человѣкъ, средняго роста, худощавый, съ правильными, благородными чертами лица, съ искреннимъ, задушевымъ тономъ рѣчи. Это—сама простота, незлобивость, радушіе. Педагогъ по профессіи, онъ артистъ въ душѣ и прекрасный скрипачъ. Утромъ — служба, вечеромъ литературная работа, а затѣмъ отдыхъ со скрипкой въ рукахъ. Онъ членъ артистическаго кружка и развилъ любовь къ музыкѣ въ своихъ дѣтяхъ. Одна изъ его дочерей — превосходная піанистка и скрипачка. Въ литературѣ Б. извѣстенъ, какъ талантливый составитель учебниковъ, какъ авторъ многихъ статей историко-литературнаго и педагогическаго характера. Еще въ университетѣ С. З. принялъ участіе въ переводѣ книги съ чешскаго языка «Исторія чешскаго королевства» Томки. Затѣмъ онъ работалъ въ «Семейныхъ Вечерахъ» («Образцы обрядовой древне-русской поэзіи»), въ «Школьной Жизни», гдѣ его статья «Очерки русской начальной школы въ XVII в.» обратила на себя вниманіе въ педагогическомъ мірѣ. Имъ издано до 13 книгъ, пользующихся заслуженной извѣстностью въ учебно-педагогической литературѣ. С. З. въ 1892 году справилъ свой 25-лѣтній юбилей. Ученики С. З., между которыми есть уже извѣстные педагоги, доктора, инженеры, не забыли своего учителя въ день его праздника. Они откликнулись со всѣхъ концовъ Руси. Довольно много писалъ онъ въ «Новгородскомъ Листкѣ», и ему же, между прочимъ, принадлежит шутиливый экспромптъ по поводу «Новгородскаго Листка»:

Лишь только зарей освѣтился востокъ,
Какъ сталъ издавать Ельяшевичъ «Листокъ».
Не колоколъ опъ и не вѣче,
Но гласъ его слышенъ далече.

— Вотъ человѣкъ, у коего нѣтъ лукавства,—говорилъ про Б. покойный Иванъ Павловичъ Можайскій, тоже педагогъ, много работавшій въ «Искрѣ» Курочкина и въ другихъ журналахъ («Осколки», «Наблюдатель», «Русская Школа»). Квартира, гдѣ теперь живетъ С. З., въ нѣкоторомъ родѣ историческая. Здѣсь много лѣтъ тому назадъ жилъ археологъ-учитель Купреяновъ, у котораго останавливались историкъ Костомаровъ и маститый поэтъ А. Н. Майковъ. А. Н. читалъ здѣсь свой «Клермонтскій соборъ», а Костомаровъ наизусть былину о Садкѣ. На стеклѣ одного окна есть даже помѣтка Купреянова.

Въ хорошихъ отношеніяхъ съ Костомаровымъ былъ и И. П. Можайскій, писавшій стихи подъ псевдонимомъ Дядя Пахомъ (а не Митяй, какъ сообщается въ Новгородскомъ Сборникѣ). Книжка его стиховъ—теперь почти библиографическая рѣдкость. Она будитъ въ душѣ старыя грезы, напоминаетъ о быломъ времени, когда умѣли смѣяться безъ фиглярства и смѣясь не развращали читателя, не тянули его въ балаганъ.

Я познакомился съ Можайскимъ въ селѣ Померанѣ, куда онъ прїѣзжалъ въ качествѣ инспектора училищъ на ревизію.

Я бесѣдовалъ съ учителемъ, когда въ комнату вошелъ человѣкъ высокаго роста, сутуловатый, уже старыи, но очень бодрый, сильный и крѣпкій. Въ его бѣлокурыхъ волосахъ не было сѣдины. Только выпѣтшіе голубые глаза указывали на возрастъ. Взглядъ глазъ былъ—острый, начальническій, фигура—внушительная.

— Вамъ что угодно?—спросилъ онъ меня.

— Ничего... я хочу послушать, какъ будутъ экзаменовать.

Я не зналъ, кто говоритъ со мной.

— А вамъ любопытно?

— Очень. Я интересуюсь этимъ.

— Вы учитель?

— Бывшій, добровольецъ, такъ сказать.

— А теперь?

— А теперь—литераторъ.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ.

— А!—произнесъ Можайскій:—очень радъ! Ваши книги желанныя въ школѣ и любимыя дѣтьми... Очень радъ! Милости просимъ!

Его голосъ сдѣлался любезнымъ и ласковымъ.

Потомъ я убѣдился, что онъ нарочно напускалъ на себя строгость, чтобы маскировать большую сердечную доброту. И. П. былъ широкая русская натура, большой хлѣбосолъ, какихъ уже мало становится на Руси. Теперь всѣ сжимаются, стараются сберечь лишній грошъ и какъ можно поменьше истратитъ на угощеніе знакомыхъ. И. П. держался стариннаго завѣта:

«Что есть въ печи—на столъ мечи».

Заѣдешъ бывало къ нему въ Новгородъ—заугощаетъ. Любилъ самъ поѣсть и другихъ накормить. Большой онъ былъ гурменъ и умѣлъ пожить. Веселый рассказчикъ, остроумный анекдотистъ, онъ являлся душой общества. Искусственно строгій на службѣ,—дома, въ собраніяхъ знакомыхъ, онъ былъ простъ и задумчивъ. Была у него еще хорошая черта: не гнушаться простыхъ, бѣдныхъ родственниковъ. Къ нему пріѣзжалъ родственникъ-крестьянинъ, и И. П. садилъ его, въ випунѣ, за столъ со всѣми. На это неспособны нынѣшніе лощенные либералы, вышедшіе изъ народа. Надѣвъ фракъ, они уже боятся зановить руки о мужицкія мозоли и унижить свое званіе такой близостью съ сермягой. У И. П. осталась хорошая бібліотека и очень интересныя записки о своихъ скитаньяхъ по помѣщикамъ, въ роли домашняго учителя. По крайней мѣрѣ онъ говорилъ мнѣ объ этихъ запискахъ.

Иванъ Павловичъ любилъ театръ и былъ хорошо знакомъ съ мѣстнымъ актеромъ—Ниломъ Ивановичемъ Мерянскимъ-Богдановскимъ. Это—сочетаніе большого артистическаго дарованія съ практичностью дѣльца. Нѣкогда бѣднякъ, Н. И. сдѣлался домовладѣльцемъ въ Новгородѣ, выстроилъ театръ, былъ банковскимъ дѣятелемъ, корреспондировалъ въ «Голосъ» и «Новости», самъ издавалъ «Старорусскій Листокъ», имѣлъ свою типографію и книжную лавку, въ которой, впрочемъ, продавались не только книги, но, кажется, даже и разные предметы хозяйственнаго обихода. Средняго роста, плотный, съ отпечаткомъ ума и хитринкой въ лицѣ, олицетвореніе здоровья и энергіи, онъ производилъ на всѣхъ внушительное впечатлѣніе. Не помню, когда я познакомился съ нимъ,—кажется, у Еліашевича, на собраніи, на которомъ обсуждался вопросъ объ устройствѣ вечера въ память Шашкова и въ пользу его семейства... Потомъ я встрѣчался съ нимъ, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ, бывалъ у него нѣсколько разъ. Властнаго характера, отлично знающій людей, онъ умѣлъ управлять ими и, являясь антрепренеромъ, держалъ труппу въ строгихъ рукахъ. Живя въ Новгородѣ, я спросилъ у одного актера:

— А что М. хорошо платить?

— Очень умѣренно, расчетливо... но—честно. Знаешь впередъ, что много не дасть, хочешь—идешь, хочешь—нѣтъ, но увѣренъ, что получишь все.

Н. И. держалъ театръ на Васильевскомъ Островѣ—и неудачно, потерпѣлъ убытокъ. Дебютировалъ на императорской сценѣ, но почему-то не попалъ на нее, хотя онъ очень хорошій актеръ и имѣлъ большой успѣхъ во многихъ городахъ, между прочимъ, въ Москвѣ у Корша.

Смѣлый и горячій, онъ писалъ довольно ядовитыя корреспонденціи въ газеты, и его собственный «Листокъ» былъ газетой жи-

вой, интересной и злой. Много доставалось отъ него бывшему арендатору Старорусскихъ минеральныхъ водъ—лѣкарю Рохелю, который не могъ слышать даже имени Мерянского. Нельзя обойти молчаніемъ двухъ фактовъ, показывающихъ всю силу ненависти Рохеля къ Н. И. и характеризующихъ г. Рохеля. Допекаемый корреспондентами и въ особенности «Старорусскимъ Листкомъ минеральныхъ водъ» (онъ выходилъ только во время лѣчебнаго сезона), Рохель воспретилъ входъ въ садъ разносчикамъ газетъ. Это было сдѣлано вмѣсто того, чтобы опровергнуть упреки «Листка». Надо отдать справедливость «Старорусскому Листку» подъ редакціей Богдановскаго: онъ былъ очень рѣзокъ, но, благодаря ему, открылось много фактовъ, свидѣтельствующихъ о невообразимыхъ злоупотребленіяхъ Рохелевской аренды. Эта аренда, по словамъ «Листка», субсидируемая 12 тысячами, была дана врачу, не гнушавшемуся сажать своихъ рабочихъ въ атмосферу клоаки съ закоптѣлыми отъ сажи стѣнами и окнами, а больныхъ—сажать въ деготь вмѣсто цѣлебной грязи, доводящему санитарныя безобразія своего заведенія до такой степени, что правительственная комиссія констатировала фактъ сгнившихъ и наполненныхъ экскрементами выгребныхъ ямъ. «Листокъ» Богдановскаго буквально хлесталъ арендатора иногда очень грубо, но подъ этой грубостью, быть можетъ, и неприличной чувствовалась страстность возмущеннаго чувства. Богдановскій рисковалъ, онъ зналъ это—и не боялся. Онъ прямо просилъ Рохеля, чтобы онъ притянулъ его къ суду. «Стыдно, ей Богу, стыдно, г. Рохель, отмалчиваться на всѣ наши замѣчанія,—тяните насъ къ отвѣту!».

Но Рохель не потянулъ Мерянского къ отвѣту. За то, когда одинъ концертантъ пригласилъ Мерянского участвовать въ его «вечеръ», то Рохель, у котораго концертантъ нанялъ залу, заявилъ ему прямо: «я залы не дамъ, если участвуетъ Мерянский».

— Но билеты всѣ распроданы... афиши готовы... не ваше дѣло касаться участвующихъ... вы получили деньги...

— Если будетъ Мерянский, залы не дамъ!

И бѣднякъ концертантъ долженъ былъ отказаться отъ «вечера».

Такова была ненависть Рохеля къ Мерянскому, который смѣло и честно боролся съ людьми наживы въ своей маленькой «сезонной» газеткѣ.

Вообще у новгородскихъ дѣятелей разнаго ранга и силы много въ крови ушкуйническаго упорства и отваги. Въ этихъ качествахъ нельзя отказать и Василию Степановичу Передольскому, извѣстному провинціальному адвокату и трудолюбивому, знающему археологу. Горячая и солидная рѣчь при защитѣ крестьянъ, «сжегшихъ колдунью», чуть не заставила В. С. прогуляться въ мѣста не столь «отдаленныя»... Уже онъ былъ наканунѣ поѣздки въ эти края, когда ему на помощь явилась мощная рука. В. С. остался въ Новгородѣ и могъ опять посвятить себя археологiи, которая ему ближе

и дороже всего, въ томъ числѣ, конечно, и адвокатуры. Онъ—археологъ по призванію. Еще будучи ребенкомъ, живя на родномъ погостѣ, В. С. копался въ землѣ, отыскивалъ старыя монеты. Съ годами страсть у него развивалась и крѣпла, а когда онъ сталъ юношей, она у него уже обратилась въ сильную и сознательную любовь къ археологіи. Онъ служилъ, но не забывалъ своего любимого дѣла. Разѣзжая по Россіи и по Европѣ, онъ пріобрѣталъ старинныя вещи, осматривалъ музеи, изучалъ древности. Для него археологія—не забава, не дѣло между прочимъ, а душа и смыслъ жизни. Онъ посвящаетъ почти все время любимому предмету, читаетъ, пишетъ. Помимо разнаго рода статей, имъ выпущено солидное сочиненіе «Бытовые остатки насельниковъ ильменско-волховскаго побережья и земель великоновгородскаго державства каменнаго вѣка». Это объясненіе археологической выставки въ Николаевскомъ дворцѣ, устроенной В. С. Теперь печатается другое его сочиненіе: «Новгородскія древности». Пока напечатано только 36 листовъ, но все сочиненіе будетъ заключать въ себѣ 60 листовъ. В. С. состоитъ предсѣдателемъ новгородскаго общества любителей древности, членомъ петербургскаго археологическаго института и членомъ этнографическо-антропологическаго общества въ Лейпцигѣ.

Въ Новгородѣ у Передольскаго превосходный музей, который за поясъ заткнетъ многіе музеи, въ томъ числѣ и офиціальный новгородскій. Въ свой музей В. С. ухлопалъ большія деньги и теперь продолжаетъ тратить на него добрую половину своего заработка. Какъ археологъ, онъ жаденъ и не пропуститъ ничего, что интересно. Одно время у В. С. родилась мысль устроить во владычномъ домѣ церковный музей, для чего собрать все интересное изъ церквей и монастырей губерніи, выдавъ росписки въ взятыхъ вещахъ, чтобы владѣльцы могли провѣрять свое. Но это не удалось В. С. Недавно онъ просилъ думу отвести ему бесплатно помѣщеніе для его музея (теперь вслѣдствіе тѣсноты квартиры все сгружено и многое совсѣмъ свалено вниз). В. С. обѣщался давать безвозмездно объясненія публикѣ, читать лекціи. Предложеніе—прекрасное. Публикѣ есть что посмотреть и послушать у Передольскаго. Поучилось бы и юношество. Дума согласилась на просьбу В. С., но ея постановленіе опротестовано мѣстной властью. Нельзя объ этомъ не пожалѣть, потому что публика, такъ мало знакомая съ родной стариной, съ пользой проводила бы время въ стѣнахъ этого частнаго музея. Жаль и то, что въ Новгородскій офиціальный музей публика пускается за плату. Какая тутъ плата, когда еще надо пріохочивать массу и отвлекать ее отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она не просвѣщается, а развращается.

Я видѣлъ музей Передольскаго въ первый разъ въ 1886 году, когда былъ въ квартирѣ археолога вмѣстѣ съ г. Геємъ, сотрудникомъ «Новаго Времени». Тогда я и познакомился съ В. С. Я былъ

недавно у него снова. Его музей съ 1886 года обогатился значительно. Весь его кабинет заваленъ черепами, а онъ, не смотря на свой почтенный возрастъ, сидитъ за своимъ столомъ и работаетъ съ энергіей юноши. Ему хорошо и привольно здѣсь, среди этихъ памятниковъ древности и этихъ череповъ, приводящихъ въ трепеть нервныхъ дамъ.

— Ничего, вы тутъ и работаете?

— И сплю... Немножко сыростью, землей пахнетъ... Но ничего!..

Онъ рассказываетъ просто, степенно, не спѣша и не волнуясь. Ему уже 63 года, но онъ еще крѣпокъ и бодръ, какъ дай Богъ быть многимъ въ 45 лѣтъ.

Недавно я прочелъ въ «Русской Мысли» очеркъ Потапенко «Счастливый». В. С. относится также къ счастливымъ. Всѣ эти люди идеи, фанатики своего дѣла—счастливы. Имъ есть чѣмъ жить, никогда не скучно, они не могутъ остаться безъ нити жизни, ибо у нихъ есть цѣль и смыслъ этой жизни.

Слушая В. С., я думалъ:

— Эхъ, если бы побольше такихъ людей... на разныхъ поприщахъ... Полнѣе была бы жизнь, и больше было бы радостей... Такие люди не убиваютъ себя отъ того, что не зачѣмъ жить, не устаютъ работать...

А работники ли не нужны намъ?

«Не герои нужны намъ, а работники»,—говорилъ покойный князь А. И. Васильчиковъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ земскихъ дѣятелей Новгородскаго края. Я случайно познакомился съ нимъ въ редакціи «Русской Рѣчи» и потомъ раза два встрѣчался съ нимъ. Говоря о трудящихся новгородцахъ, грѣшно не упомянуть объ А. И. Васильчиковѣ, о которомъ я уже писалъ, но охотно повторю здѣсь доброе слово, такъ какъ никогда не излишне русскому обществу напоминать о его доблестныхъ и честныхъ дѣятеляхъ, борцахъ въ области слова, мысли и просвѣщенія.

Князь А. И. Васильчиковъ—гордость новгородскаго земства. Онъ извѣстенъ всей Россіи, какъ авторъ книгъ: «О самоуправленіи» и «Землевладѣніе и земледѣліе». Это—капитальные труды, оцѣненные не только у насъ, но и за границей. Александръ Иларионовичъ родился въ 1818 году, 27-го октября. Кончивъ С.-Петербургскій университетъ со степенью кандидата, онъ въ 1840 году поступилъ въ члены комиссіи по введенію на Кавказѣ новаго административнаго устройства. Но служба его не удовлетворяла,—служба канцелярская, далекая жизни и правды. Онъ уѣхалъ въ провинцію, чтобы познакомиться съ народомъ, съ настоящею, а не съ казовою и бумажною жизнью. Онъ сдѣлался предводителемъ дворянства и здѣсь, у источника жизни, онъ получилъ тѣ практическія знанія, которыя сдѣлали его авторитетнымъ въ рѣшеніи

соціальныхъ вопросовъ и въ разъясненіи народныхъ потребностей. Въ крымскую кампанію А. И. находился въ ополченіи, а потомъ опять отдался изученію народа и его нуждъ. Когда открылось земство, онъ былъ избранъ въ гласные и состоялъ имъ съ 1865 года по 1872 годъ.

Онъ не былъ только практическимъ земцемъ, но не мало потрудился на почвѣ принципиальнаго рѣшенія земскихъ вопросовъ и здѣсь оказался человѣкомъ большого опыта, обширнаго ума, серьезнаго знанія.

Незадолго до смерти онъ намѣревался издавать журналъ и велъ на этотъ счетъ переговоры съ А. А. Навроцкимъ, издателемъ «Русской Рѣчи». При большихъ матеріальныхъ средствахъ, онъ могъ бы поставить журналъ прекрасно въ смыслѣ денежнаго обезпеченія и привлечь лучшія силы. Но событія 1-го марта сильно потрясли его слабое здоровье, и онъ уѣхалъ въ имѣніе. Изъ деревни онъ писалъ А. А. Навроцкому: «Разныя причины и болѣе всего политическія событія потрясли меня на столько физически и нравственно, что я хочу избѣгать всякихъ занятій». Онъ, однако, скоро былъ вызванъ въ составъ перваго сѣзда думныхъ людей, собранныхъ для участія въ обсужденіи вопроса о положеніи выкупныхъ платежей. Эти занятія дурно повліяли на его здоровье, онъ больнымъ вернулся въ деревню и въ октябрѣ 1881 года умеръ.

Мнѣ пришлось съ нимъ какъ-то говорить о «губернской прессѣ».

— Провинціальная печать, — сказалъ А. И., — большая сила, у нея огромное будущее. Напрасно думаютъ, что надо поощрять только столичную прессу. Для государства провинціальная печать особенно важна. Она пока стоитъ низко, потому что у нея нѣтъ ни силъ, ни средствъ, и тяжелы ея условія... Вы вологжанинъ?

— Да, — сказалъ я.

— Отчего вы не хотите послужить сѣверу?

— То-есть?

— Начать изданіе на сѣверѣ областной газеты?

— Не думалъ еще пока... Да и нуженъ пока центръ.

— Какъ писателю?

— Да.

— Правда. Но не забывайте, что это почтенная служба области, на мѣстѣ.

Я вполне согласенъ съ княземъ.

Въ недавнюю поѣздку въ Новгородъ я снова посѣтилъ одинокую могилу С. С. Шашкова на Рождественскомъ кладбищѣ. На могилѣ памятникъ, закрытый деревяннымъ чехломъ. Стоя у могилы, я вспомнилъ покойнаго писателя, мою встрѣчу съ нимъ въ редакціи «Дѣла», рассказы о немъ Мордвинова, Ядринцева и нѣкоторыхъ новгородцевъ... Все это воспоминанія друзей, съ любовью говорившихъ о покойномъ труженикѣ-публицистѣ.

Не съ такимъ чувствомъ говорилъ о С. С. докторъ Постниковъ, когда я былъ у него на кумыскѣ.

— Это—сумасшедшій человѣкъ! Это—невозможный человѣкъ! Ему все плохо, все не по немъ.

С. С. былъ человѣкъ больной, нервный и не могъ переносить спокойно тѣхъ безобразій, какія терпѣли многіе у Постникова. Я помню статью С. С. о кумыскѣ,—статью, полную яда, но и правды... Шашкова начинаютъ забывать, потому что его статьи разсыяны по журналамъ и тамъ затеряны. Не мѣшало бы собрать ихъ и съ нѣкоторой сортировкой издать въ нѣсколькихъ томахъ. У С. С. есть очень серьезные труды, достойные вниманія и теперь. Отчего бы не заняться этимъ Павленкову, издателю съ извѣстной идеей. Общество сказало бы ему спасибо. Это было бы даже полезнѣе, чѣмъ издавать многіе quasi-критическіе этюды.

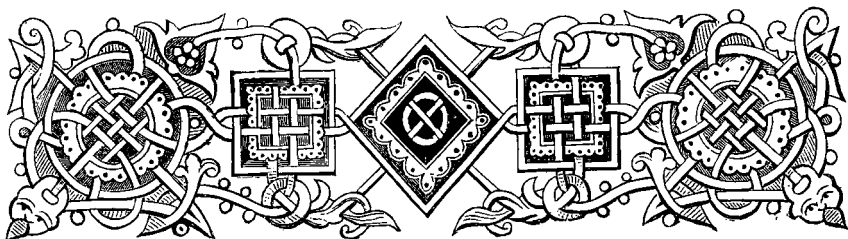
Я хотѣлъ зайти къ женѣ покойнаго, чтобы поразспросить подробнѣе о жизни С. С. въ Шенкурскѣ, куда онъ былъ сосланъ вмѣстѣ съ Ушаровымъ и Ядринцевымъ. Но я узналъ отъ Бураковского, что жена С. С. умерла, равно какъ и сынъ. Дочь же Шашкова учится на высшихъ женскихъ курсахъ.

Заговоривъ о «Новгородскомъ Листкѣ» и «трудящихся» новгородцахъ, я очень удалился отъ лѣта 1880 года, проведеннаго на Волховѣ. Но это не поставится, надѣюсь, читателями въ вину мнѣ. Доброе слово о честныхъ рабочихъ—не лишнее слово. Не портреты во весь ростъ рисовалъ я (это едва ли удобно относительно многихъ), а лишь отмѣтилъ тѣ черты ихъ дѣятельности, характера, за которыя они заслуживаютъ добраго слова.

Вернувшись въ Петербургъ съ Волхова, я примкнулъ къ редакціи «Россіи». «Россія» Спичакова—это просто затѣя покойнаго Демидова Санъ-Донато. Эта затѣя не лишена серьезнаго значенія, а исторія спичаковской «Россіи» не бѣдна интересными фактами и курьезами. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

Александръ Кругловъ.

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ ¹⁾.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

III.

Смерть И. З. Сурикова. — Его некрологъ въ «Россiи». — Мое знакомство съ Л. А. Спичаковымъ. — Маленькій казусъ. — Князь Демядовъ Санъ-Донато. — Нилъ Адмирари. — А. Д. Путята. — П. Ю. Арнольдъ. — Ю. О. Шрейеръ. — Встрѣча съ Ѳ. М. Достоевскимъ. — Начало конца. — Прекращеніе «Россiи». — Е. А. Сысоена и ея дѣтскій журналъ. — Смерть Достоевскаго и необычайныя похороны. — Зарожденіе идеи «Пушкинскаго кружка». — Мой отъѣздъ изъ Петербурга.

АИДЯ какъ-то въ апрѣлѣ 1880 года къ Н. А. Соловьеву, я не засталъ его дома. На мой вопросъ: «гдѣ же онъ?» горничная отвѣтила: «уѣхали-съ въ Москву».

— Да онъ недавно вернулся изъ Москвы!

— И опять уѣхали.

— Зачѣмъ? Къ кому?

— Не знаю-съ... Получили телеграмму и немедленно уѣхали.

Оказалось, что онъ уѣхалъ на похороны поэта-самоучки Ивана Захаровича Сурикова, съ которымъ давно находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1875 году вышло собраніе стихотвореній Сурикова. Къ этому изданію была приложена краткая біографія поэта, написанная Н. А. Соловьевымъ.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 622.

Суриковъ не мало обязанъ ему и всегда считалъ его своимъ лучшимъ другомъ. Умирая, поэтъ выразилъ желаніе, чтобы къ по-
смертному изданію его сочиненій была приложена статья Соловьева.
«Пусть онъ пишетъ мою біографію... онъ это сдѣлаетъ лучше
всѣхъ»... Согласно волѣ поэта, Солдатенковъ, выпустившій послѣ
смерти Сурикова полное собраніе его стихотвореній, поручилъ со-
ставленіе біографическаго очерка Н. А. Соловьеву. Этотъ послѣдній
все время, пока писалъ очеркъ, жилъ въ квартирѣ И. И. Бары-
шева-Мясническаго, занимающаго у Солдатенкова комфортабельный
флигель.

Узнавъ о смерти Сурикова, я набросалъ его некрологъ, въ ко-
торомъ кратко разсказалъ жизнь поэта и выяснилъ его значеніе.
Я воспользовался при этомъ своей же статьей о Суриковѣ, помѣ-
щенной въ «Общедоступной Библіотекѣ» 1875 года.

Въ ту минуту, какъ я кончалъ некрологъ, ко мнѣ зашелъ
А. Н. С.

— Ты знаешь: умеръ Суриковъ, и Соловьевъ уѣхалъ въ Москву.

— Знаю. Я вотъ и некрологъ набросалъ.

— Его хоронятъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, вблизи могилы
Левитова.

— Откуда это извѣстно?

— Я знаю.

Это оказалось неправдой. Сурикова похоронили на Пятницкомъ
кладбищѣ. Но я повѣрилъ С. и прибавилъ нѣсколько словъ о мѣстѣ
погребенія поэта. Мою ошибку повторили многія газеты.

Не могу припомнить теперь, почему именно я отнесъ замѣтку
въ «Россію». Я отдалъ рукопись какому-то господину, который
сказалъ мнѣ:

— Редактора нѣтъ дома... Я передамъ ему.

— Вы не можете сказать, помѣститъ ли онъ?

— Не могу, но навѣрное—да... Если будетъ время, заѣзжайте
часа черезъ три...

Я заѣхалъ.

Мнѣ отперъ дверь самъ Спичаковъ.

— Что вамъ угодно?

— Могу видѣть редактора?

— Къ вашимъ услугамъ.

Леонидъ Александровичъ Спичаковъ былъ въ домашнемъ пид-
жакѣ и въ туфляхъ. Полный, дебелый, съ сѣдыми всклокоченными
волосами, Спичаковъ вообще мало походилъ на журналиста. Онъ
производилъ впечатлѣніе помѣщика средней руки.

— Прошу васъ!

Онъ пригласилъ меня въ кабинетъ, въ которомъ царилъ полный
безпорядокъ.

— Я вамъ передалъ замѣтку о смерти Сурикова.

— Да, я получилъ. Я ее уже послалъ въ типографію. Я мало знаю его... но онъ выбился изъ народа... о немъ слѣдуетъ сказать.

— Не потому что изъ народа только,—промолвилъ я,—но потому, что онъ—настоящій поэтъ и если уступаетъ Кольцову, то во всякомъ случаѣ не маленькій талантъ...

— Да, да... А вы, кажется, пишете рассказы? Вы сотрудничаете въ «Русской Рѣчи?».

— Постоянный сотрудникъ.

— Буду радъ, если примете участіе въ моей газетѣ... Она выходитъ теперь еще не ежедневно, съ перерывами, но скоро начнетъ выходить правильно.

Я предложилъ писать журнальныя обзорѣнія.

— Объ этомъ надо поговорить... и серьезно. Это—отвѣтственный отдѣлъ... Познакомимся... Вы заѣзжайте... буду очень радъ.

Я былъ раза два, но никакихъ серьезныхъ разговоровъ не произошло. Л. А. куда-то спѣшилъ, чѣмъ-то былъ занятъ... Онъ принимался развивать «свой взглядъ», но спохватывался и извинялся, «что спѣшить».

— А когда ваша газета начнетъ выходить опредѣленно?

— Скоро... Съ іюля, должно быть.

Но съ іюля она не стала выходить опредѣленно, а, напротивъ, совсѣмъ прекратилась на время. Въ № 15 появилась слѣдующая замѣтка: «Редакція газеты «Россія» доводитъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что существенная перемѣна условій издательства и предстоящая поѣздка редактора лишаютъ редакцію возможности начать ежедневное изданіе съ 1 іюля, а потому газета ежедневно начнетъ выходить съ 1 октября».

Я уѣхалъ на Волховъ.

Какъ-то лѣтомъ, пріѣхавъ съ Волхова въ Петербургъ на нѣсколько дней, я встрѣчаю на Невскомъ господина... Я не сомнѣваюсь, что это Спичаковъ, и подхожу къ нему.

— Здравствуйте!

Мы пожимаемъ другъ другу руки.

— Давно ли изъ деревни?

— Только вчера.

— Ну, что... какъ? Набрались новыхъ впечатлѣній? Не даромъ провели время?

— Да, интереснаго не мало... Народная жизнь — полна интереса... Только наблюдай.

— Еще бы!... Жизнь тамъ, а не здѣсь... Здѣсь—слова, слова... Дѣло—тамъ!... Но отчего вы такъ рано вернулись?

— Да дѣла... Надо приготовиться...

— До октября же еще далеко!

— До октября?

Господинъ удивленъ.

- Почему до октября? — спрашивает онъ.
- Развѣ вы измѣнили рѣшеніе?
- Какое?
- Вѣдь вы съ октября рѣшили издавать газету?
- Газету?
- Мы, разговаривая, дошли до Морской. Господинъ остановился.
- Какую газету?
- Какъ какую?
- Я удивленъ въ свою очередь.
- Да вы за кого же меня принимаете? — спрашиваетъ господинъ.
- За Леонида Александровича Спичакова. Развѣ...
- Я невольно смущаюсь.
- Вы ошиблись. Я не Спичаковъ, — съ улыбкой отвѣтилъ онъ.
- Можетъ ли быть!...
- Я совсѣмъ смущенъ.
- Нашли сходство?
- Такъ братъ на брата рѣдко похожъ бываетъ! И какое совпаденіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ! Извините, пожалуйста...
- Ничего-съ... А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе разговаривать?
- Я сказалъ.
- Очень пріятно... У моихъ дѣтей есть, кажется, ваша книжка... А моя фамилія...
- Я не запомнилъ ея. Но можетъ же быть такое сходство... Настоящій двойникъ.
- Я потомъ рассказывалъ Спичакову объ этой встрѣчѣ.
- Вообразите! Ну, что стоило ему, если бы надо было выдать себя за меня!
- Говорятъ, что какой-то жуликъ въ одномъ губернскомъ городѣ выдалъ себя за мѣстнаго полицеймейстера и набралъ въ магазинъ товару. Такъ удивительно походилъ онъ на того. Можно вѣрить.
- № 1 «Россіи» вышелъ 19-го февраля 1880 г. По поводу изданія газеты мы читаемъ въ этомъ №: «Сознавая всю трудность предстоящей намъ задачи — создать въ настоящее время новый органъ повременной печати, но отвѣчая на запросъ преданныхъ порядку людей, давно требующихъ появленія въ Россіи такого органа, въ которомъ и нравственные и матеріальные интересы истинно-русскихъ людей нашли бы для себя надлежащій просторъ и отголосокъ, — мы рѣшились съ Божьей помощью приступить къ изданію ежедневной газеты «Россія», начало которой полагаемъ въ достопамятный день торжественнаго празднованія 25-тилѣтія царствованія государя императора Александра II». Содержаніе 1 № таково: 1) Царь освободитель. — 2) Правительственные распоряженія. — 3) По поводу изданія газеты «Россія». — 4) По поводу политическихъ покушеній. — 5) Придворныя извѣстія. — 6) Военныя замѣтки. —

7) Сравнительный бюджетъ обѣихъ столицъ.—8) О евреяхъ.—9) Изъ русскихъ газетъ и журналовъ.—10) Иностранныя извѣстія отъ нашихъ корреспондентовъ.—11) Актъ въ С.-Петербургской духовной академіи.—12) Изъ Пскова.—13) Два видѣнія (стих.).

До возобновленія газеты въ октябрѣ она представляла изъ себя какое-то странное явленіе. Въ ея фельетонахъ, на примѣръ, печатались стихотворныя упражненія на духовныя темы. По содержанію—это годилось въ «Епархіальныя Вѣдомости», а по формѣ—въ почтовый ящикъ. Но Спичаковъ находилъ все это превосходнымъ и даже рекомендовалъ особенно читателямъ; онъ воображалъ, что доставляетъ имъ необыкновенное удовольствіе, помѣщая въ газетѣ невозможныя вирши какихъ-то странницъ и богомолокъ.

Я уже рѣшилъ, что газета не возобновится въ октябрѣ. Вернувшись съ Волхова, я былъ удивленъ извѣстіемъ, что «Россія» оживаетъ и непремѣнно начнетъ съ октября выходить аккуратно. Н. А. Соловьевъ былъ приглашенъ въ качествѣ секретаря редакціи. Къ газетѣ примкнули: Бороздинъ, Мальшинскій, Нилъ Адмирари, Божедаровичъ, П. И. Огородниковъ, Устряловъ, Д. А. Путья, П. Ю. Арнольдъ, нѣсколько молодыхъ журналистовъ. Обѣщаль сотрудничество Вс. Вл. Крестовскій и, какъ сообщили мнѣ по секрету, далъ слово поддержать газету Ѳ. М. Достоевскій.

— Да можетъ ли быть?—воскликнулъ я.

Мнѣ отвѣтили: да!..

О, тогда нечего и говорить! Я рѣшилъ также работать въ «Россіи». Съ матеріальной стороны газета была обезпечена. Въ роли негласнаго издателя выступалъ князь Демидовъ Санъ-Дonato.

— Что ты скажешь насчетъ такой «фирмы»?—шутливо произнесъ одинъ мой пріятель.

— Надежная фирма!

— Да, только съ княземъ надо уметь ладить... Впрочемъ, онъ очень добрый человѣкъ!

Я князя не зналъ лично. Но тѣ три факта, которые мнѣ извѣстны, рисуютъ его съ очень хорошей стороны. Онъ былъ несомнѣнно человѣкъ добраго, мягкаго сердца. Но многое зависѣло отъ минуты. Передамъ тѣ факты, которые я знаю.

Одинъ изъ литераторовъ, нуждавшійся и не имѣвшій возможности лѣчить больную жену, написалъ князю письмо и просилъ его помочь. «Я все вамъ верну... я не хочу милостыни»,—писалъ журналистъ. Князь прислалъ ему 500 рублей. Журналиста просили не возвращать деньги, а употребить потомъ по своему усмотрѣнію на какое нибудь доброе дѣло.

Скажутъ, можетъ быть: что такое 500 рублей для Демидова! Во-первыхъ, 500 рублей только крохотная часть тѣхъ суммъ, которыя онъ тратилъ на благотворительныя дѣла; во-вторыхъ, развѣ можно мѣрить суммой? Одинъ молодой человѣкъ обратился

къ покойному миллионеру Грибанову съ просьбой—дать ему 100 рублей для поѣздки въ земледѣльческую академію. И Грибановъ отвѣтилъ, что онъ «въ настоящее время такой суммой не располагаетъ». Демидовъ почти не зналъ журналиста, обратившагося къ нему съ просьбой,—Грибановъ же зналъ юношу съ хорошей стороны. Одинъ изъ московскихъ меценатовъ отказалъ въ 100-рублевой же поддержкѣ молодому литератору, у котораго не было денегъ на поѣздку въ самарскія степи...

Второй фактъ, характеризующій доброту Демидова, слѣдующій.

Молодая дѣвушка, слушательница курсовъ, лишилась отца. Въ-стѣ съ его смертью она не только лишилась матеріальной поддержки, но и была принуждена содержать мать и брата, учившагося гдѣ-то. Бѣдной дѣвущкѣ предстояло одно: бросить курсы и идти служить. Но мѣсто найти сразу трудно, да и ей страстно хотѣлось кончить.

Она не знала, что дѣлать.

— Обратитесь къ Демидову,—сказали ей:—онъ многимъ даетъ стипендіи.

Послѣ нѣкотораго колебанія дѣвушка пошла къ князю.

Она сильно трусила и такъ смутилась, когда ее ввели въ кабинетъ Демидова, что едва могла изложить ему свою просьбу. Князь участливо выслушалъ ее и спросилъ:

— Сколько вы желаете... сколько вамъ нужно въ мѣсяцъ?

Она назвала сумму (кажется 40 рублей въ мѣсяцъ). Назвала—и испугалась. Шутка ли: 40 рублей!

— Впрочемъ... довольно и 30!—поспѣшно заявила она.

Князь улыбнулся, вышелъ изъ комнаты и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, вручилъ дѣвущкѣ сумму, которая обезпечивала просительницу на все время ученія. Она получила не 30 и не 40, а 50 рублей въ мѣсяцъ.

Третій фактъ таковъ.

У одного труженика, занимавшагося отчасти переводами, хотѣли описать за долги имущество. Это разорило бы его навсегда. Онъ былъ уже въ такихъ годахъ, когда трудно сызнова создавать «гнѣздо». Что дѣлать! Онъ пишетъ изъ провинціи пріятелю о своемъ горѣ. Пріятель идетъ къ князю и излагаетъ ему все дѣло. Искренній тонъ друга-адвоката, совсѣмъ неизвѣстнаго князю, имѣлъ дѣйствіе: несчастный труженикъ получилъ отъ Демидова 800 рублей!

Вотъ факты, которые я знаю. Нѣтъ сомнѣній, такихъ фактовъ много. Правда, не всегда и не всѣ просьбы удовлетворялись. Но князя такъ часто обманывали, пользуясь его добротой, что неудивительно, если онъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ изрѣдка отказывалъ... Но онъ охотно шелъ на помощь. Вотъ еще маленькій фактъ. Одинъ медикъ, нуждаясь въ деньгахъ, обратился ко мнѣ съ просьбой: похлопотать за него у Демидова. Я не зналъ его, но тогда работалъ въ

«Россіи». Я передалъ просьбу студента, и онъ получилъ немедленно стипендію.

Изданіе газеты Спичаковъ началъ на собственный страхъ и только уже потомъ сошелся какъ-то съ Демидовымъ. Бывшій офицеръ, затѣмъ редакторъ изданія «Краснаго Креста», Спичаковъ давно мечталъ о своей газетѣ. Познакомившись черезъ Ц. съ Н. А. Соловьевымъ, дававшимъ уроки по словесности въ военной прогимназій, Спичаковъ въ началѣ осени, сойдясь окончательно съ Демидовымъ, пріѣхалъ къ Н. А. и пригласилъ его участвовать въ «Россіи» и быть секретаремъ редакціи.

Я засталъ Спичакова за какой-то «выкладкой», какъ выразился онъ самъ.

— Ну, вотъ... будемъ работать!—сказалъ онъ... Вы что-то тогда предлагали?

— Я предлагалъ вести литературное обозрѣніе...

— Отлично... Пишите... Изберите себѣ какойнибудь день... А какъ вы назовете?

— Да проще всего: «Новости текущей журналистики».

— Хорошо. Насчетъ условій... Я могу предложить двадцать рублей за фельетонъ... строкъ въ 300... Согласны?

— Все равно. Только я хотѣлъ бы быть «свободнымъ» въ своихъ взглядахъ... Помните, вы говорили...

— Это выяснится, — поспѣшно перебилъ Л. А.:—если вы изъ «Русской Рѣчи», значитъ вы—не «красный»!.

— Само собою разумѣется! Но «Русская Рѣчь» не изъ ретроградныхъ органовъ... У нея нѣтъ ничего общаго, напримѣръ, со Скарятинимъ.

Этотъ намекъ Л. А. видимо не понравился, но онъ съ улыбкой сказалъ:

— Я не буду стѣснять васъ... Журнальное обозрѣніе—серьезный отдѣлъ, но... здѣсь намъ придется сталкиваться всего меньше.

На томъ и порѣшили.

— Газета будетъ «вечерняя»,—заявилъ Спичаковъ.

— Зачѣмъ это?

— Такъ... лучше... Мы захватимъ тѣ свѣдѣнія, какихъ не будетъ у другихъ.

Я не согласился съ Л. А. и сталъ ему доказывать, что вечерняя газета у насъ не будетъ имѣть успѣха, не привьется... То же самое доказывалъ ему и Соловьевъ и другіе, но онъ оставался непреклоннымъ.

— Такъ хочу... такъ должно быть...

Онъ былъ иногда очень упрямъ.

Мое первое журнальное обозрѣніе появилось въ «Россіи» 4-го октября. Я подписался—Русскій. Для фельетонныхъ въ «Россіи» это былъ самый подходящій псевдонимъ.

Сначала мнѣ приходилось читать предварительно наброски Спичакову, но послѣ четвертаго фельетона онъ разрѣшилъ сдавать ихъ прямо въ типографію. На такое рѣшеніе повліялъ фельетонъ о Щедринѣ, который очень понравился многимъ, въ томъ числѣ А. Д. Путятѣ и Ѳ. М. Достоевскому. Спичаковъ, учившійся въ одномъ заведеніи съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ это время, послѣ Пушкинскаго праздника, авторъ «Преступленія и наказанія» былъ въ апогее своей славы и пользовался громаднымъ вліяніемъ на публику. У всѣхъ въ памяти была его пророчески-страстная рѣчь въ Москвѣ, — рѣчь, которая потрясла сердца слушателей. Не даромъ, когда пришлось И. С. Аксакову говорить послѣ Достоевскаго, маститый редакторъ будущей «Руси» сказалъ: «Я не могу говорить послѣ рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго; все, что я написалъ, только слабая вариация на нѣкоторыя темы этой гениальной рѣчи. Я считаю рѣчь Ѳедора Михайловича Достоевскаго событіемъ въ нашей литературѣ. Вчера еще можно было толковать о томъ, великій ли, всемірный ли поэтъ Пушкинъ, или нѣтъ; сегодня этотъ вопросъ упраздненъ; истинное значеніе Пушкина показано, и нечего больше толковать». Надъ огромною притихшею толпою въ Москвѣ раздался голосъ великаго романиста: «Смирись, гордый человекъ, потрудишься, праздный человекъ!» Эти слова облетѣли всю Россію и отозвались въ душахъ тѣхъ, которые жили одной гордостью. И вдругъ опальный Достоевскій, котораго травилъ «Дѣло» съ нахальствомъ и грубостью хитровца, — сдѣлался общимъ кумиромъ, его имя стало произноситься съ благоговѣніемъ... Правда, переворотъ во взглядахъ на романиста уже въ обществѣ подготовлялся, этому много помогъ и «Дневникъ писателя», но только Пушкинскій праздникъ сдѣлалъ Ѳ. М., такъ сказать, героемъ. Я помню случай. Я шелъ по Невскому съ медикомъ. На встрѣчу намъ попался на извозчикѣ Достоевскій. Медикъ быстро, раньше меня, снялъ фуражку.

— Вы развѣ знаете Ѳедора Михайловича?—спросилъ я.

— Нѣтъ, но что же такое? Я не поклонился ему, а обнажилъ голову передъ нимъ, какъ я это сдѣлалъ и въ Москвѣ, проходя мимо памятника Пушкина.

Это было сказано съ такой искренностью, что я невольно почувствовалъ симпатію къ юношѣ, порадовался за него и крѣпко пожалъ ему руку. Этотъ день подарилъ меня еще одной радостью. Я получилъ изъ Вологды письмо отъ бывшей студентки, которая съ глубокимъ уваженіемъ писала о Достоевскомъ, называя его «учителемъ». «Слава Богу!—подумалъ я,—этотъ возвратъ отраденъ». Я вспомнилъ тотъ литературный вечеръ, на которомъ «курсистки» чествовали Тургенева, также въ свое время достаточно оскорбленнаго тѣми, которые должны были бы гордиться имъ... Сознана вина, сознано заблужденіе, слава Богу!..

Послѣ своей встрѣчи съ Ѳ. М. въ 1873 году, о которой я писалъ въ очеркѣ «Первые шаги»,—я не видѣлся съ Достоевскимъ. Встрѣтиться съ нимъ мнѣ нигдѣ не пришлось, а идти къ нему я не рѣшался, боясь быть навязчивымъ. Съ какой стати? Я снесъ ему, какъ редактору «Гражданина», свой романъ... Онъ высказался прямо, честно, какъ власть имущій учитель. Я ему былъ благодаренъ. Его урокъ мнѣ пригодился. Онъ забылъ меня навѣрное,—зачѣмъ же, съ какой стати я пойду къ нему? Мнѣ всегда казалась несимпатичной эта черта литературной молодежи лѣзть къ знаменитостямъ и надоѣдать имъ, прося протекціи, желая познакомиться, чтобы затѣмъ сказать: «О, я знакомъ! я бываю у него!» Меня какъ-то спросили недавно:

— Неужели вы не были у Толстого?

— Нѣтъ!

— Живя въ Москвѣ, гдѣ жилъ и онъ?

— Да. Зачѣмъ я пойду? Развѣ я ему нуженъ? Я его люблю, какъ писателя, читаю и перечитываю все, что выходитъ изъ-подъ его пера; со многимъ я не согласенъ... Но что же: пойду я заявлять объ этомъ? Надоѣдать ему? Я былъ бы радъ встрѣтиться съ нимъ, но случайно, а не полѣзу, чтобы возбудить въ немъ вопросъ: «что ему надо?». Отнимать время, заявлять, что дескать я, такой-то, существую и уважаю васъ?.. Я предоставляю это тѣмъ, которымъ такая назойливость кажется приличной. Невольно вспоминается одинъ мой пріятель. Онъ знакомъ со всѣми. Одинъ популярный романистъ стоялъ съ нимъ вмѣстѣ въ Лоскутной. Онъ побѣждалъ къ нему и явился.

— Зачѣмъ ты ходишь?

— Ну, какъ же... романистъ извѣстный... все же...

— Да ты его читай... А зачѣмъ являться-то?

— Я тоже литераторъ!

Какъ-то этотъ «тоже литераторъ» раскланялся на улицѣ съ Боборыкинымъ. П. Д. отвѣтилъ, и на лицѣ его изобразилось удивленіе: «кто де кланяется?».

Другой мой пріятель изловчился познакомиться съ покойнымъ Ключниковымъ даже въ банѣ.

— Ты не въ умѣ!—воскликнулъ я, смѣясь.

— Отчего? Моюсь, вижу—Викторъ Петровичъ... Я и подошелъ...

— Представился!

— Да... Долго разговаривали!

Очень ловко нѣкто попалъ на журъ-фиксъ къ одному извѣстному критику. Онъ узналъ, что у него пятницы. И полетѣлъ.

— Баринъ дома?

— Дома-съ.

Доложили. Критикъ принялъ «литератора» въ кабинетѣ, оставивъ на минуту гостей въ столовой.

«Литераторъ», разговаривая, услыхалъ голосъ извѣстнаго публициста, сидѣвшаго въ столовой.

— У васъ гости, NN?—спросилъ онъ у критика.

— Да... у меня по пятницамъ собираются...

— Никакъ голосъ...

«Литераторъ» назвалъ фамилію публициста.

— Да, это онъ.

— Ахъ, познакомьте меня, пожалуйста! Я давно желалъ съ нимъ познакомиться.

Что оставалось дѣлать хозяину?

Онъ ввелъ «литератора» въ столовую и познакомилъ. Незваный гость остался ужинать и началъ посѣщать пятницы критика.

Это уже «врываніе». Конечно, на это не походило бы, если бы я отправился къ *Θ. М.* и напомнилъ ему о себѣ. Но я не видѣлъ все-таки достаточнаго основанія идти къ нему. Я боялся помѣшать ему, попасть не во время. Онъ человекъ нервный... Его не рѣдко тревожили и раздражали мелочи... Не сдѣлавъ извѣстнаго шага вскорѣ послѣ посѣщенія *Θ. М.* въ редакцію, потомъ я уже совсѣмъ и не думалъ о томъ, чтобы идти къ нему.

Я встрѣтился съ нимъ случайно въ «Россіи». Онъ былъ у Спичакова... Я поклонился ему. Онъ отвѣтилъ и пристально посмотрѣлъ на меня...

— Вы не узнаете меня, *Θ. М.*?

— Я васъ видѣлъ... видѣлъ гдѣ-то...

— Я приносилъ вамъ романъ...

Я назвалъ свою фамилію.

— А-а!.. Да, да... Очень радъ... Устроились? Читалъ вашего «Бездипломнаго»... Хорошо... Вотъ это хорошо... А гдѣ тотъ романъ?

— Уничтожилъ.

— Ну, вотъ!.. Разсказъ—хорошій... Пишите... Я вамъ говорю... а романъ потомъ... если понадобится.

Онъ подчеркнулъ слово «понадобится».

Когда онъ узналъ, что это я пишу «новости журналистики»,—то промолвилъ:

— И это хорошо... Только не увлекайтесь... Не будьте «разносителямъ», не топчите другихъ... Любите... главное любите тѣхъ, кто честно работаетъ... Любите и уважайте... А все-таки, разказы, разказы... Очень хорошъ «Бездипломный».

Это была вторая и послѣдняя встрѣча моя съ *Θ. М.* Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ фактѣ, съ которымъ связано имя Достоевскаго.

Цензоръ не пропускалъ статью о каторжникахъ и ихъ бытѣ.

— Ваши каторжники очень ужъ хороши,—сказалъ цензоръ автору... И что за забота о нихъ?

— Но они же люди!

— Ну, это... смѣло сказано!

Въ эту минуту изъ комнаты начальника главнаго управленія по дѣламъ печати вышелъ Ѳ. М., съ которымъ цензоръ раскланялся очень почтительно.

— Вотъ вамъ: тоже бывший каторжникъ!—сказалъ авторъ за-прещаемой статьи.

Цензоръ промолвилъ: «ну!»...—Однако онъ вдругъ смягчился и пропустилъ статью.

Возвращаюсь къ «Россіи».

Газета выходила, въ ней появлялись очень интересныя статьи, политическое обозрѣніе, руководящія статьи по вопросамъ политики обращали на себя вниманіе; фельетоны многіе отличались живостью, но не было «души» въ дѣлѣ, не было стройности, не чувствовалось объединяющаго духа. Это былъ корабль безъ кормчаго. Нерѣдко одна статья противорѣчила другой. Самъ редакторъ писалъ мало и съ большимъ трудомъ. Онъ положительно плохо владѣлъ русскимъ языкомъ. Всѣ его статьи исправлялись секретаремъ, подвергались основательной обработкѣ со стороны языка. У Спичакова было много добрыхъ намѣреній, что-то онъ хотѣлъ высказать. Но онъ, кажется, самъ не уяснилъ себѣ хорошенько того, что желалъ «проводить» въ газетѣ. Несомнѣнно, онъ былъ человѣкъ образованный, прекрасно владѣвшій иностранными языками, но лишенный всякаго литературнаго таланта. Этого было недостаточно для того, чтобы стоять во главѣ большого политическо-литературнаго изданія. Нерѣшительность его доходила до смѣшного. Онъ отправляетъ статью въ типографію. Посланный уходитъ. Но вотъ Спичакову кажется, что «такое-то» мѣсто будто не ладно. Онъ велитъ вернуть посланнаго. Тотъ возвращается. Статья исправляется и отсылается вновь въ типографію. Но возникаетъ новое сомнѣніе. Опять бѣгутъ за разсылнымъ. Уничтоженные мѣста восстанавливаются. Статью уже начали набирать. Вдругъ приказъ: остановиться! Опять измѣненіе. И это дѣлалось часто.

Предполагались еженедѣльные, по субботамъ, редакціонныя собранія. Но... состоялось всего одно собраніе. За то это было необыкновенно торжественное собраніе. Оно походило на земскій сѣздъ или на какое нибудь засѣданіе ученой комиссіи.

Въ большомъ залѣ—огромный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Передъ каждымъ засѣдающимъ—листъ бумаги и карандашъ. Мы были приглашены для «полнаго выясненія взглядовъ». Собрались всѣ постоянные сотрудники. Собраніе открылось рѣчью редактора, какъ предсѣдателя. Что онъ говорилъ, я не помню, да и трудно упомнить. Все это было такъ неясно. Его рѣчь кто-то прервалъ. Начались споры, и вдругъ напали на бесѣды, печатавшіяся въ газетѣ. «Это невозможныя бесѣды»,—сказалъ кто-то. Оказалось, что это бесѣды редактора. Тогда приговоръ смягчили,

но все-таки выражено было желаніе, чтобы бесѣды не продолжались. Началось обсужденіе отдѣловъ. А. Н. Сальниковъ, писавшій «провинціальныя наброски», сказалъ, что «лучше фельетоновъ Незнакомца не было»: это образцовые фельетоны.

— Вы забыли фельетоны Нила Адмирари въ «Голосѣ», — любезно поправилъ редакторъ.

Нилъ Адмирари, сидѣвшій тутъ же, что-то раздраженно пробурчалъ.

Никакого толку изъ засѣданія не вышло. Ничего не рѣшилось и не выяснилось. Всякій старался доказать, что его отдѣлъ — самый важный. Одинъ другого «шпигнулъ», «кто-то» съ «къмъ-то» обмѣнялся комплиментами, — тѣмъ дѣло и кончилось. Въ результатѣ «собранія»: много выпито чаю, и сдѣлано нѣсколько «игривыхъ набросковъ» на листахъ, разложенныхъ на столѣ.

Въ редакціи была темная комната, служившая столовой. Здѣсь пили чай и завтракали. Въ ней всего охотнѣе засиживались сотрудники. Спичакову не нравились эти «темныя засѣданія», онъ проходилъ по комнатѣ и заглядывалъ въ нее съ видомъ инспектора, желающаго поймать школьниковъ въ чемъ нибудь предосудительномъ... Онъ вообще любилъ «незамѣтно» появляться среди своихъ сотрудниковъ. Бывало, вечеромъ, соберутся нѣсколько человѣкъ въ редакціи и разсуждаютъ о чемъ нибудь. Л. А. тихо въ мягкихъ туфляхъ выходитъ изъ своего кабинета и неожиданно появляется въ редакціонной комнатѣ. Одинъ шутникъ прозвалъ такіе его выходы «явленіемъ Спичакова своимъ сотрудникамъ» и хотѣлъ набросать картину. Особенно часты стали такія «явленія», когда дѣла пошли хуже, когда начались «недоразумѣнія» между редакторомъ и княземъ, и ихъ отношенія сдѣлались натянутыми. Одно время С — въ куда-то исчезалъ и пропадалъ. Мы его совсѣмъ не видѣли. Газета выходила, но его никто не видѣлъ. У него зарождались какія-то новыя комбинаціи, онъ замышлялъ отдѣлаться отъ князя и одному вести газету. Князь былъ недоволенъ имъ и его веденіемъ дѣла и хотѣлъ, кажется, чтобы во главѣ изданія всталъ Божедаровичъ. Но Спичаковъ не желалъ уступить своего главенства... Все кончилось тѣмъ, что князь отказался поддерживать газету матеріально, ухлопавъ на нее больше ста тысячъ. Редакторъ надѣялся выйти съ честью, но ему это не удалось. Въ это «смутное время», когда уже чуялось «начало конца», Л. А. почти уже ни во что не вмѣшивался, ходилъ разстроеннымъ. Какъ-то разъ онъ всталъ передъ образомъ; принялъ молитвенную позу и воскликнулъ, воздѣвая руки вверхъ: «Боже, спаси Россію!». Какую? Конечно, Россію въ кавычкахъ, то-есть газету «Россію». Но очень можетъ быть, что и другую, Россію безъ кавычекъ, ибо онъ всегда думалъ, что «Россія» должна спасти Россію въ ея переходное, смутное тогдашнее время.

Россія не погибла, но «Россія» умерла.

Это случилось какъ разъ въ концѣ декабря. Несмотря на то, что смерть газеты была неминуема, всѣ почему-то ждали спасенія, на что-то надѣялись. Одни думали, что князь продолжитъ свою помощь, а тамъ—подписка; другіе вѣрили, что С—въ достанетъ денегъ. Но князь не захотѣлъ больше давать денегъ, а С—въ ихъ нигдѣ не нашель.

«Газета больше не будетъ издаваться», — это было объявлено всѣмъ сотрудникамъ.

Въ № 103 «Россіи», отъ 31-го декабря, появилась замѣтка отъ редакціи: «Вслѣдствіе предположенныхъ перемѣнъ въ составѣ редакціи, изданіе газеты съ 1-го января пріостанавливается на нѣкоторое время».

Но газета уже не возобновилась.

Она не оставила никакого слѣда въ журналистикѣ, хотя, повторяю, въ ней было не мало интереснаго и дѣльнаго. Но у нея не было определенной задачи, и она походила на какого-то хамелеона. Ретроградныя бесѣды редактора, которыя смущали даже людей консервативныхъ, и «провинціальныя» фельетоны, благодаря которымъ архангельскій губернаторъ Коніаръ запретилъ выписывать газету въ библіотеку! Эти крайности уживались и шли рука-объ-руку. Можно только пожалѣть, что на вѣтеръ брошены сто тысячъ, что князю не пришлось столкнуться съ человѣкомъ болѣе солиднымъ. Впрочемъ, какъ это всегда бываетъ, что на настоящее дѣло людямъ, понимающимъ его и желающимъ серьезно работать на благо общества, не добыть и сотни рублей, а людямъ «изъ другой оперы», по выраженію Лейкина, капиталы достаются легко. Ловкость и смѣлость всегда достигаетъ своего. Много богатыхъ людей попадалось на удочку и еще попадется, конечно! Надо сказать правду, Л. А. Спичаковъ не хотѣлъ обмануть Демидова, а онъ лишь самъ обманулся въ себѣ, вообразивъ себя пригоднымъ для журнальной дѣятельности. Это ошибочное мнѣніе о себѣ и ему обошлось не даромъ: онъ и свои деньги ухлопалъ въ газету. Быть можетъ, она шла бы лучше, если бы не была вечернимъ изданіемъ. Но онъ былъ упрямъ и ни за что не хотѣлъ выпускать газету утромъ. Онъ желалъ переупрямить публику, но ему это не удалось.

«Посаженные на мель» передъ новымъ годомъ, многіе сотрудники «Россіи» рѣшили обратиться къ князю съ просьбой о выдачѣ денегъ. — Нельзя же сразу такъ... гдѣ мы вдругъ найдемъ работу? Онъ долженъ... горячо говорилъ одинъ изъ «россіянъ». Его поддерживали. Не знаю, была ли подана «петиція» князю, и чѣмъ она увѣнчалась. Я въ ней не принималъ участія. Еще въ началѣ декабря я отошелъ отъ газеты; посылая только фельетоны, я уже не принималъ участія по внутреннему отдѣлу, который лежалъ раньше на мнѣ. Меня отвлекли спѣшныя работы для «Русской

Рѣчи», редакторъ которой скоро уѣхалъ за границу, и я остался вмѣсто него завѣдывать дѣлами журнала.

Скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ сотрудникахъ «Россіи», съ которыми мнѣ пришлось работать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Самыми симпатичными людьми были для меня П. Ю. Арнольдъ и А. Д. Путята (не говорю о Соловьевѣ, о которомъ я писалъ ранѣе, потому что съ нимъ я уже давно находился въ дружескихъ отношеніяхъ). Петръ Юрьевичъ Арнольдъ, сынъ извѣстнаго музыкальнаго критика, работалъ по земскимъ вопросамъ и являлся однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ сотрудниковъ. Его статьи помѣщались въ «Русской Рѣчи» и, кажется, въ «Русской Мысли». Онъ работалъ не мало въ музыкальныхъ изданіяхъ и если мало извѣстенъ, какъ композиторъ, то все-таки его вещицамъ нельзя отказать въ музыкальной мысли, которая облечена въ красивую, граціозную форму. Какъ товарищъ, это—милый, душевный человѣкъ. Я давно потерялъ его изъ виду и не знаю, гдѣ онъ теперь, но всякій разъ, когда я беру въ руки его рукописныя ноты на слова моей пьески «Солнышко свѣтитъ, и день на землѣ», я съ добрымъ чувствомъ вспоминаю симпатичнаго коллегу по газетѣ и сочлена по «Пушкинскому кружку».

Алексѣй Дмитріевичъ Путята—воспитанникъ Катковскаго лицея и горячій поклонникъ покойнаго публициста. Тогда это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, авторъ нѣсколькихъ статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и драмы, переведенной съ санскритскаго языка («Сакунтала», инд. драма Колидасы). Мягкій, всесторонне образованный, свѣтски воспитанный, А. Д. Путята являлся среди сотрудниковъ «Россіи» аристократомъ во всѣхъ отношеніяхъ и въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Съ нимъ было пріятно бесѣдовать, отдыхать, особенно послѣ разговора съ желчнымъ и рѣзкимъ Панинтинимъ-Адмирари. Разставшись съ А. Д. въ декабрѣ 1880 года, я раза два случайно встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ и послѣ большого промежутка времени встрѣтился въ Одессѣ, въ 1892 или въ 1893 году, когда я принималъ участіе въ «Одесскомъ Листкѣ». Мы встрѣтились, какъ старые знакомые, вспоминали «Россію» и то время. А. Д. сильно измѣнился: постарѣлъ, похудѣлъ. Онъ пошелъ по дипломатической дорогѣ и собирался уѣхать куда-то очень далеко—не помню, куда именно. Надняхъ одинъ изъ литераторовъ сообщилъ мнѣ, когда я упомянулъ въ разговорѣ о Путятѣ, что онъ «будто бы» умеръ въ Австраліи...

— Навѣрное знаете?

— Кажется.

Я отъ души желалъ бы, чтобы это оказалось неправдой. На А. Д. всего лучше доказывается, какъ важенъ въ человѣкѣ—человѣкъ, а не его направленіе или взгляды. Я во многомъ не соглашался съ нимъ и никогда не былъ поклонникомъ Каткова, при-

знавая сильный талантъ и умъ послѣдняго, но я всегда уважалъ А. Д. и встрѣчался съ нимъ охотнѣе, чѣмъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которыхъ я считаю вполне своими по взглядамъ. «Не мѣсто красить человѣка»... Да и не взгляды заставляютъ уважать человѣка. Съ удовольствіемъ пожимая руку честнаго консерватора, человѣка дѣла, а не слова, право, иногда съ неохотой протягиваешь ту же руку либералу, лишенному и благородства, и всѣхъ тѣхъ чертъ, за которыя симпатизируешь «противнику». Можно уважать даже врага и презирать соратника! Какъ много ихъ, дѣлающихъ карьеру на направленіи!

Я не знаю, какимъ былъ прежде Адмирари, а въ то время, когда онъ работалъ въ «Россіи», онъ не могъ назваться человѣкомъ, располагающимъ въ свою пользу. Рѣзкій на слова, даже грубый, онъ смотрѣлъ на всѣхъ свысока, пренебрежительно. Никто не думалъ отрицать его заслугъ въ прошломъ, всѣ охотно признавали его «генераломъ», разбитымъ въ бою. Но если «разбитый генералъ» будетъ требовать, чтобы его считали годнымъ полководцемъ, то это, конечно, странно. Разбитый физически, онъ ослабѣлъ, послѣ паралича, талантомъ и уже былъ только тѣнью прежняго Адмирари. Его фельетоны—слабые, блѣдные, написанные тяжело и лишенные стараго блеска, остроумія, не могли производить впечатлѣнія. Въ нихъ была желчь, но уже не та, которая прежде дѣлала ихъ сильными и яркими. Это была желчь больного человѣка, озлобленнаго на судьбу и алящася на всѣхъ за то, что онъ самъ разбитъ и пришибленъ. Сознавая свое безсиліе, упадокъ своего таланта, онъ «шипѣлъ» на все и всѣхъ. Онъ съ такимъ озлобленіемъ напалъ на одного талантливаго, хотя и не мало ошибавшагося либеральнаго писателя, что даже Сп—ковъ, восторгавшійся Скарятинимъ, нашелъ нужнымъ смягчить нѣкоторыя мѣста въ фельетонѣ. Ему, конечно, многое прощали, принимая во вниманіе его болѣзнь и помня его прежнія заслуги. Одинъ изъ его фельетоновъ былъ настолько плохъ, что Сп—въ не хотѣлъ его даже печатать. Но все-таки напечатали, боясь обидѣть старика. На другой день NN, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Читаль? (онъ указалъ на фельетонъ Адмирари).

— Да.

— Что?

— Слабо.

— Дрянъ! Я ему сейчасъ скажу... А то фыркаетъ на другихъ, а самъ...

Я сталъ уговаривать NN не дѣлать этого. Это было бы во всѣхъ отношеніяхъ не хорошо. Да мнѣ и жалко стало бѣднаго старика. Развѣ онъ пошелъ бы работать за тѣ гроши, какіе получалъ въ «Россіи», если бы не нужда! Еще раньше, въ 1876—1877 годахъ, читая его фельетоны изъ Петербурга въ «Будильникѣ», я болѣлъ

за него. Нилъ Адмирари — въ «Будильникѣ» и не какъ «первое лицо», *persona grata*, а какъ «желецъ изъ милости». Вѣдь имъ же онъ былъ и въ «Россіи». Онъ понималъ это—и оттого такъ раздражался, особенно когда ему напоминали о его прежнихъ фельетонахъ. Думали сдѣлать пріятное, а между тѣмъ только наносили ему страшную рану.

И умеръ онъ въ больницѣ, въ отдѣленіи чернорабочихъ, на убогой койкѣ, въ одиночествѣ, всѣми забытый. Подъ вліяніемъ извѣстій о его смерти, я написалъ этуодъ: «Лавровый вѣнокъ». Конечно, мой герой — не буквально Панютинъ, но только талантливый фельетонистъ своей скорбной смертью и судьбою далъ толчекъ моей мысли и повліялъ на созданіе этого героя.

Въ «Россіи» я познакомился съ извѣстнымъ «королемъ репортеровъ», Ю. О. Шрейеромъ. Кто не слыхалъ о немъ? Едва ли о комъ другомъ изъ газетчиковъ ходитъ столько разсказовъ, какъ о покойномъ Шрейерѣ. «Король репортеровъ», «вездѣсущій репортеръ» — вотъ какъ звали его. Онъ вездѣ поспѣвалъ, все узнавалъ раньше другихъ, проникалъ туда, куда никто не могъ попасть. Онъ нерѣдко ошибался, но за то иногда сообщалъ такія вещи, которыя считались тайной. Разсказываютъ про него, напимѣръ, слѣдующее. Рѣшался какой-то вопросъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Совѣщаніе состоялось конфиденціальное, на которое не было доступа никому изъ постороннихъ, тѣмъ болѣе — газетчикамъ. А Шрейеръ попалъ, все слышалъ и... сообщилъ въ газету.

Всѣ удивлялись: какимъ образомъ онъ могъ узнать? Оказалось, что «король репортеровъ» за деньги попалъ въ качествѣ официанта. Его, конечно, не стѣснялись, говорили свободно. Онъ слушалъ и... потомъ сообщилъ.

Правда ли это, не знаю, передаю то, что слышалъ.

«Король репортеровъ» предложилъ свои услуги и Спичакову. Л. А. былъ радъ этому и... выдалъ авансъ. Шрейеръ потребовалъ особый столъ. Ему дали. Онъ принесъ массу листочковъ, заперъ ихъ въ ящикъ стола и... долго не показывался. Появился опять, снова взялъ авансъ и исчезъ. Онъ что-то сообщалъ, кажется, въ газету, но скоро разошелся съ Л. А. и уже не показывался болѣе въ редакціи.

Я какъ-то встрѣтился съ нимъ на Невскомъ.

— Что же вы не работаете у насъ? — спросилъ я его.

— Развѣ еще существуетъ «Россія»?

— Да.

— Ну, такъ скоро кончитъ свое существованіе... Развѣ онъ можетъ вести дѣло!

Слова «короля репортеровъ» сбылись: «Россія» умерла. Можетъ быть, она и «пошла бы», если бы С—овъ согласился на то, чтобы его мѣсто занялъ Б—чъ. Но онъ считалъ газету «своею собствен-

ностью», объявилъ объ этомъ торжественно въ печати и... сошелъ со сцены.

Въ январѣ 1880 года, извѣстная писательница Цебрикова продала свой журналъ «Воспитаніе и Обученіе» Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сысоевой, книга которой «Исторія одной дѣвочки» пользовалась въ литературѣ хорошей репутаціей. Занятый работами въ «Россіи» и принимая дѣятельное участіе въ «Русской Рѣчи» съ 1879 года, я на время совсѣмъ пересталъ писать для дѣтей, хотя у меня былъ уже выработанъ планъ дѣтской повѣсти «Армія и казаки». Это рядъ изъ воспоминаній о томъ, какъ мы играли въ солдатики. Я все хотѣлъ и не могъ начать очеркъ... Вдругъ неожиданно получаю приглашеніе писать для «Воспитанія и Обученія». Г-жа Сысоева пріѣхала сама ко мнѣ, но не застала меня дома и оставила записку (или карточку—не помню). Улучивъ свободную минуту, я поѣхалъ къ ней. Она жила въ то время противъ Спаса-Преображенія—въ томъ самомъ домѣ, гдѣ послѣ жилъ А. Н. Плещеевъ.

Я раньше не зналъ Сысоевой.

Меня встрѣтила полная, видная дама, съ величественной осанкой. Она не походила буквально на Екатерину II, но невольно напоминала ее. По крайней мѣрѣ, при взглядѣ на Екатерину Алексѣевну Сысоеву, я именно вспомнилъ другую Екатерину Алексѣевну, какою она изображается на портретахъ.

Пріемъ былъ болѣе, чѣмъ радушный. Г-жа Сысоева рассказала мнѣ, какъ она въ деревнѣ съ восхищеніемъ читала моего «Карла Ивановича» въ «Русской Рѣчи», и просила его передѣлать для дѣтей. Я обѣщалъ это и потомъ дѣйствительно исполнилъ, а теперь передалъ планъ «Арміи и казаковъ».

— Это очень, очень хорошо,—сказала она и просила писать.

— Могу я частями... къ книжкамъ?

— Можете... Я знаю, что выйдетъ хорошо.

Черезъ нѣсколько дней я написалъ первыя главки и привезъ ихъ въ редакцію.

— Вы сами прочтете?

— Если угодно.

— Прошу васъ.

Я прочелъ—и картинки чрезвычайно понравились какъ самой Е. А., такъ и ея племяннику, Алексѣю Николаевичу Альмедингену, который помогалъ ей въ трудахъ редакціи, а потомъ, во время ея тяжелой болѣзни, одинъ велъ журналъ. Онъ и теперь редактируетъ его. «Армія и казаки» были изданы редакціей отдѣльной книгой и имѣли большой успѣхъ въ дѣтскомъ мірѣ, что засвидѣтельствовано г-жей Алчевской въ сборникѣ «Что читать народу?». Всѣ недѣльные журналы и газеты отзывались съ похвалой о книгѣ. Въ 1888 году я написалъ 2-ю часть «Арміи и казаковъ», и второе

изданіе вышло уже подъ новымъ названіемъ: «Изъ золотого дѣтства». Французы, переведшіе повѣсть и издавшіе ее отдѣльно, наименовали ее «*Les petits soldats russes*». Это очень милое и удачное названіе.

Я долго работалъ въ «Родникѣ», съ нѣкоторыми перерывами. Покойная Е. А. была очень добрая и чуткая женщина, но нервная и по характеру неровная. Несомнѣнно, болѣзнь вліяла на ея характеръ. Но, оставляя въ сторонѣ всѣ маленькія недоразумѣнія, которыя потомъ были между нами, я долженъ сказать, что у меня осталось о Е. А. самое хорошее и свѣтлое воспоминаніе. Она умѣла отзываться на чужую печаль, никогда не относилась къ сотрудникамъ, какъ купецъ къ кустарямъ, приносящимъ ему свои издѣлія. Она входила въ положеніе сотрудниковъ, сама спѣшила на помощь, если это было въ ея силахъ, и сердечно относилась къ ихъ личнымъ невзгодамъ и скорбямъ. Всѣ мы, литературные работники, люди нервные, намученные, и нельзя обвинять насъ за нѣкоторые шаги, за фразы, вырывающіяся въ минуты раздраженія. Къ достоинству Е. А. надо отнести и то, что она умѣла сознавать свои ошибки, грѣхи, и заглаживать то, что было сдѣлано или сказано въ такія минуты, когда человѣкъ весь находится подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія.

Е. А. обладала несомнѣнно талантомъ, хотя онъ и не былъ изъ особенно выдающихся. Она прекрасно переводила, компилировала. Но ея заслуги, какъ редактора, руководительницы журнала, невыразимо выше и значительнѣе заслугъ, какъ писательницы. Ея любовь къ дѣлу не подлежитъ сомнѣнію. На нѣкоторые вопросы по дѣтской литературѣ она смотрѣла немножко «отстало». Она боялась отрицательныхъ типовъ. Но въ общемъ она отлично понимала дѣло и вела журналъ прекрасно. Она строго относилась къ себѣ, потому что высоко смотрѣла на дѣло воспитанія «маленькаго народа». Изъ этого серьезнаго взгляда, быть можетъ, и вытекала боязнь «отрицательныхъ типовъ». Она сознавала отвѣтственность, которая лежитъ на руководителѣ дѣтскаго журнала. Эта черта много говоритъ въ пользу почившей писательницы.

Я бодро принялся за продолженіе «Арміи и казаковъ», но ужасное извѣстіе: «умеръ Достоевскій», поразило меня, какъ громомъ, и на время, что называется, подшибло крылья... Мало зная, какъ человѣка, я безгранично любилъ Ѳ. М., какъ писателя, можно сказать, я его любилъ болѣе всѣхъ...

Не меня одного поразила смерть Достоевскаго. Всѣ почувствовали страшную потерю. Для многихъ, по вѣрному выраженію Н. Н. Страхова, со смертью Достоевскаго сошла въ могилу огромная доля, чуть не половина наличной литературы. Сколько было людей, для которыхъ эта утрата была незамѣнима. Достоевскій именно не былъ просто частью петербургской литературы, а скорѣе ея

противовѣсомъ, контрастомъ. Онъ не былъ поклонникомъ минуты, не плылъ по вѣтру, а всегда являлся писателемъ независимымъ, слѣдовалъ своимъ собственнымъ мыслямъ. Онъ не потворствовалъ моднымъ направленіямъ, ходячему литературному настроенію. Это вѣрно, и за это-то многимъ онъ былъ дорогъ, за это-то и я любилъ его безгранично.

Никогда еще не хоронили писателя такъ торжественно, какъ Достоевскаго. Это было явленіе, которое дѣйствительно всѣхъ поразило. Самые горячіе поклонники великаго романиста не ожидали того, что произошло. Проводить останки писателя, котораго считали когда-то ретрограднымъ, котораго обливали ушатами грязи либералы изъ «Дѣла», — собралась многотысячная толпа. Въ погребальной процессіи, при выносѣ гроба изъ квартиры въ церковь Святого Духа, въ лаврѣ, было несено около 70 вѣнковъ, пѣли 15 хоровъ пѣвчихъ. Какимъ образомъ составила такая громадная манифестація? — спрашиваетъ Страховъ. Очевидно, она составила вдругъ, безъ всякой предварительной агитаціи, безъ всякихъ подготовленій, уговоровъ и распоряженій, 'потому что никто не ожидалъ смерти Достоевскаго, и время было очень короткое для какихъ либо обширныхъ приготовленій... Создалось все вдругъ, ибо смерть учителя поразила всѣхъ, заставила смолкнуть другія соображенія и отозвалась въ душѣ русскихъ людей. Умеръ не только рамаистъ-художникъ, но и учитель!

Масса провожавшихъ была разнообразна. Тутъ были люди различныхъ классовъ, возрастовъ и взглядовъ. Много, очень много молодежи, которой не льстилъ усопшій, а горячо нападалъ на ея заблужденія, любя ея всѣмъ сердцемъ. Лучшіе изъ молодежи это уже поняли, цѣнили и также горячо любили его.

Да, это были «національные русскіе проводы національнаго русскаго писателя». Не кружокъ провожалъ своего человѣка, а вся Россія — своего писателя и наставника. Двадцатитысячная толпа народу шла за гробомъ; погребальная процессія растянулась на двѣ версты. Гробъ несли на рукахъ почитатели покойнаго и его сотоварищи-писатели. Цѣлая аллея вѣнковъ, высоко поднятыхъ, терялась вдали. Это было море зелени. Изъ вѣнковъ выдавались особенно: вѣнокъ отъ инженернаго училища, отъ «Славянскаго Общества» и отъ «Русской Рѣчи». Отъ инженернаго училища, гдѣ учился Достоевскій, былъ роскошный, вѣнокъ на верху котораго качался широкій пальмовый листъ. На роскошномъ вѣнкѣ отъ «Славянскаго Общества» была надпись: «Русскому человѣку»; къ вѣнку съ обѣихъ сторонъ примыкала гирлянда, длиною въ 30 саженъ; она окружала гробъ и неслась на траурныхъ шестахъ.

Отъ «Русской Рѣчи» мы (я и Л. К. Поповъ, дѣятельный сотрудникъ журнала) несли большую трехцвѣтную русскую хоругвь, изъ оранжеваго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ съ большимъ лавровымъ вѣн-

комъ, съ надписью по срединѣ: «Достоевскому», а внизу — «Отъ редакціи журнала «Русская Рѣчь».

Хоругвь была очень тяжела, и намъ нести ее было трудно. На помощь явилось много охотниковъ.

Въ церкви наша хоругвь была внесена на хоры и поставлена такъ, что она сверху осѣняла гробъ Достоевскаго. Это вышло очень торжественно и знаменательно. Мнѣ невольно вспомнился тотъ моментъ, когда на Пушкинскомъ праздникѣ Достоевскій взомель на каеедру, а сзади его, какъ рамку, держали вѣнокъ. Тогда вѣнчали живого Достоевскаго, а теперь вѣнчала его мертваго — та же Россія.

Я не буду описывать подробно похоронъ — кто не помнитъ этого? Но нельзя не отмѣтить еще разъ того порядка, какой царилъ все время, не смотря на многотысячную толпу и на то, что «полиціи совѣмъ почти не было». Съ свинцовой тяжестью на сердцѣ возвращался я съ похоронъ, — съ сознаніемъ, что не скоро будетъ другой, который замѣнитъ намъ Достоевскаго.

Послѣ похоронъ мы собрались въ квартирѣ П. В. Быкова, чтобы помянуть усопшаго и дружеской бесѣдой облегчить горечь утраты. И вотъ здѣсь-то, въ этотъ день, зародилась впервые идея Пушкинскаго кружка. Эта идея только мелькнула, зародилась, но не была уяснена. Хотѣлось, чтобы явилась возможность собираться для бесѣды, для обмѣна мыслей, для взаимной помощи. «Можно и почитать и посовѣтываться. Кто что напишетъ — и прочтетъ, чтобы получить дружескую помощь». Начали разсуждать — и планъ сталъ развиваться... Онъ принялъ грандіозные размѣры... Грандіозные, но не фантастическіе — думалось тогда. Было бы только желаніе, а можно все выполнить.

- Поменьше розни!
- Побольше взаимной любви!
- Надо обдумать и выработать планъ.
- Непремѣнно.

Я не помню всѣхъ собравшихся въ этотъ день у Быкова, но помню, что были Альбовъ, Баранцевичъ, Мюръ, Рубинъ, Соловьевъ, Сальниковъ и, кажется, Садовниковъ. Впрочемъ не говорю навѣрное.

Я не берусь утверждать, тогда ли же рѣшено было назвать кружокъ «Пушкинскимъ», или потомъ. Но очень хорошо, что называли именемъ великаго поэта, котораго считалъ общимъ нашимъ учителемъ и усопшій великій романистъ.

Я думалъ, по правдѣ сказать, что предположеніе основать «кружокъ» такъ и останется однимъ предположеніемъ. Мало ли что замышлялось. Но на этотъ разъ вышло иначе. Мои личныя дѣла заставили меня черезъ недѣлю послѣ похоронъ Ѳ. М. уѣхать изъ Петербурга въ Москву. Здѣсь я получилъ письмо отъ Соловьева, извѣщавшаго меня, что къ выработкѣ устава Пушкинскаго кружка

приступлено серьезно, и уставъ скоро будетъ представленъ на утверждение правительства. Я былъ очень радъ, и на вопросъ Соловьева: «включать ли тебя въ число основателей?» отвѣтилъ: «конечно, непременно!».

Я ожидалъ многого отъ «Кружка», не предвидя будущаго.

Алекс. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ¹⁾.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

IV.

Въ Москвѣ.

Литературная гостинница.—Черные дни.—Встрѣча съ С. А. Юрьевымъ.—Разсказы о его забывчивости и разсѣянности.—Московскій Лейкинъ.—«Сатирическій Листокъ» и «Московская Газета» въ новыхъ рукахъ.—«Зритель» Давыдова.—«Современныя Иавѣстія» и Гиляровъ-Платоновъ.—И. Л. Пушкиревъ и его журналы «Мірскаго Толка» и «Свѣтъ и Тѣни».—Г. А. Хрущовъ-Сокольниковъ.—Путята и другіе сотрудники «Мірскаго Толка».—Л. Пальминъ.—Знакомство съ А. П. Чеховымъ; гипнотическіе и спиритическіе сеансы.—Братья Вернеры.—А. Д. Курепинъ.—У И. С. Аксакова.—«Россія» Уманца.—В. А. Скрипичинъ, Д. А. Ливевъ, Н. П. Аксаковъ, С. Н. Филипповъ и В. Е. Ермиловъ.—Какъ я попалъ на учокъ.—«Дѣтскій Отдыхъ».—Н. П. Ланявъ и «Русскій Курьеръ».—Докторъ-публицистъ В. П. Окроковъ.—Мои изданія въ Москвѣ.—Молодые поэты.—В. М. Михеевъ и наша драма «Талантъ и деньги».—Н. И. Златовратскій.—Н. М. Ядринцевъ.—В. И. Немировичъ-Данченко и начало моего сотрудничества въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Ы гдѣ остановитесь?—спросилъ меня визави.

Онъ сѣлъ на Бологовской станціи и оказался очень разговорчивымъ человѣкомъ.

— Право, не знаю... Мнѣ все равно, только было бы удобно и не особенно дорого.

— Остановитесь въ «Лоскутной».

— Почему?

— Во-первыхъ—очень хорошая гостинница: образцовый порядокъ и чистота. А во-вторыхъ—это «литературная гостинница», если такъ позволено будетъ выразиться.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXII, стр. 464.

— Какъ «литературная»?

— Тамъ останавливается очень много литераторовъ... Я жилъ въ ней какъ-то: со мной въ одно время стояли Лѣсковъ, Лейкинъ и еще кто-то.

— Можетъ быть, случайно? Впрочемъ, я ничего не имѣю противъ «Лоскутной» и попробую остановиться въ ней.

Это было въ послѣднихъ числахъ февраля 1881 года. Съ тѣхъ поръ я всегда останавливаюсь въ «Лоскутной», которая дѣйствительно можетъ быть названа «излюбленной» литераторами. Когда бы вы ни пріѣхали; непременно «стоитъ» кто нибудь изъ пишущей братіи. Здѣсь останавливался Ѳ. М. Достоевскій, почти постоянно — Лѣсковъ; ее же любятъ: Лейкинъ, Боборыкинъ, Ясинскій, Данченко, Тихоновъ, Гнѣдичъ... Если бы перечислить всѣхъ, кого я встрѣчалъ въ «Лоскутной» въ мои разновременныя остановки, то можно составить большой списокъ. Многіе писатели жили и живутъ въ ней подолгу, находя, что въ ея номерахъ работать удобно, а жизнь не особенно дорога. Къ числу удобствъ относится прекрасная читальня со множествомъ періодическихъ изданій.

Я пріѣхалъ въ Москву въ свѣтлое время, но скоро настали черные дни. На нѣсколько сутокъ я ѣздилъ въ Тимъ къ родственникамъ. И вотъ здѣсь-то я былъ пораженъ ужаснымъ извѣстіемъ: Государь убитъ!.. У меня нѣтъ словъ описать того душевнаго состоянія, какое я пережилъ тогда, выразить ту скорбь, которая охватила сердце... Не хотѣлось вѣрить... Ужасно и больно было вѣрить... Это я прочелъ и на лицахъ всѣхъ, собравшихся на панихиду. Но приходилось вѣрить,—нельзя было отрицать фактъ.

Я засталъ Москву въ смятеніи, въ траурѣ. Первопрестольная была сначала угнетена фактомъ, а потомъ пришла въ какое-то нервное возбужденіе. Раздраженіе противъ убійцы у простого народа переходило въ раздраженіе противъ всѣхъ интеллигентныхъ, противъ тѣхъ классовъ, къ которымъ принадлежали цареубійцы. Слово «скубентъ» опять начало подчеркиваться. Очки, пенсне, короткіе волосы у дамъ и длинныя у мужчинъ—возбуждали негодованіе. Скверные люди беззастѣнчиво, съ наглостью эксплуатировали такое народное возбужденіе.

Былъ такой случай.

Какой-то продавецъ навойливо приставалъ къ господину на улицѣ.

— Да купите, поддержите коммерцію...

У продавца были лубочныя книженки и разныя картины для «народа», между прочимъ и портретъ государя Александра II, исполненный также лубочно, какъ и «Бѣлый генералъ».

Господинъ коротко отвѣтилъ:

— Не надо, отстань.

— Купите... вотъ портреты... Описаніе...

— Не надо!

— Не дорого возьму...

Навязчивый продавецъ хватается за руку господина. Этотъ наконецъ не выдержалъ и крикнулъ:

— Да убирайся ты! А то я тебя!..

Продавецъ обозлился и завопилъ:

— Караулъ!.. Государя ругаетъ!..

Мгновенно собралась толпа, у которой съ трудомъ удалось вырвать несчастнаго человѣка, не хотѣвшаго покупать лубочной картины.

Провинція не отставала отъ столицы. Тамъ дѣло доходило иногда до комичнаго. Въ концѣ марта мнѣ пришлось побывать въ Вологдѣ. Тамъ простонародье открыто ругало ходившихъ въ очкахъ. Одну «стриженную барышню» чуть не избили. Моей сестрѣ, шедшей подъ вуалью, какіе-то оборванцы крикнули:

— Чего закрылась? И ты не изъ тѣхъ ли, что царя убили?

Она испугалась и сѣла на перваго попавшагося извозчика.

Въ эту поѣздку въ Москву я впервые познакомился съ С. А. Юревымъ, на имя котораго я послалъ два стихотворенія въ «Русскую Мысль». Одно изъ нихъ появилось въ этомъ же году, а другое — въ слѣдующемъ. С. А. производилъ чарующее впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ не отъ «міра сего», идеалистъ, котораго ловко «обходили» разные дѣльцы, пользуясь его именемъ... Говорятъ, что С. А. былъ удивительно разсѣянъ и забывчивъ. Про него ходитъ масса разсказовъ — насколько достовѣрныхъ не знаю, но, по моему, вѣроятныхъ и возможныхъ для него... Разсказываютъ, на примѣръ, что С. А., въ бытность редакторомъ «Бесѣды», возвращался разъ съ прогулки со сверткомъ въ рукахъ. Ему попался какой-то литераторъ и передалъ рукопись. С. А. просилъ за отвѣтомъ прійти черезъ недѣлю. Возвратясь домой, С. А. одинъ изъ свертковъ бросилъ въ передней подъ вѣшалку, на полъ, а другой спряталъ въ ящикъ письменнаго стола. Черезъ недѣлю литераторъ является за отвѣтомъ. С. А. проситъ извиненія, что онъ не успѣлъ еще просмотрѣть, «но, — прибавляетъ онъ, — я сейчасъ при васъ же пробѣгу». Вынимаетъ свертокъ, развязываетъ и... о, ужасъ! въ рукахъ — резиновые калоши!

Другой случай.

Какъ-то Сергѣй Андреевичъ отправился къ одному своему знакомому; нанимая извозчика, онъ сказалъ ему свой собственный адресъ. Пріѣхали. На дверяхъ собственной квартиры С. А. увидѣлъ дощечку: «нѣтъ дома». Не обративъ вниманія на другую дощечку со своей фамиліей, С. А. промолвилъ съ досадой: «ахъ, какая жалость, опять его не засталъ». Сѣвъ обратно на извозчика, онъ приказалъ ему ѣхать домой и снова назвалъ свой адресъ.

— Да, что вы, баринъ, мы сюда ужъ и пріѣхали! — сказали извозчикъ.

Только тутъ С. А. все понялъ.

Въ послѣдній разъ, не задолго до смерти С. А. я встрѣтился съ нимъ въ театрѣ, гдѣ гастролировала Горева. Послѣ одного акта, оставшись довольнымъ игрой артистки, онъ горячо передалъ мнѣ, идя со мной по коридору, свои впечатлѣнія и мнѣнія. Въ заключеніе онъ добавилъ: «гдѣ Дмитрій Александровичъ (Линевъ)? Надо его найти»... Я отыскалъ его и оставилъ ихъ. С. А. началъ горячо дѣлиться съ нимъ своими взглядами и вдругъ произнесъ: «А вы видѣли Круглова? Найдите его, я хочу ему все это передать»... Симпатичный старецъ уже забылъ, что онъ только что передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія. Въ лицѣ С. А. въ могилу сошелъ чистѣйшій идеалистъ, рыцарь безъ страха и упрека, тонкій цѣнитель искусства, человѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ не былъ узкимъ бойцомъ своего прихода, не былъ практичнымъ дѣльцомъ, умѣющимъ ловить рыбку въ мутной водѣ, создавать свое благополучіе на модномъ направленіи и, прикрываясь тогой либерализма, обдѣлывать такіа дѣлишки, за которыя приходится расплачиваться не только нравственно; но за спину этого «праведника», человѣка съ чистымъ сердцемъ, отлично умѣли прятаться ловкіе дѣльцы...

Окончивъ работу для «Русской Рѣчи», я въ маѣ уѣхалъ изъ Москвы на кумысъ въ Саратовскую губернію. Передъ самымъ отѣздомъ я познакомился съ И. И. Барышевымъ и съ А. П. Лукинымъ, однимъ изъ собственниковъ «Русскихъ Вѣдомостей», отчасти причастнымъ и беллетристикѣ (его прекрасная повѣсть изъ крѣпостнаго быта была напечатана въ «Современникѣ» Некрасова), но извѣстнымъ преимущественно въ Москвѣ въ качествѣ фельетониста.

И. И. Барышевъ-Мясницкій—совсѣмъ изъ другой оперы, по выраженію его соратника Лейкина. Мясницкій—это московскій Лейкинъ; какъ юмористъ онъ нисколько не уступитъ петербургскому. Онъ пишетъ не такъ много, какъ тотъ, и потому его талантъ сохранилъ большую свѣжесть. И. И. превосходно знаетъ москвича и въ особенности купца. Знаетъ не только съ внѣшней стороны, относительно лексики его смѣшныхъ словъ; онъ изучилъ и его «душу», его психологію. Помимо юмористическихъ рассказовъ, онъ иногда выступаетъ и съ повѣстями изъ купеческаго быта, гдѣ серьезная подкладка, серьезная мысль. Даже среди такъ называемыхъ легкихъ юмористическихъ рассказовъ попадаются такіе, которые можно читать не только ради смѣха, для улучшенія пищеваренія... Жаль только, что онъ ограничивается штрихами, не разрабатывая детально сюжета. При его несомнѣнномъ талантѣ рассказчика, при его наблюдательности и знаніи купеческой среды, онъ могъ бы написать хорошую, серьезную

бытовую повѣсть, которой далъ бы мѣсто всякій толстый журналъ. Но онъ слишкомъ небрежно смотритъ на свое дарованіе, неэкономно расходуетъ его на мелочи и довольствуется лаврами легкаго юмориста, который является любимцемъ московской публики. И. И. пишетъ много для театра, но если его веселые шаржи смотрятся легко и вызываютъ несмолкаемый смѣхъ у зрителей коршевскаго театра, то они едва ли способствуютъ той извѣстности автора, какою онъ могъ бы пользоваться, если бы иначе отнесся къ своему таланту.

Я не буду описывать своего пребыванія на кумыскѣ, ибо это уже выходитъ за рамки «литературныхъ воспоминаній». Послѣ кумыски я снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ завязалъ новыя знакомства, отчасти благодаря и возникшему «Пушкинскому кружку». Поживъ въ Петербургѣ, я опять ѣздилъ въ Москву, жилъ въ ней, вернулся въ Петербургъ, жилъ въ провинціи, снова въ Москвѣ и т. д. Чтобы не дробить своихъ воспоминаній, я оставлю пока все, что относится не къ жизни въ Москвѣ, и посвящу эту главу «пестрыхъ страничекъ» жизни въ Первопрестольной за различные періоды пребыванія въ ней.

Переѣхавъ лѣтомъ 1882 года на дачу въ Любань, я остался жить въ ней и на зиму. И вотъ въ началѣ декабря я получилъ письмо отъ Е. А. Вернера, который приглашалъ меня сотрудничать въ «Сатирическомъ Листкѣ» и въ «Московской Газетѣ», перепешей въ новыя руки. Съ Вернеромъ, помѣщавшимъ стихи въ «Наблюдателѣ», я познакомился во время московской выставки. Вернеръ работалъ въ «Московской Газетѣ», редактируемой Пазухиннымъ, человѣкомъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ, что видно изъ его первой повѣсти и небольшого разсказа въ «Русскомъ Богатствѣ», ред. Оболенскаго. Потомъ онъ сталъ писать исключительно для газеты, поставляя повѣсти, романы и разсказы къ сроку. Изрядка блестящаго таланта сверкаютъ и среди обязательнаго въ сроки поставляемаго беллетристическаго матеріала, который печатается на страницахъ самой распространенной московской газеты.

Еще лѣтомъ я послалъ нѣсколько юмористическихъ стихотвореній въ «Московскую Газету»; по полученіи письма Вернера, я пріѣхалъ въ Москву, чтобы вмѣстѣ съ нимъ поработать въ изданіи хотя и маленькомъ, но цѣль котораго—та же, что и у большихъ «собратьевъ». Повидавшись съ Вернеромъ и съ однимъ изъ новыхъ хозяевъ «Московской Газеты», я повѣрилъ словамъ послѣдняго и его желанію создать хорошую газету. Въ это же время я получилъ предложеніе отъ Гилярова-Платонова вести журнальное обозрѣніе въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», а отъ Давыдова, возобновлявшаго «Зритель», писать у него. Чего тутъ думать, все было по душѣ—и я остался въ Москвѣ, нанявъ номеръ въ ме-

блированных комнатахъ «Миръ», гдѣ жилъ временно и А. А. Навроцкий, редакторъ-издатель прекратившейся внезапно «Русской Рѣчи». Я съ увлеченіемъ отдался работѣ: писалъ фельетоны, передовыя статьи, помѣщалъ стихи, напечаталъ разсказъ «Лавровый вѣнокъ».

Я вѣрилъ въ «наше дѣло», но оказалось, что мало вѣры, а надо и знать людей, съ которыми начинаешь дѣло. Я былъ до вѣрчивъ и поплатился за это. Помню, какъ всю ночь подъ Рождество я провелъ въ типографіи, выйдя оттуда въ 2 часа утра... Приходилось не только править корректуры, но и уговаривать рабочихъ — набирать. Они требовали денегъ и не хотѣли работать, не вѣря хозяевамъ газеты.

Сколько потрачено силъ вообще за короткое время! Благодаря до вѣрчивости, любви къ дѣлу, я еще не одинъ разъ попадался на удочку разныхъ предпринимателей. И только опыты послѣднихъ лѣтъ убѣдили меня, что нельзя вести общее дѣло съ людьми, чуждыми печати или смотрящими на изданіе, какъ на лавочку. Для торговцевъ печатнымъ словомъ существуютъ «подручные» или паяцы, которымъ тоже дорогъ только одинъ пятакъ.

«Зритель», издававшійся ранѣе очень недолго, теперь возобновился, благодаря денежному участию въ изданіи нѣкогого А — та. Онъ приобрѣлъ типографію, поставилъ дѣло хорошо. Литературный трудъ оплачивался недурно и аккуратно. Вернеръ сдѣлался секретаремъ редакціи, а редактированіе сначала лежало на одномъ извѣстномъ теперь московскомъ писателѣ, или, вѣрнѣе, онъ помогалъ въ редакціи Давыдову. Въ «Зритель» я помѣщалъ юмористическіе и сатирическіе стихи и велъ въ сатирическомъ духѣ «журнально-литературное обозрѣніе», подъ псевдонимомъ Ширебери. Помню, разъ все обозрѣніе было запрещено цензоромъ. Номеръ вышелъ безъ обозрѣнія.

— Это почему? — спросилъ я у редактора.

— А потому? что «уже бери!», — смѣясь, отвѣтилъ онъ.

Въ журналѣ писали много Вернеръ, Хрущовъ-Сокольниковъ и Антонъ Чеховъ, подъ псевдонимами «Ант. Чехонте» и «Человѣкъ безъ селезенки». Его небольшія, остроумныя и живыя картинки нравились публикѣ. Но «Зритель» опять просуществовалъ недолго. Давыдовъ разошелся съ А — омъ, остался безъ денегъ, и... изданіе прекратилось.

Въ матеріальномъ отношеніи это было для меня очень невыгодно. Я остался въ Москвѣ при одной работѣ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», гдѣ велъ, какъ уже сказалъ раньше, журнальное обозрѣніе. Гиляровъ-Платоновъ въ это время страшно запутался въ дѣлахъ и платилъ болѣе, чѣмъ неаккуратно. Бесѣдовать съ нимъ было очень интересно, самъ онъ производилъ хорошее впечатлѣніе, какъ человѣкъ въ высшей степени умный, образованный и

талантливый. Зайдешь на минутку и невольно засидишься. Въ тепломъ халатѣ на мѣху и въ шапкѣ, онъ имѣлъ нѣсколько странный видъ. «Что, развѣ такъ холодно въ комнатѣ, что онъ въ такомъ костюмѣ сидитъ за работой?»—подумалъ я. Нѣтъ, въ кабинетѣ было тепло. Но онъ такъ уже привыкъ. Поговоривъ о дѣлѣ или вообще о чемъ нибудь изъ области общественно-литературныхъ вопросовъ (говорилъ онъ краснорѣчиво, дѣльно и остроумно), онъ вдругъ произносилъ:

— Вы не получали еще денегъ?

— Нѣтъ, Н. П.!

— Идите, въ конторѣ выдадутъ.

Являешься въ контору (она была не близко отъ редакціи).

— Вамъ что?—спрашивала кассирша.

— Денегъ, конечно!—говоришь ей.

Отвѣтъ былъ различный и варіировался на слѣдующіе лады:

— Нѣтъ ничего! Пусто въ кассѣ!

— О, у меня мало!

— Ну, не знаю, какъ и соберу вамъ.

И вотъ вмѣсто того, чтобы получить 40 рублей, получаешь 10, 7, даже 3 рубля.

Завѣдовавшій конторой Д. А. Мансфельдъ скажетъ, бывало, кассиршѣ:

— Вѣдь есть же еще...

— А такому? А по счету N.?

— Ахъ, да!.. Ну, обратится ко мнѣ. Берите сегодня это... а надняхъ остальное.

Иногда надняхъ, дѣйствительно, приходилось получать больше, а нерѣдко, вмѣсто ожидаемаго «всего», уйдешь съ пустыми руками.

И все-таки я долго не бросалъ «обозрѣній», потому что нельзя было бросить. Между тѣмъ фраза «а въ кассѣ нѣтъ ничего» стала повторяться все чаще и чаще.

— Позвольте,—скажешь кассиршѣ,—да я не могу ждать! Понимаете: не могу!

— Понимаю. А у меня нѣтъ ничего!

Мнѣ начали вспоминаться прежніе дни далекой петербургской жизни... Но тутъ явился на выручку Пушкиревъ съ «Мірскимъ Толкомъ» и Аксаковъ съ «Русью».

Пушкирева я зналъ раньше и что-то посылалъ ему, онъ напечаталъ, но наши отношенія, не помню уже по какому случаю, какъ-то вдругъ сдѣлались натянутыми. Кажется, по своему обыкновенію рѣзко и прямо высказываться обо всемъ, я безъ всякихъ тонкостей отзывался объ одномъ изъ поступковъ Н. Л. Онъ вспылилъ, и мы разстались холодно. Я считалъ неудобнымъ послѣ этого заѣзжать къ Николаю Лукичу. Меня потащилъ, что называется, Гавріилъ Александровичъ Хрущовъ-Сокольниковъ. Я съ нимъ по-

знакомился за годъ передъ этимъ въ Петербургѣ. Остроумный говорунъ, онъ часто заѣзжалъ ко мнѣ въ Петербургѣ, сообщалъ новости, сыпалъ каламбуры, острилъ, говорилъ и писалъ на клочкахъ бумаги экспромты, читалъ подъ аккомпанементъ рояля стихи... Однимъ словомъ, онъ былъ веселымъ и желаннымъ гостемъ въ минуты хандры и досуга.

Вотъ человѣкъ, котораго можно назвать «мотомъ»... Онъ родился, что называется, въ сорочкѣ. Судьба дала ему все, кромѣ красоты. У него была вліятельная и богатая родня. Его дядя, занимавшій одно время постъ генераль-губернатора въ Сибири, любилъ его и могъ оказать ему сильную протекцію по службѣ. Но Г. А. не хотѣлъ служить. Онъ пріѣзжалъ въ Сибирь и, кажется, пробовалъ служить, но бросилъ, не желая дѣлать чиновничьей карьеры... На своемъ вѣку Г. А. получилъ три наслѣдства, что въ общемъ составило миллионное богатство. Но онъ все прожилъ, истративъ на прихоти и разнаго рода затѣи. Онъ началъ издавать «Московское Обзорѣніе» и бросилъ, передавъ его Н. Л. Пушкиреву. Занялся было фотографіей, купилъ фотографическое заведеніе за большія деньги и продалъ его черезъ короткій промежутокъ времени за полцѣны. Потомъ онъ завелъ техническую мастерскую, химическую лабораторію, возился съ какимъ-то открытіемъ, опять все бросилъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ снова работалъ по фототипіи, завѣдывалъ литературнымъ и художественнымъ отдѣлами «Звѣзды» у Комарова и писалъ романы. Судьба точно знала, что никакихъ денегъ не хватитъ для этого сердечнаго и хорошаго, но совсѣмъ непрактичнаго человѣка, и послала ему майоратъ, дававшій около 12 тысячъ въ годъ дохода. Но Г. А. ухитрился такъ задолжать ростовщикамъ, что тѣ и получали всѣ деньги, а онъ работалъ, какъ волъ, въ послѣднее время сочиняя романы. Они были ниже его дарованія и дискредитировали его, какъ писателя. А между тѣмъ у него былъ здоровый талантъ: онъ прекрасно владѣлъ стихомъ, писалъ быстро, непринужденно и могъ составить себѣ имя и какъ лирикъ, и какъ юмористъ. Но онъ не развивалъ серьезно таланта, писалъ кое-какъ, урывками, чуть не въ то время, когда типографскій посыльный ждалъ въ передней. И все-таки между его стихотвореніями попадаетъ много прекрасныхъ, сильныхъ пьесъ. Мнѣ очень жалко, что я не могу ни одного стихотворенія привести здѣсь. Они разсыяны по изданіямъ, которыя трудно достать, и я не имѣю времени рыться въ Публичной библіотекѣ. Проживъ большія деньги, Г. А. даже не собрался выпустить свои стихи отдѣльной книжкой. Имъ изданъ только романъ въ стихахъ «Великосвѣтская Нана». Въ романѣ много превосходныхъ мѣстъ, злыхъ строфъ и остроумныхъ страницъ. Характеристики сдѣланы недурно, даже мѣтко. Но въ общемъ произведеніе не выдержано, и рядомъ съ блестящимъ стихомъ попадаютъ стихи неотдѣланные, слабые. Даже

въ романахъ, писанныхъ для «толпы», попадаютъ хорошія страницы, свидѣтельствующія о талантѣ автора. Но все набросано спѣшно, безъ отдѣлки. Г. А. писалъ много, а получалъ относительно мало. Его выручали еще отдѣльные изданія романовъ.

Я не разъ говорилъ ему:

— Гавріиль Александровичъ! Зачѣмъ ты пишешь эти романы? Вѣдь ты можешь писать другое... Ты губишь себя...

— Знаю... Но нужны деньги... А здѣсь деньги вѣрныя...

И это говорилъ человѣкъ, имѣвшій майоратъ съ двѣнадцатитысячнымъ доходомъ!

Исключительно блестящія условія для литературнаго труда—и все-таки сумѣлъ эти условія привести къ нулю... Можно ли еще болѣе испортить свою жизнь и размотать всѣ дары судьбы? Г. А. говорилъ мнѣ, что онъ надѣется скоро «вырваться изъ лапъ кредиторовъ»... Не знаю, удалось ли ему это хоть не надолго передъ смертью. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1890 году. Я жилъ тогда въ Москвѣ; вѣсть о смерти пріятеля сильно поразила меня и навела на тяжелыя думы о современномъ человѣкѣ...

Но возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Заѣхавъ ко мнѣ въ «Миръ», Г. А. сообщилъ, что «сегодня у Пушкарёва интересный вечеръ: будетъ гипнотизаторъ, и состоятся любопытныя опыты... Обѣщался пріѣхать и Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко (я съ нимъ былъ уже знакомъ).

— Ты хочешь? Поѣдемъ!—заклучилъ Г. А.

Я сказалъ, что это едва ли удобно...

— Какіе пустяки!.. Что за столкновеніе? Да Н. Л. и не придастъ значенія такой мелочи. Поѣдемъ... Интересно.

Я все-таки отказался.

Г. А. уѣхалъ, а черезъ два часа прислалъ записку слѣдующаго содержанія: «Пріѣзжай. Н. Л. ждетъ и очень радъ... Я также жду. Твой Хрущовъ-С.»...

Я отправился въ Нѣмецкую улицу, гдѣ у Пушкарёва былъ собственный домъ: въ немъ, кромѣ квартиры Н. Л., помѣщалась типографія и редакція.

На вечеръ собралось много народа. Въ этотъ разъ я познакомился съ молодымъ писателемъ-беллетристомъ Путятой, который, спустя лѣтъ пять, умеръ въ больницѣ отъ чахотки. Передъ смертью онъ сильно нуждался. А. П. Чеховъ писалъ о немъ въ газетахъ, взывалъ къ помощи братьевъ и общества. Не знаю, что вышло изъ этого воззванія. Путята обладалъ своеобразнымъ дарованіемъ, но это дарованіе, о которомъ мнѣ много говорилъ еще ранѣе Даниловъ, дядя извѣстнаго Д. И. Писарева, также погибло, не достигнувъ своего развитія. Жизненныя условія, условія личной жизни у Путаты сложились скверно. Одно время онъ сильно

пилъ... Когда я познакомился съ нимъ, онъ уже хрипѣлъ и говорилъ съ трудомъ...

«Опыты», о которыхъ упоминалъ Сокольниковъ, удались. Помню хорошо эту блѣдную женщину, усыпленную гипнотизеромъ. Вотъ она съ открытыми глазами, стеклянными, словно у покойницы, идетъ за В. И. Данченко, который держитъ ее за руки... Онъ хотѣлъ ее оставить и уйти! Она бросилась за нимъ...

— Не дѣлайте этого... нельзя!—сказалъ гипнотизеръ. — Она все равно пойдетъ за вами... Запрете дверь—она ее высадитъ...

Когда женщину «привели въ чувство», то-есть она проснулась, она ничего не помнила. Она покорно поддавалась приказу гипнотизера.

Послѣ ужина Н. Л., заговоривъ со мной о чемъ-то, предложилъ писать въ «Мірскомъ Толкѣ» литературныя замѣтки. Я охотно принялъ предложеніе и отказался отъ работы въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Еще долгое время я продолжалъ получать оставшіяся долгъ за редакціей, такъ какъ уплата шла попрежнему пятирублевками и самое большее красненькими.

Въ числѣ сотрудниковъ «Мірскаго Толка» находились: Пальминъ, Кондратьевъ и К. Пушкаревъ. Послѣдній, кромѣ «Мірскаго Толка», нигдѣ не писалъ. Въ «Мірскомъ Толкѣ» онъ вѣлъ фельетоны, очень своеобразные по формѣ и ѣдкіе по содержанию. Нѣкоторые изъ нихъ были на столько смѣлы, желчны и злы, что приходилось удивляться, какъ они не вызывали «административныхъ скорпіоновъ».

Пальминъ сразу произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе, когда мы (я и Вернеръ) пріѣхали къ нему. Онъ любилъ выпить, и всегда, какъ только зайдешь къ нему по дѣлу, на столѣ появлялась косушка. Онъ пилъ, закусывалъ, и его рябое, некрасивое лицо дѣлалось положительно отталкивающимъ. Онъ былъ очень высококаго мнѣнія о себѣ, хотя за послѣднее время писалъ такіе стихи, за которые трудно не покраснѣть начинающему. Онъ ихъ пекъ, дѣлалъ и продавалъ: сегодня въ листокъ, завтра въ либеральный органъ, гдѣ онъ находилъ мѣсто, благодаря личнымъ хорошимъ отношеніямъ съ издателемъ. Онъ нападалъ на гражданскую поэзію, на пѣвцовъ гражданской скорби, а самъ печаталъ такіа вирши:

Богатство! Озябшую бѣдность согрѣй
И въ сердцѣ открой ты душникъ,
Чтобъ лучъ теплоты къ ней въ жилище скорѣй,
Скорѣй животворно проникъ!
Натоплены жарко сердца богачей
Во образъ теплыхъ хорошихъ печей,
Скорѣй же, скорѣй душники
Откройте!..

На стужѣ, безъ пищи, одежды и дровъ
 Кто можетъ быть веселъ, спокоенъ, здоровъ?
 Зимю же холодно страсть!
 И такъ душники открывайте же вы
 Въ сердцахъ, грѣя бѣдность... а, впрочемъ, увы!
 Отъ тѣхъ душниковъ вамъ не будетъ тепла,
 А будетъ угаръ лишь одинъ.

Говорятъ, что онъ имѣлъ «капиталецъ» и отъ третьяго лица даже отдавалъ деньги подъ проценты... Онъ отличался большой развязностью и, гдѣ нельзя было дѣйствовать прямо, онъ находилъ дорожку съ «задняго крыльца». Въ «Мірскомъ Толкѣ» за послѣднее время онъ печатался мало, находя, что «Московский Листокъ» платитъ дороже. Мнѣ очень хотѣлось бы познакомить читателей съ фizioноміей «Мірскаго Толка», но у меня не сохранилось ни одного нумера. Не одинъ разъ я пожалѣлъ о томъ, что не имѣлъ привычки хранить всѣ журналы и газеты; я или уничтожалъ ихъ, или раздаривалъ въ библіотеки. Много мнѣ мѣшали и переѣзды хранить массу газетъ и журналовъ, а между тѣмъ они теперь сослужили бы мнѣ службу. Н. Л. Пушкиревъ, какъ поэтъ, занимаетъ свое опредѣленное, хотя и скромное мѣсто въ литературѣ. Его стихотворенія не броски, но задумевны и полны мысли. Однако, нельзя говорить о Пушкиревѣ только, какъ о поэтѣ. Онъ «Мірскимъ Толкомъ» также служилъ обществу, какъ честный гражданинъ... «Мірской Толкъ» не былъ органомъ пересмѣшниковъ. «Безпардонный смѣхъ», смѣхъ гаера, не имѣлъ въ немъ мѣста. Журналъ всегда былъ выразителемъ лучшихъ стремленій и ратовалъ за прогрессъ, за свѣтъ и боролся отважно съ полчищемъ мракобѣсовъ... Въ общемъ хорѣ иногда его голосъ заглушался и мало былъ слышенъ. Но это уже не вина журнала. Странна судьба и этого поэта, друга Сокольниковъ. Онъ началъ дѣло, оно пошло въ ходъ, но... журналъ споткнулся; его постигла кара. Послѣ нея онъ, какъ человѣкъ послѣ тяжелой болѣзни, уже не могъ оправиться окончательно. Пошли дефициты... и «Мірской Толкъ» почилъ. Увлекающійся человѣкъ, Н. Л. одно время весь былъ занятъ своей свѣчей («Пушкиревская свѣча»), мечтая ея нажить чуть ли не состояніе. Ему не удалось это. Потомъ онъ явился передъ публикой въ роли драматурга. Его «Лже-Димитрій» имѣлъ успѣхъ, но тоже не поправилъ матеріальнаго положенія. Я давно не встрѣчалъ Н. Л. Пушкирева и не знаю даже, что съ нимъ теперь. «Свѣча» не освѣтила земного пути поэта, печатавшагося нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова.

Если не ошибаюсь, я познакомился съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ въ редакціи «Зрителя». А. П., медикъ по образованію, почти никогда не касался въ разговорахъ этой области, и всѣ бесѣды вращались около литературныхъ вопросовъ. Чеховъ жилъ въ своей

сямбѣ, и я, бывая у А. П., познакомился съ его братомъ—художникомъ, очень талантливымъ и симпатичнымъ челоѣкомъ, умершимъ, къ сожалѣнію, чрезвычайно рано. А. П. работалъ въ то время въ «Зритель», «Будильникъ», «Петербургской Газетѣ» и, вѣроятно, не мечталъ, во всякомъ случаѣ не предполагалъ, что добьется той извѣстности, какою онъ пользуется теперь. Мягкій, веселый, скромный, онъ производилъ собою на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе. Покойный А. Д. Курепинъ, редактировавшій тогда «Будильникъ», былъ немножко «влюбленъ» въ Чехова и говорилъ о немъ съ какою-то нѣжностью. Курепинъ считался большимъ пріятелемъ Н. Кичеева. Но между ними было мало общаго. Чистенькій, румяный, одѣтый съ иголки, А. Д. Курепинъ и по внѣшности уже не походилъ на Кичеева. Но если этотъ, не смотря на свои «грѣхи», безпутность и чисто «русскую халатность», оставался все-таки добрымъ малымъ, который сегодня васъ «надуесть» по разсѣянности, по привычкѣ много обѣщать, а завтра же и сдѣлаетъ что нибудь, то Курепинъ со своей сладкой улыбкой, съ мягкимъ вкрадчивымъ голоскомъ, съ нѣмецкой аккуратностью, производилъ впечатлѣніе челоѣка только по внѣшности корректнаго и безукоризненнаго... Если вамъ сказали бы, или вы убѣдились бы, что онъ и внутренне былъ такимъ же, то васъ все равно не повлекло бы къ нему. Когда я сравнивалъ Кичеева и Курепина, мнѣ невольно приходило на память слѣдующее стихотвореніе Иваницкаго:

«Бываютъ же люди такіе,
«Что самыя слабости ихъ
«Для насъ несравненно милѣе
«Высокихъ достоинствъ другихъ!»

А когда еще только одно наружное «цирлихъ-манирлихъ», то, право, пріятнѣе—разгильдяйство и «русское безпутство». Курепинъ не долго пережилъ своего пріятеля Кичеева. Какъ журналистъ, литераторъ, Курепинъ—очень микроскопическая величина.

Я уже давно печаталъ отрывками очерки о зырянахъ. Въ зиму 1883 года, я началъ приводить очерки въ порядокъ и рѣшилъ докончить ихъ. Найдя нѣсколько эскизовъ ненапечатанныхъ, я отнесъ ихъ къ И. С. Аксакову въ «Русь». Маститый писатель прінялъ меня съ русскимъ радушіемъ, много разспрашивалъ о зырянахъ и оставилъ у себя статью. Черезъ недѣлю я зашелъ за отѣтомъ.

— Очерки ваши очень любопытны,—сказалъ Аксаковъ:—я помѣщу съ удовольствіемъ. Но какъ велико будетъ все задуманное вами сочиненіе?

— Полагаю, листовъ пятнадцать!

— Для меня это нѣсколько много... Не можете ли мнѣ дать еще три—четыре очерка, наиболѣе характерныхъ?

И согласился.

Но когда я вернулся изъ Москвы (послѣ коронаціи) въ Любань гдѣ опять поселился, мнѣ не захотѣлось дробить сочиненія; я рѣшилъ его кончить и цѣликомъ напечатать въ какомъ нибудь изданіи.

Съ сентября 1883 года въ Москвѣ начала выходить «Россія» г. Уманца. Это было иллюстрированное еженедѣльное изданіе, причѣмъ иллюстраціи помѣщались не въ текстѣ, а прилагались въ видѣ отдѣльных картинъ. Въ числѣ сотрудниковъ были объявлены многіе извѣстные писатели: Н. С. Лѣсковъ, графъ Г. Салиасъ, Я. П. Полонскій. Изъ болѣе молодыхъ къ «Россіи» применили: В. В. Чуйко, Баскинъ, Н. П. Аксаковъ, Ермиловъ, С. Филипповъ (Никитинъ), Д. А. Линевъ.

По дѣламъ мнѣ нужно было съѣздить въ Москву. Я захватилъ съ собою первую часть труда, чтобы предложить его новому журналу. Редакціей завѣдовалъ адвокатъ Вл. Ал. Скрипицынъ. Я засталъ его въ редакціи. Онъ былъ чѣмъ-то занятъ и, удѣливъ мнѣ немного времени, сказалъ, что заѣдетъ ко мнѣ, чтобы переговорить о предложеніи. Въ тотъ же день, въ отдѣльномъ кабинетѣ пресловутаго «Тѣстова» я прочелъ Скрипицыну первую главу труда. Она ему очень понравилась.

— Что же читать дальше? Видно... да и вы же не дебютантъ... Я беру очерки... посылайте одну за другою главы, и мы будемъ печатать...

Мы посидѣли еще, поговорили о близкихъ нашему сердцу вопросамъ. В. А. сообщилъ между прочимъ, что Лѣсковъ далъ повѣсть, а Салиасъ романъ «Атаманъ Устя». Линевъ даетъ повѣсть.

— Вы знаете Линева? — спросилъ меня Скрипицынъ.

— Лично нѣтъ, но, какъ писателя — да: я читалъ его очерки тюремнаго быта...

Между прочимъ В. А. рассказалъ объ одной московской писательницѣ. Она, желая произвести эффектъ и повліять на редакцію, пріѣхала въ каретѣ, расфранченная и начала говорить о томъ, какой успѣхъ имѣютъ ея романы среди московской публики, и какъ этимъ романамъ обязана своей подпиской та газета, гдѣ она работаетъ... «Вотъ если вы»...

Писательницѣ поблагодарили, но отъ романовъ ея отказались. Она съ апломбомъ вышла изъ редакціи и уѣхала въ каретѣ.

Въ этотъ пріѣздъ я не познакомился ни съ кѣмъ изъ сотрудниковъ «Россіи», потому что торопился вернуться домой, куда меня вызывали серьезные дѣла.

Лѣтомъ, проѣзжая на родину, въ Вологду, я пробылъ въ Москвѣ болѣе недѣли и познакомился со всѣми ближайшими сотрудниками журнала, а также и съ его владѣльцемъ.

Прежде всего я встрѣтился, если не ошибаюсь, съ Д. А. Линевымъ. Я читалъ его раньше, и мнѣ особенно понравилась его

книга: «Въ пересыльной тюрьмѣ». Это не сочиненіе, а фотографическіе снимки того, что самъ видѣлъ, испыталъ авторъ. У меня есть привычка создавать портретъ писателя по его сочиненіямъ... Надо сознаться, я почти всегда ошибаюсь. Читая очерки Линева, я почему-то вообразилъ его тонкимъ, худощавымъ молодымъ человѣкомъ, — и вдругъ я увидѣлъ субъекта высокаго роста, атлетическаго сложенія, съ широкимъ лицомъ, безпокойнымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Атлетъ съ толстыми губами, съ черной бородой и съ курчавыми волосами такого же цвѣта, которые образовали на головѣ цѣлую шапку, онъ бросается въ глаза среди многочисленной толпы. Прибавьте къ этому громовый голосъ, рѣшительныя движенія... Вы сразу чувствуете, что это олицетвореніе энергіи и смѣлости. Я былъ передъ нимъ такимъ худенькимъ и тоненькимъ, что, когда онъ протянулъ мнѣ руку, я невольно подумалъ: а не сломаетъ?... Его фигура, шапка курчавыхъ волосъ произвели сенсацию на кумыскѣ, куда онъ пріѣхалъ, путешествуя по Волгѣ въ 1888 году. «Кто это?»—спросили меня дамы. Я шутя сказалъ, что это консулъ индійскій. Моей шуткѣ такъ повѣрили, что потомъ я насилу разубѣдилъ дамъ, любящихъ все эксцентричное.

За обѣдомъ въ «Московскомъ Трактирѣ» я познакомился съ другими ближайшими сотрудниками—Н. П. Аксаковымъ и Филипповымъ. Н. П. Аксаковъ — не родственникъ извѣстному Аксакову. Получившій солидное образованіе за границей, знающій множество языковъ и вообще человѣкъ большой эрудиціи, Н. П. совсѣмъ не созданъ для житейской борьбы. Онъ только недавно и то случайно устроился недурно, а то всю жизнь провелъ незамѣтнымъ литературнымъ работникомъ, нуждаясь и тратя силы, знаніе и дарованіе по мелочамъ... Онъ не беллетристъ, хотя и пишетъ рассказы, и не поэтъ, хотя и попалъ въ сборникъ, изданный «Русскою Мыслью». Онъ—талантливый публицистъ, писатель, сильный въ философскихъ, богословскихъ вопросахъ, знающій хорошо исторію, земское дѣло. Это полезнѣйшій сотрудникъ, потому что въ свои статьи, полныя знанія, онъ вкладываетъ душу. Брюнетъ, средняго роста, съ груднымъ низкимъ голосомъ, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ глазами, свѣтящимися мягкимъ свѣтомъ, онъ произвелъ впечатлѣніе не борца, а кабинетнаго ученаго, критика... Когда я сблизился съ нимъ, я убѣдился, что это—человѣкъ въ высшей степени добродушный и деликатный. Движенія отличаются медлительностью, и на всей фигурѣ лежитъ отпечатокъ серьезности и спокойствія... Не одинъ разъ Н. П. принимался руководить журналомъ, и всегда оказывалось, что онъ рожденъ быть кабинетнымъ работникомъ, а не стоять у руля, не править кораблемъ, гдѣ нужны энергія, быстрота, рѣшительность, смѣтка, житейская умѣлость, выдержка и способность встрѣчать стойко врага лицомъ къ лицу...

С. Н. Филипповъ, начинающій, кажется, подражать Данченко

въ блужданіи по Россіи и Европѣ, тогда былъ еще совсѣмъ «зеленымъ» литераторомъ. Онъ только что начиналъ свою дѣятельность, помѣстивъ дебютный разсказъ въ «Россіи» подъ псевдонимомъ Никитина. Онъ еще служилъ, но уже собирался бросить службу для литературы. Средняго роста, умѣренно плотнаго сложенія, свѣтлый блондинъ, всегда тщательно одѣтый, онъ выглядѣлъ человекомъ достатка и мало имѣлъ типичныхъ чертъ литератора...

«Самъ командиръ», какъ шутя кто-то назвалъ Скрипицына, художавый человекъ средняго роста, съ длиннымъ узкимъ лицомъ, освященнымъ живыми карими глазами, сразу завоевывалъ симпатію... Онъ былъ по профессіи адвокатъ, но волосы носилъ чисто художническіе—длинные до плечъ, развѣвавшіеся при ходьбѣ... Рѣдко можно встрѣтить такой пріятный, задушевный голосъ, какой у Скрипицына, при рѣчи стремительной и порывистой. Потомъ, работая съ нимъ въ «Русскомъ Курьерѣ» Н. П. Ланина, я короче узналъ его, и еще болѣе усилились къ нему мои симпатіи. Человекъ рѣдкой доброты, крѣпкій въ дружбѣ, хорошій товарищъ во время досуга, В. А. былъ любимъ всѣми. Я пишу эти строки, находясь въ Москвѣ, и съ грустью, съ сожалѣніемъ вспоминаю то недавнее, когда мы дружескимъ кружкомъ проводили вечера за теплой бесѣдой. Мы собирались въ «уютномъ кабинетѣ» Московскаго (В. А. большой гурманъ) или въ квартирѣ бывшаго «командира». Теперь всѣ разсѣялись: Н. П. Аксаковъ—въ Петербургъ и занимаетъ видный служебный постъ, Д. Л. Линевъ—тоже въ Петербургъ (онъ пишетъ въ «Биржев. Вѣдом.»); Скрипицынъ въ Саратовѣ, гдѣ редактируетъ неофициальную часть «Губ. Вѣдомостей», С. Н. Филипповъ, всего меньше бывавшій въ нашемъ кружкѣ, — большую часть года путешествуетъ, издавая томъ за томомъ свои путевые наброски... А тогда всѣ были здѣсь, и чувствовалось теплѣе и веселѣе. Я любилъ субботы у В. А., гдѣ можно было говорить по душѣ, гдѣ не было мѣста сплетнѣ, мелкой враждѣ, чванству...

«Россія» издавалась не долго. Издатель, человекъ чуждый печати, бывшій уланъ или гусаръ, отличался всѣми качествами русскаго помѣщика добраго времени. Такой человекъ хорошъ вездѣ, кромѣ серьезнаго, да еще литературнаго дѣла... Денегъ скоро не стало, да и хозяинъ началъ вмѣшиваться въ дѣло, давъ свободу и тѣмъ, кто еще менѣе его понималъ это дѣло... Я не знаю подробно всей «исторіи» «Россіи» (ее лучше можетъ изобразить В. А. Скрипицынъ, какъ достовѣрный лѣтописецъ), но знаю, что въ концѣ концовъ сотрудники «Россіи» предложили своему принципалу условія, которыя они, шутя, называли «конституціей». «Конституція» была написана (она очень любопытна, но у кого ея единственный экземпляръ?), хозяинъ «Россіи» ее принялъ и подписалъ... но... не оказался ей вѣрнымъ, и «Россія» не продолжала

издаваться согласно «конституціи». Скоро она перешла въ другія руки, къ Пашкову, но, провлачивъ жалкое существованіе сѣраго изданія, она почилла. Я не передаю никакихъ дальнѣйшихъ подробностей, потому что ихъ не знаю. Помню только одинъ эпизодъ: въ 1886 году прїѣзжалъ въ Петербургъ г. Т., въ качествѣ редактора «Россіи», и пригласилъ меня дать романъ. Я общалъ, но «Россія» не стала издаваться. Одно время ее редактировалъ Н. Аксаковъ (изданіе Пашкова), но это были дни агоніи. П. или совсѣмъ не платилъ или платилъ гроши...

Послѣ «Россіи» Скрипицынъ редактировалъ «Новости Дня», гдѣ работалъ и Н. П. Аксаковъ. Они оба трудились почти безкорыстно, потому что тогда газета еще шла плохо. Изъ «Новостей Дня» Скрипицынъ перешелъ въ «Русскій Курьеръ», послѣ того какъ съ Ланинымъ разошелся П. Голенищевъ-Кутузовъ. В. А. взялъ на себя редакцію газеты, сталъ писать воскресный фельетонъ, и ему же принадлежала большая часть передовыхъ статей.

В. А. Скрипицынъ писалъ нѣсколько пространно, не блисталъ тѣмъ остроуміемъ, какое нынче въ модѣ. Но его воскресные фельетоны всегда отличались серьезной мыслью и взглядами, съ которыми можно было не соглашаться, которые казались порой «странными», но которыхъ никогда нельзя было назвать шаблонными и общими мѣстами... Вотъ этимъ не грѣшилъ Современный Чудакъ—таковъ псевдонимъ, выбранный для себя В. А. Да, онъ былъ чудакъ, потому что не признавалъ ходячихъ мнѣній вѣрными, а думалъ вполне справедливо, что тѣ-то мнѣнія и нуждаются всего болѣе къ провѣркѣ, которыя всѣми приняты, какъ рѣшенныя... Кто привыкъ искать въ бесѣдахъ журналиста мысли, сути, освѣщенія общественныхъ явленій и вопросовъ, а не остроумія Петрушки, тотъ прощалъ нѣкоторые недостатки письма Современнаго Чудака и съ удовольствіемъ проводилъ часъ за чтеніемъ его бесѣды, какъ бесѣды человека умнаго, мыслящаго, образованнаго и любящаго горячо родину...

Я примкнулъ къ «Русскому Курьеру» осенью 1888 года, когда въ газетѣ приняли участіе Линева и Аксаковъ, и газета вообще начала оживляться. Раньше я помѣщалъ только изрѣдка что нибудь, и между прочимъ въ началѣ 1888 года напечаталъ рядъ фельетоновъ о С. Я. Надсонѣ, подъ названіемъ «Юноша-поэтъ».

Собственно благодаря этому фельетону, я и познакомился съ Николаемъ Петровичемъ Ланинымъ. В. А. С—нъ, одобряя идею очерковъ о Надсонѣ, не взялъ на себя права рѣшить печатаніе цѣлага ряда фельетоновъ о молодомъ умершемъ поэтѣ и посоветовалъ переговорить съ самимъ Николаемъ Петровичемъ.

Н. П. Ланинъ былъ совсѣмъ не оцѣненъ нашей прессой, болѣе любящей высмѣивать, чѣмъ выяснять что либо, чуждой склонности относиться благодарно къ людямъ, ратующимъ за общее

благо, если только эти люди изъ другого лагеря или удобны для проявленія дешеваго остроумія. Кто не смѣялся надъ Н. П. Ланинымъ, торговцемъ шипучими водами! Кто не называлъ его шипучимъ издателемъ, русскимъ Гамбетой! и т. д. Ему ставили въ вину то, что заслуживало только похвалы! У Н. П. было не мало недостатковъ, но не за нихъ травили его. Н. П. Ланинъ принадлежалъ къ незауряднымъ людямъ. Онъ не открылъ какой нибудь торговли, чтобы по шаблонному обычаю наживать рубли. Безъ особеннаго образованія, по крайней мѣрѣ систематическаго образованія, онъ отправился за границу, велъ жизнь простого рабочаго, пытливо добивался до всего, узналъ способы приготовленія шампанскаго и водъ (лучшихъ водъ въ Россіи—надо сказать) и энергично принялся за дѣло на родинѣ. Онъ добился успѣха, добился громаднаго состоянія, но всѣмъ обязанъ лично себѣ самому, своей желѣзной энергіи, своей предпримчивости, своему пытливому уму. Это что нибудь да значить, это не то, что получать отъ тятеньки капиталы, открыть трактиръ или фабрику и... собирать доходы!

Сдѣлавшись богатымъ человѣкомъ, Н. П. не почилъ на лаврахъ, не ушелъ въ одни утробные интересы, какъ многие, ищущіе удовольствія въ тысячныхъ рыскахъ и въ развлеченіяхъ, которыми прославились московскіе толстосумы. Н. П. всегда томила духовная жажда, онъ стремился къ общественной дѣятельности на пользу отечества. Онъ много читалъ, стараясь разрѣшить мучившіе его вопросы, какъ умѣлъ—писалъ и самъ. «Русскій Курьеръ» начать имъ не съ цѣлью барышей, онъ не имѣлъ въ виду печатный органъ превратить въ дойную корову или въ средство умножить капиталъ. Онъ его началъ идейно и ради идеи онъ ухлопалъ въ него большія деньги. На его деньги издававшаяся газета и руководимая различными представителями печати была всегда серьезнымъ органомъ, не служила мраку, обскурантизму, не побижала аппетитамъ буржуазіи, а стояла и боролась за интересы рабочаго класса, за мужика, за народнаго учителя, за всѣхъ бойцевъ мысли и свѣта на Руси! «Русскій Курьеръ» по направленію остался тѣмъ же до послѣднихъ дней, когда и самъ Н. П. уже руководилъ газетой. Не лишенный многихъ странностей, Н. П., какъ издатель, проявлялъ не разъ примѣръ гражданской доблести, рискуя матеріально и навлекая на себя неудовольствіе сферъ, отъ которыхъ зависѣла газета. Нельзя умолчать о слѣдующемъ фактѣ. Покойный профессоръ Ор. Э. Миллеръ прислалъ статью. Она была хороша, вѣрно освѣщала вопросъ, но ея сенсаціонный и рѣзкій характеръ помѣшалъ ей явиться на страницахъ многихъ изданій, хозяева которыхъ смѣлы только тогда, когда эта смѣлость пріятно щекочетъ нервы читателей, ничуть не угрожая благополучію изда-

ніа. Профессоръ предупреждалъ Ланина о томъ, что статья можетъ вызвать «кару».

Н. П. спросилъ мнѣнія ближайшихъ сотрудниковъ.

Тѣ сказали тоже, что «опасно». Они, конечно, не имѣли права рисковать за чужой счетъ.

— А я напечатаю!—сказалъ Н. П.—Да-съ, напечатаю! Вотъ вы какіе либералы: сейчасъ и боязнъ... Нѣтъ, ужъ если издавать газету, такъ она и должна быть газетой, а не макулатурой!.. Я отвѣтственъ передъ обществомъ! И кто же напечатаетъ, если я не напечатаетъ!..

— А если...

— Ну, что-жъ... я имѣю средства!.. Пусть закроютъ... пусть... а такъ нельзя!

Статья была напечатана и повлекла за собой кару на газету!

Послѣ третьяго предостереженія «Русскій Курьеръ» былъ пріостановленъ и въ силу новыхъ распоряженій сталъ выходить уже подъ предварительной цензурой... Это оказалось дѣломъ невыносимымъ, потому что читателямъ пришлось бы получать въ недѣлю одинъ, много два нумера. Н. П. закрылъ газету, хотя это причинило ему сильное горе... Онъ затосковалъ, и съ этого времени у него стало замѣчаться психическое разстройство, въ такой рѣзкой формѣ выразившееся во время народнаго голода. Ему стало представляться, что онъ съѣлъ весь хлѣбъ, и оттого голодъ... Эти галюцинаціи указываютъ на ту чуткую совѣсть, которая была у этого человека, служившаго всю жизнь мишенью для всевозможныхъ нападковъ. Между тѣмъ, многіе вопросы, поставленные «Русскимъ Курьеромъ» и по инициативѣ самого Н. П., рѣшены именно въ смыслѣ, имъ желаемомъ. Довольно указать хотя бы на вопросъ о надѣленіи народной школы землею. Приведенный выше примѣръ (напечатаніе статьи Миллера) не единственный въ жизни Н. П., какъ издателя «Русскаго Курьера». Ланинъ не боялся бросать перчатку противникамъ и указывалъ на темныя дѣлишки такихъ лицъ, которыя могли сильно повредить газетѣ. Быть можетъ, такъ оно и случилось.

У Н. П. было не мало и странностей. Такъ, напримѣръ, онъ не любилъ библіографіи и неохотно давалъ ей мѣсто. Онъ съ обычной ему насмѣшливостью говорилъ: «Ну, зачѣмъ? Зачѣмъ? Я знаю... кто нынче разбираетъ? Или ругаютъ враговъ, или хвалятъ своихъ друзей!» Въ этомъ его взглядѣ, какъ и во многихъ, кроется большая доля правды. Но вѣдь можно и иначе поставить дѣло библіографіи! Въ послѣднее время онъ сдѣлался такого высокаго мнѣнія о «Русскомъ Курьерѣ», что всякое одобреніе писателя считалъ уже чѣмъ-то особеннымъ. «Мы вѣдь его... похвалили... да, онъ долженъ цѣнить!..». Когда дѣло касалось очень

крупныхъ писателей, и Н. П.—чу замѣчали, что такой-то не нуждается въ похвалѣ, Н. П. запальчиво возражалъ:

— Какъ? Почему?..

— Да понятно, возьмите, напримѣръ, графа Толстого.

— А что такое? Что Толстой, Тургеневъ? У меня пишутъ свои Тургеневы... да!.. Это молодые люди... Но кто знаетъ? Можетъ быть, это будущіе Тургеневы!.. Зачѣмъ же будемъ рекламировать когонибудь!..

Рекламировать Толстого—это было, конечно, смѣшно. Но спорить съ Н. П. было бы напрасно. Въ послѣднее время онъ не терпѣлъ возраженій.

Когда я явился съ первой главой о Надсонѣ, Н. П. принялъ меня очень радушно. Онъ любилъ говорить, высказываться и, слушая возраженія, глядѣлъ на васъ съ усмѣшкой, лукаво.

— Да, да...—промолвилъ Н. П.,—Надсонъ... молодой поэтъ... хорошо писать... всѣ хвалили... И мы... о немъ писали одобрительно... Жаль, жаль... рано умеръ... вы его знали?

— Да, мы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Да!.. А по дружбѣ не будете очень... хвалить его? Нынче всѣ такъ...

Я предложилъ выслушать начало статьи. Н. П. согласился. Когда я кончилъ чтеніе, онъ сказалъ:

— Это хорошо... живо... и сердечно... да... ну, что же... я буду печатать... а много?

— Нѣсколько фельетоновъ!

— Ну, что же... талантливый поэтъ... надо цѣнить... пишите... я буду печатать.

Осенью, вернувшись съ Волги, я примкнулъ къ обновленной редакціи и сталъ писать ежедневные наброски... Они нравились Н. П., хотя съ нѣкоторыми мыслями онъ не соглашался. Въ «Русскомъ Курьерѣ» я также началъ свои китайскіе рассказы «Люди и нравы чѣйнаго царства». Эти рассказы и были причиною моего разрыва съ «Русскимъ Курьеромъ». Въ одномъ изъ первыхъ же рассказовъ я, отъ лица китайскаго беллетриста На-фу-фу, осмѣялъ нашихъ переводчицъ, берущихся за дѣло безъ серьезнаго знанія языковъ. Я привелъ нѣсколько фактовъ возмутительнаго искаженія оригинала. Переводчица «Русскаго Курьера», г-жа С., обидѣлась, вообразила, что я имѣлъ ее въ виду. Она расплакалась передъ Н. П., и тотъ, повѣривъ ея словамъ, обидѣлся на меня. Рассказъ не появился. Я послалъ рѣзкое письмо и отказался отъ участія въ газетѣ. Спустя полгода, именно передъ Пасхою, Н. П. самъ написалъ мнѣ письмо, прося дать стихотвореніе. «Я думаю, вы не такъ злопамятны... и похристіански передъ Пасхой забудете прошлое». Онъ не ошибся, я ничего уже не имѣлъ противъ него, напротивъ, мнѣ было даже досадно, что я тогда ему

написать отказъ въ столь рѣзкой, обидной формѣ. Я съ удовольствіемъ бы загладилъ свою горячность и исполнилъ бы просьбу Н. П., но у меня не оказалось стиховъ. Я рекомендовалъ ему стихи молодого, начинающаго тогда поэта А. М. Ѳедорова. Н. П. не понравилось, что стихи были бѣлые. Онъ хотѣлъ съ римами.

— Это какіе же стихи... такъ и я могу писать... что это?— сказалъ онъ Ѳедорову.

Встрѣтившись со мной въ одну изъ утреннихъ прогулокъ, Н. П. это самое повторилъ и мнѣ.

— Ну, а Кольцовъ, Н. П.?—задалъ я вопросъ.

— Кольцовъ? Что же... Кольцовъ самоучка... а развѣ Ѳедоровъ самоучка? Да онъ и не Кольцовъ... Безъ римы... какіе же это стихи!..

Иногда Н. П. поражалъ своихъ сотрудниковъ и, надо думать, дѣлалъ это съ цѣлью... Ему просто нравилось порождать недоумѣніе.

Какъ-то разъ, выйдя изъ кабинета, онъ вдругъ началъ:

— Да, вотъ... Вызываетъ меня государь... и говоритъ: ну, Ланинъ... я тобой доволенъ... ты стоишь за правду... да! Я и говорю: я—вѣрный сынъ своей родины, государь, и я обязанъ... да... я отвѣтственъ передъ народомъ...

— Н. П., да когда же вы были у государя?—съ удивленіемъ спросили Ланина.

— Хм.! Когда! А я это... сегодня во снѣ видѣлъ!..

И, тихо засмѣявшись, ушелъ обратно въ свой кабинетъ.

Послѣ утренней встрѣчи, о которой я упомянулъ сейчасъ, я не видѣлъ уже болѣе Н. П. Онъ умеръ, случайно простудившись... По принятой привычкѣ о покойномъ въ газетахъ было сказано нѣсколько добрыхъ словъ. Я не касаюсь Н. П., какъ думскаго дѣятеля и земскаго гласнаго. Одно можно сказать въ его пользу—онъ относился къ этой своей службѣ, какъ къ службѣ на благо общее, горячо отстаивалъ свои мнѣнія. Было бы интересно, чтобы люди, больше меня знавшіе этого своеобразнаго человѣка, подѣлились своими свѣдѣніями и мыслями о немъ для выясненія его личности.

Заговоривъ о Ланинѣ, я пропустилъ крупный фактъ изъ своей литературной жизни въ Москвѣ. Это—завѣдываніе мною редакціей «Друга Дѣтей». Фактъ этотъ имѣетъ общее значеніе, какъ характерная иллюстрація къ современнымъ литературнымъ нравамъ, и потому я остановлюсь на немъ.

Живя въ Ярославлѣ, зимой 1887 года, я получилъ письмо изъ Саратова. Представлялась возможность взять въ аренду или даже купить совсѣмъ «Саратовскій Дневникъ». Я поѣхалъ въ Саратовъ. Переговоры не увѣнчались успѣхомъ. Отправляясь въ Саратовъ, я остановился на день въ Москвѣ и завернулъ къ Вернерамъ, издававшимъ «Вокругъ Свѣта» и «Сверчокъ». Оба журнала

шли бойко, хотя и не пользовались репутаціей въ журналистикѣ. Особенно нападали въ печати на первый журналъ. Но Вернеры не обращали вниманія на печать. Оба изданія давали хорошій дивидендъ, а «идеи» и «принципы», о которыхъ когда-то любили говорить братья, теперь для нихъ не имѣли никакого значенія. Они отлично устроились, обзавелись палацками, дорогой обстановкой, ѣздили на собственныхъ лошадяхъ и жили во «все удовольствіе», какъ говорится. Недавніе бѣдняки, ютившіеся въ комнатѣ и занимавшіе по полтинѣ на обѣдъ, они вдругъ сдѣлались собственниками изданій, типографіи и цинкографическаго заведенія.

Я заѣхалъ съ цѣлью переговорить объ изданіи книги своихъ стиховъ, такъ какъ зналъ, что «братья» занимаются издательствомъ и издають очень мило съ внѣшней стороны.

Е. Вернеръ сказалъ, что онъ «не прочь», и просилъ собрать стихотворенія. Потомъ онъ замѣтилъ:

— А здѣсь новое дѣтское изданіе будетъ скоро... то-есть не новое, а «Дѣтскій Отдыхъ» переходитъ въ новыя руки... Хотите, я о васъ поговорю съ барынями... новыми издательницами... Имъ, кажется, необходимъ будетъ опытный человѣкъ.

— Что-жъ, поговорите!—сказалъ я.

На возвратномъ пути изъ Саратова я снова завернулъ къ Вернерамъ.

— Что, видѣли барынь?—спросилъ я.

— Знаете что... я хочу предложить другое вамъ... Мы задумали издавать свой дѣтскій журналъ... покупаемъ «Другъ Дѣтей»... Хотите завѣдывать литературнымъ отдѣломъ?

— Охотно, но... безъ вмѣшательства!

— Наше дѣло—художественный отдѣлъ... Тутъ мы—собаку съѣли... а по части литературы—вы полный хозяинъ... Вы достаточно авторитетны, и не намъ тутъ учить васъ.

— На такомъ условіи я согласенъ.

И вотъ я переѣхалъ изъ Ярославля въ Москву.

Въ концѣ декабря я отправился въ Петербургъ и пригласилъ участвовать въ «Другъ Дѣтей» многихъ писателей. Вообще въ списокъ сотрудниковъ вошли слѣдующія лица: П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, А. Н. Догановичъ, проф. А. А. Исаевъ, Н. И. Каравинъ, Е. Львова, Д. Минаевъ, Я. П. Полонскій, Л. Пальминъ (по желанію Вернеровъ), Н. Соловьевъ-Несмѣловъ, профессоръ Н. П. Вагнеръ, Л. И. Трефолевъ, А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ, I. I. Ясинскій, Н. П. Аксаковъ; извѣстный критикъ А. И. Введенскій обѣщалъ писать литературныя бесѣды. Я былъ печатно объявленъ завѣдывающимъ редакціей.

Подготовить матеріалъ, какъ слѣдуетъ, къ первому номеру не было возможности. Пришлось давать то, что есть. Хорошо еще, что Фофановъ прислалъ миленькое стихотвореніе.

Мнѣ всегда казалось, что наши дѣтскіе журналы представляли изъ себя не что, иное, какъ сборники болѣе или менѣе интересныхъ статей. Дѣтямъ нуженъ не сборникъ, не хрестоматія, въ которыхъ никогда не было недостатка, а настоящій журналъ, со всѣми общепринятыми отдѣлами, приспособленными для дѣтскаго пониманія, строго обдуманнѣе, разумѣется. Только изданіе, заключающее въ себѣ внутреннія характерныя черты, присущія журналу, можетъ считать свою задачу выполненной.

Это — не легкая задача. Но я знаю, что ее можно выполнить, если никто не будетъ мѣшать и не явится стѣсненій въ матеріальныхъ средствахъ. Вернеръ обѣщали мнѣ полную независимость, а деньги у нихъ были.

И я взялъ на себя редакторство. Но оказалось, что я попался на удочку. Я былъ имъ нуженъ, какъ писатель, пользующійся извѣстнымъ именемъ въ дѣтской литературѣ, знакомый публикѣ по множеству книгъ. Взяли на меня отвѣтственность передъ подписчиками, а дѣлать самимъ, что угодно — вотъ въ чемъ была цѣль «братевъ». Они вообразили, что ради жалованья я буду молчать.

Началось съ того, что они сами назначили какую-то статью въ №. Я ее выбросилъ. У насъ вышли «разговоры». Однако, статья не пошла. Вслѣдъ за этимъ Е. Вернеръ съ «улыбкой» передалъ мнѣ свой собственный рассказъ и свои стихи.

— Рѣшите, годится ли...

Я серьезно взялъ, просмотрѣлъ, сдѣлалъ исправленія и сдалъ въ типографію.

Между тѣмъ, Баранцевичъ прислалъ повѣсть. Я прочиталъ ее и сдалъ въ типографію. Вышелъ № съ началомъ повѣсти. Захожу какъ-то въ типографію узнать, какъ идетъ наборъ для слѣдующей книжки. Гляжу—цѣлая глава изъ повѣсти Баранцевича выкинута. Это меня возмутило.

— Кто сдѣлалъ?—спрашиваю у наборщика.

— Е. А. приказали!

— Но кто вамъ сдаетъ матеріалъ? Онъ или я? Вы знаете, кто завѣдуетъ журналомъ?

— Вы-съ!

— Ну, такъ какъ же...

— Помилуйте, они-съ хозяинъ... я не смѣю...

То же самое говорить и метранпажъ.

— Но вѣдь нельзя же печатать съ пропускомъ цѣлой главы!..

— Не наше дѣло-съ... Е. А. не приказали...

Мнѣ остался одинъ путь—дипломатія, ибо не могъ же я допустить, чтобы повѣсть писателя, уже имѣющаго имя, явилась въ такой самовольной передѣлкѣ.

— Гдѣ же эта глава?

— Здѣсь.

— Дайте ее мнѣ... и слѣдующую... Я хочу просмотрѣть, какъ вышло! Много набрано?

— Только что начато.

— Прекрасно!

Забралъ я все—и уѣхалъ.

Вечеромъ посыльный изъ типографіи.

— Позвольте съ «мантерьяль».

— Завтра привезу...

Пріѣзжаю на завтра. Вернеры—внѣ себя отъ гнѣва.

— Что же вы дѣлаете? Вы задержали наборъ!

— Да я и не дамъ совсѣмъ, если не будетъ пущено то, что выброшено.

— Это излишне!

— По-моему нѣтъ... Да и нельзя такъ поступать съ писателями по-сапожнически. Вы сами, Е. А., писали... Меня удивляетъ вашъ поступокъ.

— Мы редакторы!

— Официально — да. Но и я объявленъ завѣдующимъ. Я не могу допустить. Если вы не уважаете литератора и забыли недавнее прошлое, то я уважаю писателя...

— Вы получаете жалованье.

— За что? Неужели вы думаете, что я, подобно нѣкоторымъ журналистамъ, ради какихъ нибудь сотенъ продамъ свое имя и буду имъ все прикрывать.

— Хорошо... больше мы не будемъ, но это уступите!

— Ни за что!

— Мы разойдемся съ вами.

— Пожалуйста!

— И что вамъ за охота отстаивать Баранцевича? Не великій писатель какой...

— Писатель—и этого довольно!

Я уѣхалъ, не давъ рукописи.

Черезъ день Вернеръ самъ пріѣхалъ и сказалъ, что они «уступаютъ».

Я выигралъ, но этотъ инцидентъ показалъ мнѣ, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Бывшій «либеральный поэтъ», ослѣпленный денежнымъ успѣхомъ, превратился въ «хозяина, во вкусъ московскаго Кита Китыча».

Дальше — хуже. При каждой уплатѣ гонораровъ братья начинали ворчать, что «дорого».

— Помилюйте, 75 рублей за листъ—это ужасъ!.. С—ву 10 копеекъ строчка... это невѣроятныя цѣны!

Они начали опять подсовывать дешевый матеріалъ и... вдругъ я увидѣлъ въ наборѣ безобразное стихотвореніе Пальмина. Я не

могъ его выкинуть, и оно, не смотря на протестъ съ моей стороны, появилось въ журналѣ. Тогда я потребовалъ, чтобы моя фамилія, какъ завѣдующаго журналомъ, была снята съ обложки, и объявилъ, что я буду только писать для журнала и читать рукописи, а не составлять №.

Но Вернеры нарушили договоръ и сами пожелали вести журналъ. Когда споръ перешелъ на законную почву, они объявили, что не отказываются отъ услугъ г. Круглова, но требуютъ, чтобы онъ являлся въ 9 часовъ утра и оставался въ редакціи вмѣстѣ со всѣми служащими до 6 часовъ. Такого условія въ договорѣ не было, да оно и не соотвѣтствуетъ обязанностямъ редактора двухнедѣльнаго журнала. Для чего же нужно такое пребываніе въ редакціи? Вернеры, въ лицѣ адвоката, объяснили: въ редакцію могутъ заходить не только случайные, но и постоянные сотрудники, и вотъ для нихъ-то нужно сидѣть редактору. Во-вторыхъ, нужно сидѣть для цензуры, такъ какъ цензура можетъ не пропустить чего либо, что и потребуетъ поправки или замѣны (это въ двухнедѣльномъ-то изданіи, гдѣ матеріалъ отправляется разъ въ недѣлю, и поправки спѣшныя не нужны!). Въ-третьихъ, потому, что есть типографія и нужно, чтобы машины не стояли безъ дѣла. По поводу третьяго пункта одинъ фельетонистъ воскликнулъ: «О, Господи! Даже страшно за редактора, сколько онъ, бѣдный, долженъ написать, чтобы машины вѣчно имѣли работу». Ясно, что Вернеры молили вздоръ, надѣясь на то, что люди, незнакомые съ журнальнымъ дѣломъ, могутъ повѣрить. Они и повѣрили, но не это странно, а то, что просьба моя—вызвать экспертовъ для объясненія дѣла и выясненія редакторскихъ обязанностей — не была уважена. Мнѣ кажется, что литературное дѣло нельзя рѣшать безъ участія лицъ, знакомыхъ съ условіями литературнаго труда. Вѣдь если вызываются эксперты-специалисты для опредѣленія даже того, хорошо ли сшить сапогъ или сюртукъ, то какъ же устранить экспертизу въ опредѣленіи условій того труда, который вовсе не понятенъ многимъ юристамъ. Фельетонистъ «Р. К.», говоря о разборѣ дѣла, замѣчаетъ: «вообще курьезнаго было не мало, и пониманіе литературной работы, литературныхъ обязанностей оказалось блистательное, нравы же литературные рисуются воспитательными!».

Только ли литературные нравы?

Я предполагалъ дать въ «Другъ Дѣтей» повѣсть «Котофей Котофеевичъ». Теперь я предложилъ ее въ «Дѣтскій Отдыхъ», гдѣ она и была напечатана, а послѣ издана отдѣльно. Я сдѣлалъ постояннымъ сотрудникомъ «Дѣтскаго Отдыха». Въ немъ я напечаталъ рядъ повѣстей: «Всякому гвоздю свое мѣсто», «Счастье», «Изъ-за-мячика», и нѣсколько небольшихъ разсказовъ...

Одна изъ повѣстей «Счастье» была написана мною въ Москвѣ же, въ «Лоскутной», въ тотъ годъ, когда въ гостинницѣ собрался

чуть ли не цѣлый литературный кружокъ. Въ ней жилъ П. Д. Боборыкинъ, руководившій театромъ Горевой, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. М. Ядринцевъ, пріѣхавшій на археологическій съѣздъ, Н. А. Иваницкій—публицистъ и поэтъ, Обнорскій, поэтъ и издатель «Вологодскаго Справочнаго Листка», и одинъ изъ соредакторовъ Рижской Газеты. Это было веселое время. У меня часто собирались литераторы, артисты. Разговоры перемѣшивались съ чтеніемъ и спорами... Въ числѣ знакомыхъ, нерѣдко посѣщавшихъ меня, былъ и В. М. Михеевъ, тогда еще только что выпустившій томикъ стиховъ «Сибирскіе мотивы» и писавшій большой романъ изъ сибирской жизни. Теперь этотъ романъ «Золотыя ровсыпи» уже выпущенъ отдѣльно (онъ появился сначала въ «Артистѣ»), и кромѣ этого романа, Михеевымъ издано нѣсколько томиковъ рассказовъ. Завоевавъ себѣ мѣсто среди беллетристовъ, В. М. Михеевъ работаетъ не мало и для театра. Его пьеса «Арсеній Гуровъ» шла на Александринской сценѣ. Въ одинъ изъ вечеровъ В. М. говорить мнѣ:

— Отчего вы не пишете для театра?

— Не пробовалъ... А есть сюжетъ...

— Какой?

Я рассказалъ.

— Хотите писать вмѣстѣ?

— Хорошо.

Мы принялись, и черезъ полтора мѣсяца была готова драма въ пяти дѣйствіяхъ: «Талантъ и деньги». Кто читалъ ее (говорю о людяхъ авторитетныхъ), находятъ хорошей въ литературномъ отношеніи, хорошо разработанной въ смыслѣ типовъ, яркой по картинамъ и интересной по сюжету. Только надо сдѣлать нѣкоторыя купюры... Если бы драма была написана однимъ мною, я, вѣроятно, сдѣлалъ бы купюры. Но вѣдь не могу же я одинъ дѣлать все, когда не все мое... Есть большое неудобство писать чтонибудь вмѣстѣ съ тѣмъ, съ кѣмъ по годамъ даже не встрѣчаешься. Можно было бы поставить драму и такъ, купюры сдѣлали бы сами артисты, но надо хлопотать о постановкѣ. У меня нѣтъ ни времени, ни связей. А послѣднее очень и очень важно у насъ. Исторія всѣхъ драматическихъ пьесъ подтверждаетъ это... Непоявленіе перваго опыта на сценѣ отбило у меня желаніе писать для театра.

Въ Москвѣ я познакомился съ Н. Н. Златовратскимъ, котораго давно любилъ за его душевные рассказы изъ народнаго быта (помню, съ какимъ восторгомъ читали мы, юноши, «Крестьянъ-присяжныхъ»), сблизился съ молодымъ публицистомъ-врачемъ В. П. Окороковымъ и съ молодыми поэтами, только что выступавшими на поприще А. М. Ѳедоровымъ и А. А. Коринескимъ. В. П. Окороковъ извѣстенъ въ Москвѣ, какъ талантливый лекторъ «по школьной гигиенѣ» на педагогическихъ курсахъ и какъ борецъ противъ

теперешней полицейской системы регистраціи проституціи. Его рефератъ «Обширное общественное движеніе въ Западной Европѣ и Америкѣ противъ легализаціи разврата и его патентованныхъ учрежденій», читанный въ юридическомъ обществѣ, повлекъ за собою закрытіе врачебно-полицейскаго комитета въ Москвѣ и уничтоженіе выдачи поворныхъ билетовъ. Его же брошюра о мужскомъ цѣломудріи имѣла большое вліяніе на молодежь, вызвала переписку, массу собраний и основаніе кружковъ изъ людей, признавшихъ добрачное цѣломудріе молодежи обязательнымъ.

Вынужденный бросить гимназію, сынъ крестьянина, А. М. Оедоровъ сталъ сначала писать въ «Саратовскомъ Листѣ», а потомъ прѣхалъ въ Москву, гдѣ я и познакомился съ нимъ у извѣстной артистки Шебуевой, саратовской уроженки. Она была приглашена въ Москву Лентовскимъ и играла въ его театрѣ «Скоморохъ». Тогда А. М. былъ совсѣмъ еще юноша. Я познакомилъ его съ Н. Кичеевымъ, устроилъ его стихи въ «Новости» г. Нотовича и въ «Наблюдатель». Черезъ какую-то даму онъ получилъ письмо къ одному изъ руководителей «Русской Мысли» и сталъ время отъ времени печататься въ ней. Одно время онъ игралъ на сценѣ, даже пѣлъ въ опереткѣ въ Астрахани, гдѣ держалъ труппу его другъ Ковровъ... Теперь онъ, кажется, бросилъ сцену, живетъ въ провинціи и много работаетъ. Его стихи, изданные тоненькой книжкой г. Совѣтовымъ, встрѣтили сочувственный отзывъ критики; недавно онъ выпустилъ цѣлую переводную поэму «Свѣтъ Азіи». Я ея не видѣлъ, но о ней одобрительно отозвался В. П. Буренинъ который въ дѣлѣ пониманія поэзіи едва ли имѣетъ соперниковъ.

Оедоровъ и Коринескій—большіе друзья... Но между ними значительная разница... Послѣдній поэтъ—очень застѣнчивый, робкій, и долгое время былъ на столько неувѣренъ въ себѣ, что боялся куда либо нести свои стихи... Я какъ-то сказалъ ему въ Москвѣ:—отчего вы не пошлете ничего въ «Иллюстрацію»?—Ахъ, развѣ тамъ возьмутъ! Я и его познакомилъ сначала съ Кичеевымъ, потомъ съ редакціей «Всемирной Иллюстраціи»... И вотъ робкій поэтъ началъ являться во многихъ журналахъ, и не маленькихъ, и вездѣ его стихи обращали на себя вниманіе... Годъ, два тому назадъ М. Ключкинъ издалъ сборникъ стиховъ Коринескаго, издалъ изящно. Всѣ органы печати съ похвалой отзывались о молодомъ поэтѣ.

Покойный Н. М. Ядринцевъ любилъ А. Коринескаго, какъ поэта. Онъ какъ-то сказалъ мнѣ: «славный этотъ—юноша... И стихи его нравятся мнѣ... Вчера онъ принесъ мнѣ свой альбомъ и просилъ что нибудь написать. Я ему написалъ легенду». Она была потомъ напечатана въ вологодскомъ сборникѣ «Помочь», изданномъ въ пользу голодающихъ. Я не думалъ, что Н. М. можетъ писать такъ поэтично... Упомянувъ о Н. М. Ядринцевѣ, я невольно вспомнилъ его, и онъ всталъ передо мной—худощавый, съ полудлинными сѣдо-

ватыми волосами, съ небольшою бородкой. Сѣрые глаза серьезно смотрять изъ-подъ слегка сдвинутыхъ бровей... Н. М. былъ человѣкъ нервный, съ быстрыми порывистыми движеніями... Голось у него былъ мягкій, круглый... Жизнь хорошо помаяла его, но не убила его природной веселости. Онъ любилъ пошутить, побалагурить и въ энергіи не уступалъ любому юношѣ. Какое! Нынѣшніе слабяки и въ подметки не годятся ему!.. Онъ съ увлеченіемъ рассказывалъ о своей заграничной поѣздкѣ, описывалъ поэтическими, яркими красками жизнь въ Швейцаріи. Его мечтой было снова побывать тамъ. Вспоминаю лекцію, которую Н. М. читалъ въ московскомъ политехническомъ музеѣ... Многочисленная публика слушала съ восторгомъ Н. М., который былъ способенъ иногда вдохновляться, какъ поэтъ.

Какъ-то Н. М. высказалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы всѣ сочиненія продать хотя бы за 5,000 р., чтобы обезпечить ими дѣтей, воспитывавшихся у бабушки. Когда рѣчь заходила о дѣтяхъ, онъ дѣлался грустенъ и озабоченъ. Онъ любилъ ихъ горячо и грустилъ о смерти жены... Помню, когда зашелъ разговоръ о любви, Н. М. выразился: «любить!.. любить можно разъ... и однолюбы — правы... Я говорю о любви... понимаете?.. А... все прочее это не любовь!»

Жизнерадостный В. И. Немировичъ-Данченко—тоже человѣкъ энергіи, но другого темперамента... Я удивляюсь, право. Работаетъ онъ много лѣтъ, и ему уже около 50... Но посмотрите на него: это—сама жизнь съ ея кипящими страстями, волненіями... Года не уходили его. Онъ носится изъ края въ край по бѣлу свѣту, обращается къ врачамъ только за тѣмъ, чтобы поступить наперекоръ ихъ совѣтамъ (словно согласно татарской поговоркѣ: спроси жену, но поступи какъ разъ наоборотъ ея словамъ), издаетъ книгу за книгой и не знаетъ усталости!..

Я познакомился съ нимъ еще въ 1881 году, но лишь въ зиму 1889—1890 г. мы сблизились короче... Вотъ человѣкъ, который хотъ мертваго воскресить и заразить жаждой жизни!.. Благодаря его содѣянью, я отдалъ рассказъ «Живой мертвецъ» въ «Русскія Вѣдомости»... Онъ появился въ послѣднемъ № газеты за 1889 г. Послѣ этого я время отъ времени помѣщалъ рассказы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Съ 1890 г. до осени 1894 г. я не жилъ въ Москвѣ. Теперь я снова въ ней. Но говорить о прошломъ годѣ я не буду. Это уже очень близко... Пусть все—отойдетъ дальше. Между вчера и сегодня очень уже малъ промежутокъ!

Алек. Кругловъ.